

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

Литературно-художественный журнал

Герой номера Андрей Женин

«Как бы мы ни кокетничали, что пишем исключительно для собственного удовольствия, это не совсем правда. И любой творческий человек хочет признания. Просто кто-то очень хочет, а кто-то – совсем чуть-чуть».

с. 12

Жизнь и творчество
Лидии Девушкиной-Соммэ во Франции с. 18

Как пережить отказ,
или Не первоапрельская шутка с. 28

Редколлегия:

Главный редактор: **Д. А. Суховейко**

Ответственный секретарь: **С. А. Чалый**

Литературный консультант:
член Союза писателей России
И. И. Суховейко (Малкова)

Дизайн обложки и вёрстка: **С. А. Чалый**
Корректор: **Г. В. Донина**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-44356
от 21 марта 2011 г.

Учредитель и издатель:

Индивидуальный предприниматель
Суховейко Денис Александрович

Адрес редакции:

654063, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30, корп. 4.

Адрес издателя:

653033, Кемеровская область,
г. Прокопьевск, ул. Яворского, 24-44

Для писем:

654079, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, а/я 170.

Тел: 8-800-301-2620

E-mail: sp@izdat-kniga.ru

journalsp.ru

vk.com/journal_sp

knigi-market.ru

Все произведения и материалы, опубликованные в журнале, охраняются законодательством РФ об авторских и смежных правах. Воспроизведение публикаций журнала в каком-либо виде без письменного согласия редакции не допускается. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. За достоверность фактов несут ответственность авторы опубликованных материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право на литературную правку рукописей, не вступая в переписку с авторами. Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.

Отпечатано в типографии издательства

«Союз писателей»,

Россия, Кемеровская обл.,

г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30/4.

Подписано в печать 24.04.2019

Журнал вышел в свет 30.04.2019

Формат 60x84/8. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура «Times New Roman».

120 стр. Тираж 3000 экз.

Цена договорная.

Литературно-художественный
журнал

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

№ 4/2019 (100)

Издаётся с 2011 года

Содержание номера

Выпуск номер 100 3

Литературный календарь

Юбилеи 4

События 9

Конкурсы 9

Герой номера

Андрей Женин.

О литературе, медицине
и разнице поколений 12

Из жизни студентов на картошке
(Фрагмент повести) 15

Диалог с писателем

Жизнь и творчество

Лидии Девушкиной-Соммэ
во Франции 18

Гоголевский вестник

С любовью Кузбассу:
вечер-концерт клуба ветеранов
комсомола «Моя семья» 25

Встреча с заслуженной артисткой
РСФСР Галиной Яцкиной 26

Психология творчества с Ларисой Агафоновой

Как пережить отказ,
или Не первоапрельская шутка 28

Тема номера

Владимир Гакштетер
Кто с мечом к нам 30

Олег Гонозов	
<i>Лайковая жизнь</i>	32
<i>Десятка раздора</i>	32
Андрей Ивонин	
<i>Стихотворения</i>	34
Валерий Лепов	
<i>Философия юмора</i>	38
Валентина Панина	
<i>Сватовство</i>	41
Дмитрий Сарвин	
<i>До нашей эры</i>	45
Владимир Соколов	
<i>Электрики</i>	47
Наталья Шарапова	
<i>Великан</i>	48

Поэзия

Любовь Александрова	
<i>Стихотворения</i>	49
Инна Андрианова	
<i>Стихотворения</i>	51
Елена Булычёва	
<i>Стихотворения</i>	52
Анжелика Гизатуллина	
<i>Стихотворения</i>	53
Лев Пряхин	
<i>Человек состоялся? (Продолжение)</i>	55
Юлия Санникова	
<i>Стихотворения</i>	65
Виталий Свирин	
<i>Перелётные мысли</i>	67
<i>Сосны на берегу</i>	68
Наталья Смехачёва	
<i>Стихотворения</i>	69
Ольга Флярковская	
<i>Стихотворения</i>	70

Галина Шубникова	
<i>Стихотворения</i>	71

Проза и публицистика

Лариса Агафонова	
<i>Неразлучники</i>	72
Наталья Волохина	
<i>Игрушка</i>	76
<i>Кого ударил Виталик?</i>	77
<i>Гадание на головах</i>	78
Кристина Волчецкая	
<i>Иосиф</i>	80
<i>Девочка и море</i>	82
Лилия Ёж	
<i>Находка</i>	85
Мариэтта Захарян	
<i>Кто там?</i>	88
Татьяна Летова	
<i>Жизнь понарошку. Главы 4–6</i>	91
Мария Нестеренко	
<i>Работа делает свободным.</i> <i>Главы 7–8</i>	102
Александр Онищенко	
<i>Голубиная стая</i>	107
Валерия Паркер	
<i>О жизни</i>	111
<i>Алла и Полина: История</i> <i>взросления</i>	112
Елена Чурсинова	
<i>Красный зонт</i>	114

Цветные зонтики

Светлана Дотц	
<i>Стихотворения</i>	116
Лилия Ёж	
<i>Чистоплюх</i>	117

Выпуск номер 100

Дорогие читатели! Представляем вашему вниманию юбилейный сотый выпуск «Союза писателей», который обещает массу впечатлений и эмоций. Почётное место в главной рубрике месяца у нас занял юмор. И это не совпадение, так как веселье и весна – синонимы. Согласны? Тогда не теряйте ни минуты и заглядывайте в «**Тему номера**», чтобы посмеяться от души вместе с прозаиками Владимиром Гакштетером, Олегом Гонозовым, Валерием Леповым, Валентиной Паниной, Дмитрием Сарвиным, Владимиром Соколовым, а также поэтами Андреем Ивоным и Натальей Шараповой.

Любите изучать публикации последовательно? Тогда обо всём по порядку. Перевернув эту страницу, вы найдёте «**Литературный календарь**». Данный раздел – находка для тех, кто хочет всегда быть в курсе дел и знать всё о книжном мире. Здесь собрана сводка о писателях-юбилярах, важные литературные даты и информация об открытых литературных конкурсах, на которые стоит обратить внимание как начинающим писателям, так и профессионалам.

В качестве героя номера мы пригласили **Андрея Женина**, автора повестей «Из жизни студентов в эпоху застоя», «Из жизни советских студентов на военных сборах», «Из жизни советских студентов на картошке» и «Из жизни врачей в эпоху перестройки». Писатель с удовольствием и присущим ему юмором поговорил с корреспондентом журнала о литературе, медицине и разнице поколений.

В рубрике «**Диалог с писателем**» пойдёт речь о жизни и творчестве Лидии Девушкиной-Соммэ, нашей соотечественницы, ныне проживающей во Франции. Перед глазами предстают города, описанные Александром Дюма в его бессмертных романах, повествуется о реальной жизни настоящих французов и русских эмигрантов в стране, которая у многих ассоциируется с романтикой, мод-

ными показами и круассанами. Но так ли всё радужно на самом деле? Узнаем из интервью!

Мысленно побывав в Европе, читатель журнала «Союз писателей» возвращается в Россию и отправляется в Кемеровскую область. «**Гоголевский вестник**» предлагает вниманию новости из Центральной новокузнецкой библиотеки имени Н. В. Гоголя. Два важных мероприятия прошли в стенах учреждения в начале апреля. Представители Гоголевки расскажут о вечере-концерте клуба ветеранов комсомола «Моя семья» и встрече с заслуженной артисткой РСФСР Галиной Яцкиной.

Многие писатели сталкивались с отказами издательств, когда хотели выпустить свою книгу. Особенно часто «нет» приходится слышать начинающим авторам. «Как пережить отказ, или Не первоапрельская шутка» – статья, в которую вошли дельные психологические советы от Ларисы Агафоновой.

Ну и куда же без новых произведений современных авторов и продолжения любимых историй? В апрельском номере «СП» вы найдёте стихотворения Любви Александровой, Инны Андриановой, Елены Булычёвой, Анжелики Гизатуллиной, Льва Пряхина, Юлии Санниковой, Виталия Свирина, Натальи Смехачёвой, Ольги Флярковской и Галины Шубниковой, а также прозу Ларисы Агафоновой, Натальи Волохиной, Кристины Волчецкой, Лилии Ёж, Мариэтты Захарян, Татьяны Летовой, Марии Нестеренко, Александра Онищенко, Валерии Паркер и Елены Чурсиновой.

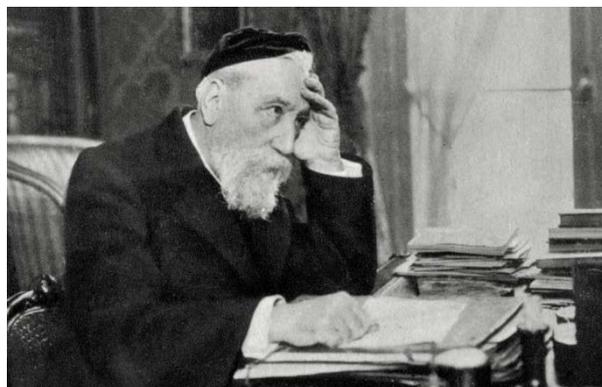
А на десерт – произведения для самых юных читателей. Под «**Цветными зонтиками**» от дождя спрятались презабавные стихи о зверьках от Светланы Дотц и рассказ про хозяйственного домовёнка от Лилии Ёж.

Весна – время надежды, радости и любви. Давайте же насладимся каждым её мгновением с авторами юбилейного выпуска «Союза писателей»!

Литературный календарь

Юбилей

16 апреля – 145 лет назад в Париже родился французский писатель и литературный критик **Анатоль Франс** (1844–1924), лауреат Нобелевской премии в области литературы 1921 года. Его перу принадлежат произведения в разных жанрах, среди них: «Остров пингвинов», «Боги жаждут», «Восстание ангелов», «Маленький Пьер».

17 апреля – 135 лет назад родился поэт-футурист **Василий Васильевич Каменский** (1884–1961). Помимо литературных достижений, Каменский прославился как один из первых русских авиаторов. В копилке автора произведения «Нагой среди одетых», «Стенька Разин», «Его-Моя биография Великого Футуриста», «Уральские поэмы», «Могущество: Роман в стихах» и прочие.

21 апреля – 70 лет назад в Москве родилась русская поэтесса и литературный критик **Татьяна Александровна Бек** (1949–2005), дочь писателя Александра Альфредовича Бека. Первые стихотворения опубликовала в 1965 году на страницах журнала «Юность». Лауреат премий журналов «Литературное обозрение» (1979), «Звезда» (1995) и «Знамя» (1997), а также премий «Серебряный гонг» и «Московский счёт». Объектами литературоведческих ин-

тересов поэтессы были современная литература и литература Серебряного века.

22 апреля – 295 лет назад родился немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии, стоящий на грани эпох Просвещения и романтизма, **Иммануил Кант** (1724–1804). «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения» – фундаментальные сочинения Канта, принёсшие ему репутацию одного из самых выдающихся мыслителей XVIII века.

200 лет назад родился немецкий писатель и переводчик **Фридрих Боденштедт** (1819–1892). Своими оригинальными произведениями Боденштедт прославился на весь мир, а в свободное время занимался изучением славянской литературы и переводами с русского на немецкий.

130 лет назад родился немецкий писатель, противник нацизма **Людвиг Ренн** (1889–1979). Настоящее имя – Арнольд Фридрих Фит фон Гольсенау. Среди сочинений автора: «Война», «После войны», «Дворянство и падение», «Испанская война».

120 лет назад в Санкт-Петербурге родился русский и американский прозаик, поэт, драматург, переводчик и литературовед **Владимир Владимирович Набоков**

(1899–1977). Многие произведения автора обрели известность, в том числе и скандальную («Лолита»). Знаковыми романами Набокова можно называть «Машеньку», «Защиту Лужина», «Истинную жизнь Себастьяна Найта».

110 лет назад родился советский писатель, журналист и военный корреспондент **Вадим Михайлович Кожевников** (1909–1984), автор произведений «Заре навстречу», «Щит и меч», «Знакомьтесь, Балуюев!» и прочих.

23 апреля – 455 лет назад в Стратфорде-на-Эйвоне родился английский драматург и поэт **Уильям Шекспир** (1564–1616), автор бессмертных историй «Ромео и Джульетта», «Гамлет, принц датский», «Отелло», «Король Лир».

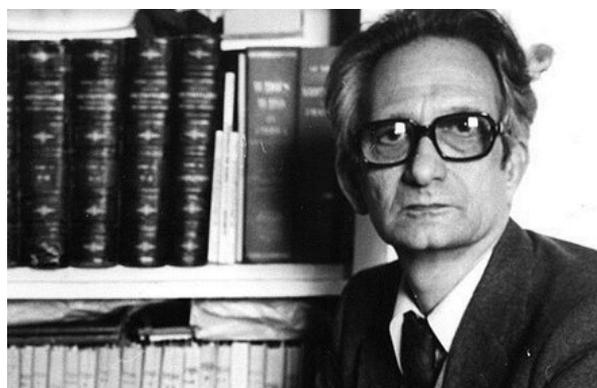
На самом деле никто не может с уверенностью сказать, что будущий гений появился на свет именно в этот день. В XVI веке не существовало такого понятия, как свидетельство о рождении. Записи делались в церкви и были весьма хаотичными и неточными. Однако доподлинно известно, что крещение мальчика провели 26 апреля. Обычно это делалось через три дня после рождения. Кстати, эта неопределённость не единственная странность в биографии великого драматурга.

Наибольший скепсис у литературоведа вызывает богатство английского языка, которое он демонстрировал. Уильям не был аристократом, вырос в провинции, образования практически не получил, провёл долгие годы на подмостках театров. Откуда же тогда в его словарном запасе было бо-

лее двадцати тысяч слов? Ведь даже самые просвещённые умы того времени обычно владели не более чем четырьмя тысячами. Этот парадокс дал почву для слухов и домыслов. В частности, согласно одному из наиболее распространённых мифов, Шекспир вовсе не был одним человеком. Легендарная фамилия – лишь псевдонимом, под которым писала группа авторов или, может быть, кто-то один, но значительно более интеллигентный и знатный. Среди имён, называемых в этой связи, есть даже Елизавета I. Кстати, о том, что Шекспир был женщиной, согласно психотипу его персонажей, тоже ходят споры. Одним словом, сплошные загадки.

24 апреля – 90 лет назад в Москве родился русский советский писатель-фантаст **Владимир Дмитриевич Михайлов** (1929–2006). На счету писателя такие произведения как «Сторож брату моему», «Капитан Ульдемир», «Приют ветеранов» и другие. Владимир Дмитриевич является лауреатом литературной премии в области фантастики «Аэлита» 1991 года.

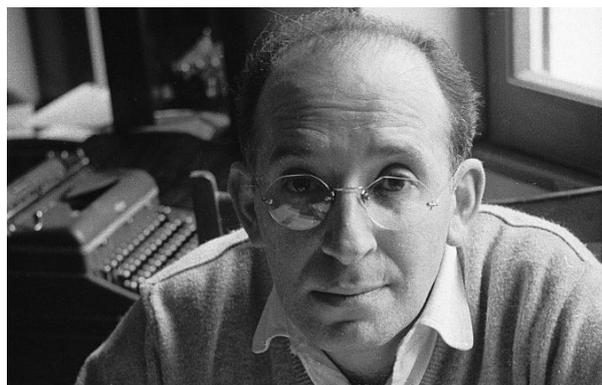
25 апреля – 105 лет назад родился французский писатель и сценарист **Клод Мориак** (1914–1996). Ему принадлежит сценарий фильма «Тереза Декейру», основанного на романе отца Франсуа Мориака. Из наиболее видных работ Клода можно выделить исследование, посвящённое жизни Марселя Пруста.

85 лет назад родился чешский прозаик **Мирослав Рафай** (1934–1987), автор повести «Обследование ветряных мельниц» (1979), сборников рассказов «Родительский

сад» (1979), «Горячий конь» (1980), «В окружении близких» (1984), а также психологических романов на производственную тему – «Трудности равнин» (1973), «Солёный снег» (1976).

26 апреля – 190 лет назад родился русский писатель **Григорий Петрович Данилевский** (1829–1890). В числе знаковых произведений писателя «Слобожане», «Девятый вал», «Княжна Тараканова», «Сожжённая Москва».

105 лет назад родился американский писатель **Бернард Маламуд** (1914–1986). Первая же книга Маламуда – роман «Прирождённый мастер» о судьбе бейсболиста, погубленного царящей в американском спорте коррупцией, – принесла ему известность. На счету автора множество престижных наград, в том числе Пулитцеровская премия.

27 апреля – 115 лет назад родился ирландский поэт, прозаик и переводчик **Сесил Дей-Льюис** (1904–1972). В пятидесятых годах прошлого века Дей-Льюис преподавал поэзию в Оксфордском университете, а в 1968 году был удостоен пожизненного звания поэта-лауреата Соединённого Королевства. Под псевдонимом Николас Блейк автор выпустил множество детективов.

28 апреля – 145 лет назад родился австрийский писатель-сатирик, литературный и художественный критик, фельетонист, публицист **Карл Краус** (1874–1936). Наиболее значимое произведение автора – сатирическая драма «Последние дни человечества» (1915–1919). Собственный журнал «Факел» Краус сумел превратить

во влиятельнейшее издание эпохи. На его страницах публиковались Генрих Манн, Арнольд Шёнберг, Оскар Уайльд.

1 мая – 95 лет назад родился писатель и драматург **Виктор Петрович Астафьев** (1924–2001). Основные темы творчества писателя – военно-патриотическая и деревенская. В 1942 году Астафьев добровольцем ушёл на фронт, служил шофёром, связистом. Демобилизовавшись в 1945 году, пробовал себя в разных профессиях, от слесаря до учителя, а с 1951 года начал публиковаться. Образ солдата Виктор Астафьев во многом списал с самого себя и со своих боевых товарищей. Автор романов «До следующей весны», «Тают снега», «Прокляты и убиты», повестей «Перевал», «Последний поклон», «Васюткино озеро», «Стриженок Скрип» и других произведений.

2 мая – 160 лет назад родился английский писатель-юморист, драматург **Джером Клапка Джером** (1859–1927). Работал в сатирических журналах «Панч», «Лентяй», «Сегодня» (последний сам же и основал). Перу автора принадлежат такие романы и новеллы как «Трое в лодке, не считая собаки», «Трое на четырёх колёсах», «Они и я», «Томми и К°». Он также написал ряд эссе, среди которых «Праздные мысли лентяя» и множество рассказов, например, «Мир сцены», «О суете и тщеславии».

4 мая – 270 лет назад в Лондоне родилась английская писательница **Шарлотта Тёрнер Смит** (1749–1806), внёсшая большой вклад в возрождение английского сонета, развитие готической литературы и сентиментальных дамских романов. Лучшим

романом Смит называют «Старый помещицкий дом» (1793), в котором автор выражает критическое отношение не только к сословным предрассудкам и моральной нечистоплотности земельного дворянства, но и к новоявленной буржуазии. Сама Шарлотта в первую очередь считала себя поэтессой, а поэзию называла самой возвышенной формой литературы.

6 мая – 130 лет назад родился английский издатель, типограф, историк и теоретик типографики **Стэнли Артур Морисон** (1889–1967). Был консультантом компании «Монотайп», где исследовал и занимался возрождением исторических шрифтов. Редактировал «Историю газеты “Таймс”» за период с 1935 по 1952 годы, а также несколько лет работал редактором литературного приложения к «Таймс». С 1961-го был членом редакционного совета «Энциклопедии Британники».

120 лет назад родился болгарский писатель, режиссёр, театральный деятель **Владимир Полянов** (1899–1988). Настоящее имя – Владимир-Георгий Иванов Тодоров. Среди избранных произведений автора «Комедия на куклите», «Звезды в прозореца», «Ведньж “Хроника на узряването”».

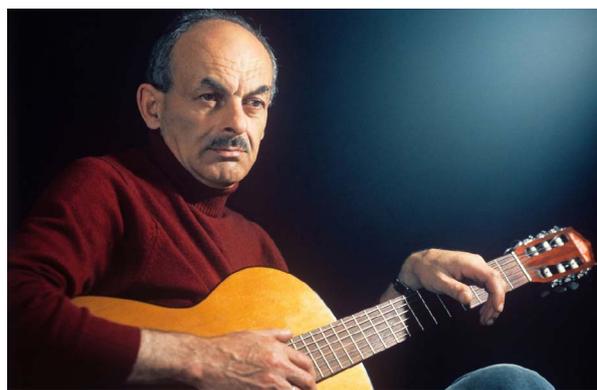

115 лет назад в Йемсхёге родился шведский писатель и поэт **Харри Эдмунд Мартинсон** (1904–1978), автор произведений «Дорога», «Аниара», «Крапива цветёт». Является лауреатом Нобелевской премии в области литературы 1974 года.

105 лет назад родилась писательница, публицист и журналист **Наталия Иосифовна Ильина** (1914–1994), автор таких

произведений как «Не надо оваций», «Дороги судьбы», «Светящиеся табло», «Белогорская крепость».

7 мая – 100 лет назад родился поэт и переводчик **Борис Абрамович Слуцкий** (1919–1986). Наиболее известны произведения автора «Память», «Работа», «Доброта дня», «Неоконченные споры».

9 мая – 95 лет назад в Москве родился советский и российский поэт, композитор, литератор, прозаик и сценарист **Булат Шалвович Окуджава** (1924–1997). Яркий представитель жанра авторской песни. Также писал повести и романы, занимался переводом зарубежных произведений на русский язык. Самые известные песни Окуджавы – «Ах, Арбат, мой Арбат», «Милости судьбы», «Ваше благородие, госпожа удача», «Нам нужна одна победа», «Песенка кавалергарда», «Зал ожидания».

10 мая – 95 лет назад родилась советская поэтесса, член Союза писателей СССР **Юлия Владимировна Друнина** (1924–1991). Автор сборников «Мир до невозможности запутан», «Память сердца», «Есть время любить», «Не бывает любви несчастливой», «Я люблю, как любят поэты».

11 мая – 155 лет назад в деревне под названием Баллинтемпл, расположенной в ирландском графстве Корк, родилась писательница, композитор, дочь видного английского учёного и профессора математики Джорджа Буля **Этель Лилиан Войнич** (1864–1960). Она стала младшей из пяти дочерей. Вскоре после рождения девочки отец скончался. Из-за финансовых трудностей в семье Этель, как только ей исполни-

лось восемь, отправили к дяде – брату отца. Это был религиозный и очень суровый человек. В возрасте восемнадцати лет девушка поступила в Берлинскую консерваторию, где училась играть на пианино, демонстрируя немалый талант. Спустя время она оказалась в Лондоне. Этель заинтересовала судьба политических эмигрантов, собрания которых она начала посещать.

На менталитете девушки сказало общение с Сергеем Кравчинским (Степняком). Он заразил Этель Буль своей любовью к России и вызвал желание исследовать далёкую и неведомую северную страну. Вскоре будущая писательница отправилась к новым горизонтам и два года прослужила гувернанткой в Санкт-Петербурге. В 1902 году состоялось знакомство Этель с польско-литовским революционером М. В. Войничем, который и стал её мужем. Последние годы жизни писательница провела в Нью-Йорке.

Из-под пера Этель Войнич вышло несколько книг, самой известной из которых является роман «Овод» (1897). Трогательное произведение не оставляет равнодушным. Судьба революционеров и печальный конец их личной истории вызывают слёзы и невольно заставляют сравнивать героев и реальных людей. Существует множество теорий, согласно которым Этель показала жизнь польских или русских борцов за свободу. Многие литераторы убеждены, что речь в книге идёт о Гарибальди и Мадзини. Однако сама писательница отрицала любое сходство с историческими личностями,

утверждая, что все персонажи – плод её воображения. При этом она утверждала, что любое воображение основывается на опыте, подстёгивается в общении со знакомыми и дополняется прочитанными историями. Сама Этель немало общалась с революционерами из Польши и России, впитывая их идеалы, и любила работы Мадзини.

12 мая – 195 лет назад родилась поэтесса, автор путевых очерков **Елена Сергеевна Горчакова** (1824–1897). Её произведения составили такие сборники как «Поездка в Новый Иерусалим», «Описание Топловского женского общежительного монастыря св. преподобномученицы Параскевы в Крыму», «Херсонесский монастырь в Крыму», «Серафимо-Дивеевский общежительный женский монастырь», «Святогорская Успенская общежительная пустынь».

120 лет назад родился бельгийский поэт **Морис Карем** (1899–1978). Один из крупнейших франкоязычных поэтов XX века, автор более полусотни поэтических сборников, переведённых на многие языки мира. В 1972 году получил почётный титул «Король поэтов».

12 мая – 115 лет назад родился латвийский писатель **Вилис Тенесович Лацис** (1904–1966), автор романов «По морям», «Сын рыбака», «Зов предков», «Чувство долга» и других.

13 мая – 210 лет назад родился итальянский поэт и общественный деятель **Джузеппе Джустини** (1809–1850). Известен в России благодаря переводам стихов и песен, подготовленных Никодем Курочкиным и Евгением Соломичевым.

205 лет назад родился поэт и переводчик **Эдуард Иванович Губер** (1814–1847). Является автором первого перевода на русский язык «Фауста» Гёте.

13 мая – 170 лет назад родился украинский писатель **Панас Мирный** (1849–1920), автор произведений «Разве ревут волы, когда ясли полны?», «Лимеривна», «Гулящая». Настоящее имя – Афанасий Яковлевич Рудченко.

События

17 апреля – 230 лет назад (1789) в Тобольске была торжественно открыта типография Василия Яковлевича Корнильева, первая типография в Сибири.

19 апреля – День российской полиграфии. Праздник официально отмечается с 2013 года. Событие приурочено к началу печати первой книги на Руси, которая носила название «Апостол».

23 апреля – Всемирный день книги и авторского права. Инициатором праздника выступила ЮНЕСКО, в ноябре 1995 года была принята соответствующая резолюция. Учреждён праздник был с целью расставить приоритеты в развитии книжного дела, почтить профессию писателя и привить уважение к ней подрастающему поколению, а также акцентировать внимание на необходимости защиты авторских прав.

170 лет назад (1849) произошёл арест Михаила Фёдоровича Достоевского в связи с «делом Петрашевского».

130 лет назад (1889) в письме брату Александру Антон Павлович Чехов написал фразу, ставшую крылатой: «Краткость – сестра таланта».

25 апреля – 300 лет назад (1719) в Лондоне вышло первое издание романа Даниэля Дефо о Робинзоне Крузо.

26 апреля – Всемирный день интеллектуальной собственности. В этот день в

1970 году вступила в силу международная Конвенция, согласно которой была учреждена «Всемирная организация интеллектуальной собственности». На постсоветском пространстве праздник отмечают с 2001 года.

3 мая – Всемирный день свободы печати. Праздник отмечается более чем в ста странах, в том числе и в России, как напоминание международному сообществу о том, что свобода печати и свобода выражения мнений являются основными правами, закреплёнными во Всеобщей декларации прав человека. Учреждён на Генеральной Ассамблее ООН в 1993 году.

115 лет назад была запатентована первая письменная ручка с механической системой набора чернил, которая пришла на смену перьевым ручкам, вечно страдающим от технических недостатков и нуждающимся в постоянном уходе и ремонте. Изобретение принадлежит компании Джорджа Паркера «Parker Pen Company».

6 мая – 85 лет назад (1934) в газетах «Известия» и «Литературная газета» опубликован проект устава Союза советских писателей.

12 мая – 355 лет назад (1664) состоялась премьера комедии Мольера «Тартюф» в Версале.

13 мая – 190 лет назад (1829) Пушкин попросил руки Натальи Гончаровой.

Конкурсы

Всероссийский литературный конкурс «Герои Великой Победы»

Актуально до **10 мая**

Конкурс на лучший литературный рассказ, очерк, стихотворение, песню проводится среди самобытных авторов в целях сохранения и увековечения памяти о проявленном в годы Великой Отечественной войны героизме советских солдат и мужестве российских воинов, защищавших рубежи Родины, а также военнослужащих, участвовавших в локальных войнах и военных конфликтах; для воспитания у подрастающего поколения чувства

патриотизма и гордости за подвиги воинов-героев, для сохранения военно-исторического наследия России.

Территориальных и возрастных ограничений для участников нет.

Номинации:

- «Проза» (рассказы объёмом до 10 тыс. знаков);
- «Поэзия» (стихотворения до 120 строк);
- «Публицистика» (эссе, очерки, новеллы);
- «Проба пера» (проза, поэзия, публицистика) в двух возрастных категориях: до 12 лет и 12–18 лет);
- «Песня».

Для участников, полуфиналистов и финалистов предусмотрены специальные дипломы. Работы победителей войдут в сборник, изданный по итогам конкурса, а их авторы будут награждены дипломами и ценными призами.

Подробнее: героивеликойпобеды.рф/polozhenie_o_konkurse_-2019

Литературный конкурс «Подросток N»

Актуально до **15 мая**

Конкурс проводится на русском языке для всех желающих, достигших возраста 18 лет. В качестве конкурсных работ принимаются повести, романы, циклы рассказов на русском языке объёмом от 3 до 15 авторских листов (от 120 000 до 600 000 знаков с пробелами).

Номинации:

- «Антиутопия» (действие произведения разворачивается в некой альтернативной реальности, раскрываются острые проблемы современного общества);
- «Фэнтези» (действие разворачивается в том или ином волшебном мире);
- «Young adult» (реалистическое произведение, главному герою или героям которого от 16 до 25 лет, обозначающее те или иные проблемы, с которыми сталкивается человек в этом возрасте);
- «Нон-фикшн» (нехудожественное произведение);
- «Повесть для средней школы» (действие которой сосредоточено на школе и её проблемах, а героям от 9 до 16 лет).

Все участники конкурса получают электронные дипломы. Для трёх победителей читательского голосования предусмотрены дипломы и сертификаты на 3000 руб. в книжном интернет-магазине «Лабиринт». Пять победителей, по одному в каждой номинации, получают в подарок ноутбуки. Гран-при конкурса – издание книги победителя в издательстве «КомпасГид». Победитель, если он будет выбран, получит 10 экземпляров своей книги.

Подробнее: www.labyrinth.ru/videocontest/podrostok-n

Виртуальный конкурс чтецов «Он рогат и благороден»

Актуально до **19 мая**

К участию приглашаются граждане Российской Федерации в возрастных категориях 3–6 лет, 7–14 лет и от 15 лет и старше. Конкурсантам предлагается записать видеоролик с прочтением стихотворения об оленях (написанного самостоятельно или выбранного из существующих с указанием авторства) и загрузить его на YouTube.

Продолжительность ролика – не более 1 минуты. При наличии в видео фоновой музыки участник должен убедиться, что выбранная композиция не нарушает авторских прав.

В каждой возрастной категории будет определён один победитель. Победители и призёры награждаются дипломами и денежными премиями.

Подробнее: libraries-yanao.ru/upload/iblock/16e/Polozhenie-o-provedenii.pdf

Литературный футурологический конкурс «ВикиБудущее»

Актуально до 20 мая

Авторам предлагается написать о будущем «Википедии» и подобных ресурсов, о глобальных базах знаний и влиянии вики-технологий на завтрашний день. Возраст участников – от 16 лет.

Конкурс «ВикиБудущее» проводится в двух номинациях:

- «Научно-фантастический рассказ»;
- «Футурологическая статья».

От одного автора принимается только одно произведение объёмом от 1 тысячи до 20 тысяч знаков с пробелами.

Лауреатов в каждой номинации наградят призами с символикой «Википедии», а их произведения опубликуют в специальном сборнике «ВикиБудущее». Финалисты получают дипломы от «Википедии» и Российского союза писателей.

Подробнее: proza.ru/wiki/polozhenie

Литературный конкурс «На маяк»

Актуально до 20 мая

К участию в конкурсе приглашаются авторы старше 14 лет, проживающие на Дальнем Востоке России и пишущие в жанре Young Adult. На конкурс выдвигаются оригинальные произведения на русском языке, не публиковавшиеся коммерческими тиражами (свыше 1000 экз.) и не являющиеся переводами. В конкурсе могут участвовать произведения, опубликованные в Интернете и в периодической печати. Количество произведений от одного автора не ограничено.

Основные требования к произведению: острые сюжетные коллизии, оригинальные персонажи, место действия – Дальний Восток России, главный герой – подросток.

Объём конкурсной работы – от 2 до 8 авторских листов (1 авторский лист – 40 000 знаков с пробелами).

Авторы, занявшие 1–3-е места, получают дипломы. Победитель конкурса будет награждён денежным призом в размере 25 000 руб.

Подробнее: farwaterfest.ru/contest

VII Международный литературный Тютчевский конкурс «Мыслящий тростник»

Актуально до 25 мая

Рассматриваются стихотворения, эссе и оригинальные статьи на философские темы в лирике Ф. И. Тютчева, о преемственности философских традиций Тютчевской лирики в зеркале современной поэзии. Участниками конкурса могут быть профессиональные литераторы России и зарубежья, члены писательских союзов и литературных объединений, студенты Литературного института им. А. М. Горького и творческих вузов.

Конкурс включает две номинации:

- «Лучшее философское стихотворение» (от 1 до 5 стихотворений объёмом до 100 строк);
- «Лучшее философское эссе» (эссе и статьи объёмом до 20 тыс. знаков).

Язык конкурсных произведений – русский.

В каждой номинации будет определён один лауреат и два дипломанта. Лауреаты награждаются денежными премиями, дипломантов ждут ценные подарки.

Подробнее: musovstug.ru/News.aspx?Id=28067

Андрей Женин

О литературе, медицине и разнице поколений

Давно минули восьмидесятые и девяностые. Но до сих пор мы слышим отголоски происходивших тогда событий. Одни вспоминают минувшие годы с ужасом, другие – с улыбкой и ностальгией. Но какими же они были на самом деле? И главное – какими были люди в эпоху застоя и последовавшую за ней эпоху перестройки? Ответы на эти вопросы в своих юмористических произведениях даёт писатель **Андрей Женин**.

Из-под пера автора вышли повести «Из жизни студентов эпохи застоя», «Из жизни советских студентов на военных сборах», «Из жизни студентов на картошке» и «Из жизни врачей в эпоху перестройки». Первые три на сегодняшний день объединены в сборник «От сессии до сессии... или Из жизни советских студентов». К отличительным особенностям творчества Андрея Женина можно отнести прекрасное чувство юмора автора и умение передавать колорит и атмосферу выбранной эпохи. Его герои грызут гранит науки в медицинском институте, учатся брать на себя ответственность, развлекаются, попадают в казусные ситуации, влюбляются и постигают основы врачебной этики и человеческой психологии.

С Андреем Жениным мы побеседуем о реалиях советской и российской медицины, студенчестве и особенностях книг о работниках медицинской сферы.

– Здравствуйте, Андрей Ледиктович! Прошло уже довольно много времени с момента выхода Вашей первой книги «Из жизни студентов в эпоху застоя». С той поры Вы выпустили ещё две истории про студентов-медиков восьмидесятых – «Из жизни советских студентов на военных сборах» и «Из жизни студентов на картошке». Эти три повести объединены в сборник «От сессии до сессии... или Из жизни советских студентов». А также свет увидела отдельная книга «Из

жизни врачей в эпоху перестройки». Уже можно подводить первые итоги. Скажите, как читатель встречает Ваши произведения? Следите ли за отзывами, и насколько вообще для Вас важно чужое мнение?

– Здравствуйте, Екатерина! Разумеется, мне очень важно мнение читателей. Как бы мы ни кокетничали, что пишем исключительно для собственного удовольствия, это не совсем правда. И любой творческий человек хочет признания. Просто кто-то очень хочет, а кто-то – совсем чуть-чуть. Мне кажется, что в целом читатели принимают мои скромные труды с интересом и даже требуют продолжения банкета. Другое дело, что просочиться через сплошной информационный поток и донести книжки (или хотя бы сообщить об их наличии!) до широкого круга читателей – задача крайне сложная. И, по-моему, она на сегодня решена не более чем на один процент... К сожалению...

Книга в каталоге
knigi-market.ru/ot-sessii-do-sessii-ili-iz-zhizni-sovetskikh-studentov-andrey-zhenin

– Помогите разобраться с хронологией событий, что было раньше по временной ленте: практика в N-ске, сборы в M-ске или поездка на картошку? Насколько все эти события являются автобиографичными?

– Практика – сборы – картошка (последние два – в один год). Разумеется, в какой-то степени сюжетная линия и истории навеяны реальными событиями и воспоминаниями. Но я всегда говорю и пишу перед каждой новой книжкой, что все персонажи и описываемые мною истории являются исключительно вымышленными, а сходство с реальными людьми и событиями – не более чем случайность.

– Какую из трёх повестей сборника Вы считаете наиболее удачной и почему?

– По-моему, они все замечательные (шучу!). Если серьезно, смею надеяться, что последняя. Всё-таки мастерство писателя должно оттачиваться с опытом, иначе дело плохо!

– Что Вы считаете наиболее важным в истории Ваших студентов – показать психотип типичного молодого медика прошлого или отразить атмосферу эпохи? Почему?

– Я неоднозначно отношусь к той эпохе. В начале 90-х я был в первых рядах борцов за демократию, потом, правда, понабравшись немного ума и посмотрев на её итоги, об этом пожалел.

В позднем советском периоде было много как плохого, так и хорошего. Я постарался показать в слегка юмористическом аспекте реальную жизнь молодых людей с их характерами, мыслями и проблемами в конкретной исторической обстановке. Это может быть познавательно для нынешней молодёжи и ностальгически-приятно для людей моего и старших поколений.

– Как от повести к повести меняется внутренний мир героев? С какими внутренними конфликтами им приходится сталкиваться?

– Описываемый период слишком короток для больших изменений внутреннего

мира. Да и бесшабашная молодость позволяла не заморачиваться глубокими психологическими проблемами. Это всё придёт позже, по мере взросления и старения... Как известно, в отличие от коньяка, человек с годами лучше не становится...

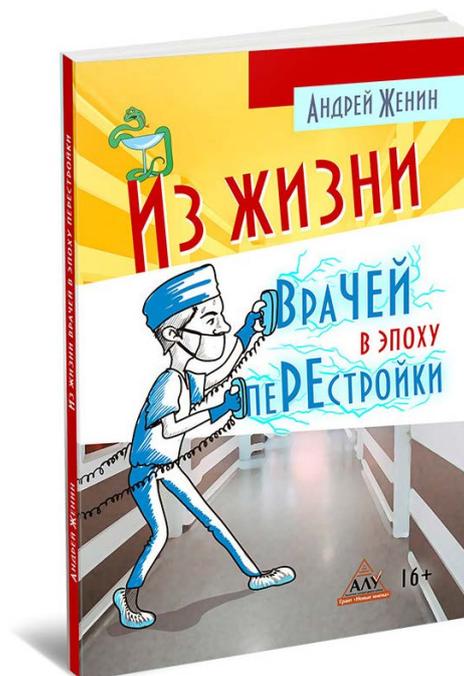
– **Институт окончен, пришла пора устраиваться на работу. Что можно назвать самым сложным в этом переходе от студенчества к врачебной практике? Как это отражено в тексте?**

– Самым сложным, особенно при такой серьёзной профессии, как врач, является переход от абсолютной и всеобъемлющей безответственности к полной ответственности за свои поступки, ценой которых может быть чужое здоровье и даже жизнь. Начало превращения бездельника-студента в настоящего врача показано в книжке «Из жизни врачей...»

– **Какие трудности поджидали любого врача в эпоху перестройки и что с тех пор принципиально изменилось в медицине?**

– В эпоху перестройки, как это ни парадоксально, проблем было значительно меньше. Никому в голову не приходило обращаться в суд или к прессе. Основная ответственность доктора лежала в психологической сфере, а следователем и прокурором была его собственная совесть. Кадровых проблем практически не существовало, лекарственное обеспечение было намного лучше нынешнего (по крайней мере, в столичном регионе). Да и отношение народа к врачам было уважительным, всякую бредятину о врачах-убийцах тогда никто не писал.

Теперь же врач должен в первую очередь думать не о здоровье своих пациентов, а о правильном оформлении документов и чтоб лишнего не сказать – как бы чего не вышло. Зарплаты маленькие, приличные кадры днём с огнём не сыщешь. (Как человек, долгие годы преподававший в институте, могу со всей ответственностью и большой грустью заявить, что нынешние студенты учатся на порядок хуже, чем мы в

Купить книгу
knigi-market.ru/3241

своё время... Хотя пьют и гуляют не в пример меньше... Чем только занимаются – непонятно...) Да и государство, к сожалению, в своей тяге к Европе практически уничтожило традиционное советское здравоохранение, а нового взамен ничего приличного не создало. В общем, грустно...

– **Назовите основные морально-этические проблемы, которые рассматриваются в Вашей книге «Из жизни врачей в эпоху перестройки». Актуальны ли они сегодня?**

– Как я уже сказал, тогда была ответственность перед самим собой при доброжелательном в целом отношении сограждан, теперь – перед всеми подряд, при полном непонимании ситуации и спровоцированном жёлтой прессой негативе (страшилки про злых хапуг и убийц в белых халатах).

– **Можем ли мы надеяться, что история Мартына-врача продолжится, и его отдельная книга также превратится в трилогию? Или, возможно, нас ждёт возврат в прошлое и новые студенческие**

приключения молодого человека и его друзей?

– Посмотрим, всё возможно. Открою маленькую тайну: я начал работу над новой книжкой с рабочим названием «Детство и юность доктора Мартынова». Так что – назад, в прошлое!

– А как насчёт рассказа о жизни Мартына в двадцать первом веке? Как сложилась его жизнь? Чем занимается?

Есть ли шанс, что эта современная глава его истории также превратится в книгу?

– Думаю, работает где-нибудь доктором. Жизнь сложилась непросто, сообразно времени и эпохе. Наверное, остепенился, женился, обзавёлся детишками и пузом. Как только удастся с ним встретиться – сразу задумаемся о книжке (скорее всего, не одной!) про его нелёгкую, но, надеюсь, совсем не скучную жизнь!

Екатерина Кузнецова, пиар-менеджер издательства «Союз писателей»

Из жизни студентов на картошке (фрагмент повести)

Совхоз «Филькино» трудно было назвать центром цивилизации. Несколько деревень, каждая из двадцати-тридцати покосившихся домиков, смотрелись маленькими островками, затерянными в бескрайнем море распаханых полей. В этих полях и пряталась картошка, морковь и прочий лук, которые предстояло извлечь из земных недр героическим студентам-медикам, оказывающим бескорыстную помощь труженикам села.

Наш лагерь состоял из нескольких двухэтажных барачных корпусов, то ли специально построенных для трудового десанта, то ли по пьянке и по ошибке здесь сооружённых. Один из них имел явно административно-культурное назначение, поскольку содержал в себе множество кабинетов и актовый зал, в котором разместился наш штаб. Остальные бараки предназначались для жилья. Здесь были большие комнаты с массивными дубовыми дверьми (непонятно – зачем?) и продавленными койками. Санузел, один на весь этаж, делился на мужскую и женскую части. Он представлял собой несколько умывальников и три душевые точки, а также четыре писсуара и «очка» (никакими унитазами, разумеет-

ся, здесь и не пахло). На стене висела табличка: «Бычки в писсуары не бросать». А ниже какой-то шутник приписал: «А то они мокнут и плохо раскуриваются», – а также: «Не льсти себе, подойди ближе». С водой в месте нашего временного пребывания наблюдались серьёзные проблемы: её включали на два часа утром, днём и вечером, что, согласитесь, являлось настоящей катастрофой для толпы разнополых граждан, проводящих полный рабочий день с приличной физической нагрузкой и по колено в грязи.

Мы поселились на первом этаже корпуса, стоящего поодаль от начальственного. Прямо перед ним возвышался огромный стог сена, назначение которого так и осталось неизвестным. В комнате нас было шестеро: Антон Ярошенко, Камиль Ахмедов, Мишка Рыжов (он же Рыжий), Сашка Бородин (он же Борода), ваш покорный слуга Алексей Мартынов (в миру Мартын) и Жорик Лебедев. Про последнего товарища я расскажу вам подробнее, но – чуть позже, он того заслуживает.

Побросав шмотки, мы не без удовольствия отправились на обед, поскольку успели прилично проголодаться. Столовая

представляла собой внушительного размера одноэтажное здание с огромным залом, традиционной «раздачей» и табличками: «У нас порядок такой: поел – убери за собой!» и «Когда я ем, я глух и нем!» Еда оказалась простой, но вполне «едабельной», как обычно и бывает в деревенских столовках, где никто ничего не химичит и не разбавляет, так что покидали мы трапезную в хорошем расположении духа.

После приёма пищи нас собрало руководство, дабы познакомиться и обозначить цели и задачи, а также стратегию и тактику ведения сельскохозяйственных работ. Руководил всем безобразием преподаватель (то ли биологии, то ли физики) Пётр Сергеевич Новиков, молодой и подающий надежды коммунист, член парткома института. Он вкратце (минут за двадцать) рассказал о роли партии в уборке картофеля, о великой чести, которая оказана нам в виде возможности обеспечить Родину корнеплодами, а также о вреде пьянства и алкоголизма. Далее выступил доктор Константин Львович, сообщивший о необходимости тепло одеваться и не бросаться под колёса грузовиков, а также о тяжёлых последствиях сна на грядке для здоровья и жизни в целом. Потом вышла достаточно симпатичная девушка Вера Павловна, видимо, выпускница прошлого или позапрошлого года, из бывших комсомольских лидеров, тоже выполнявшая функцию доктора (зачем нам их двое – так никто и не понял, но, наверное, так положено по штату), и торжественно поделилась закрытой ранее информацией о необходимости мыть руки перед едой и возможной опасности, тащущейся в грязной морковке.

В общем, не прошло и часа, как отцы (и матери!)-командиры добрались-таки до конкретики. Трудиться предстояло две недели с одним выходным, ежедневно по девять часов с перерывом на обед.

Основная масса народа была обречена ковыряться в земле, извлекая из неё народное овощное достояние и пакуя его в мешки, а часть студентов-мужчин (по желанию) становились грузчиками. Они должны были закидывать наполненные мешки в кузов машины. Мы быстро сообразили, что грузить мешки значительно приятнее, чем в течение трети суток копать в социалистической жиже, согнувшись в три погибели, и первыми вызвались взвалить на себя тяжёлую и ответственную работу. По нашему примеру, ребята из соседней группы составили вторую бригаду грузчиков.

После инструктажа и получения влажного постельного белья, телогреек и резиновых сапог мы узнали, что сегодня на работу выходить уже поздно, поэтому можем обжиться и готовиться к трудовым будням. Подъём – в семь ноль-ноль.

Мы распределили койки, выбрали Камиля Ахмедова главным грузчиком и оказались перед сложнейшей дилеммой: то ли сначала отмечать приезд, а потом идти знакомиться с окрестностями, то ли наоборот. В итоге приняли взвешенное решение: начинать незамедлительно, чтобы сильно не расстраиваться при встрече с язвами окружающей действительности, далее смело идти на свидание с ним, после чего подытожить прожитый день за скромным семейным ужином.

*Продолжение читайте в книге Андрея Женина
«От сессии до сессии... или Из жизни советских студентов»*

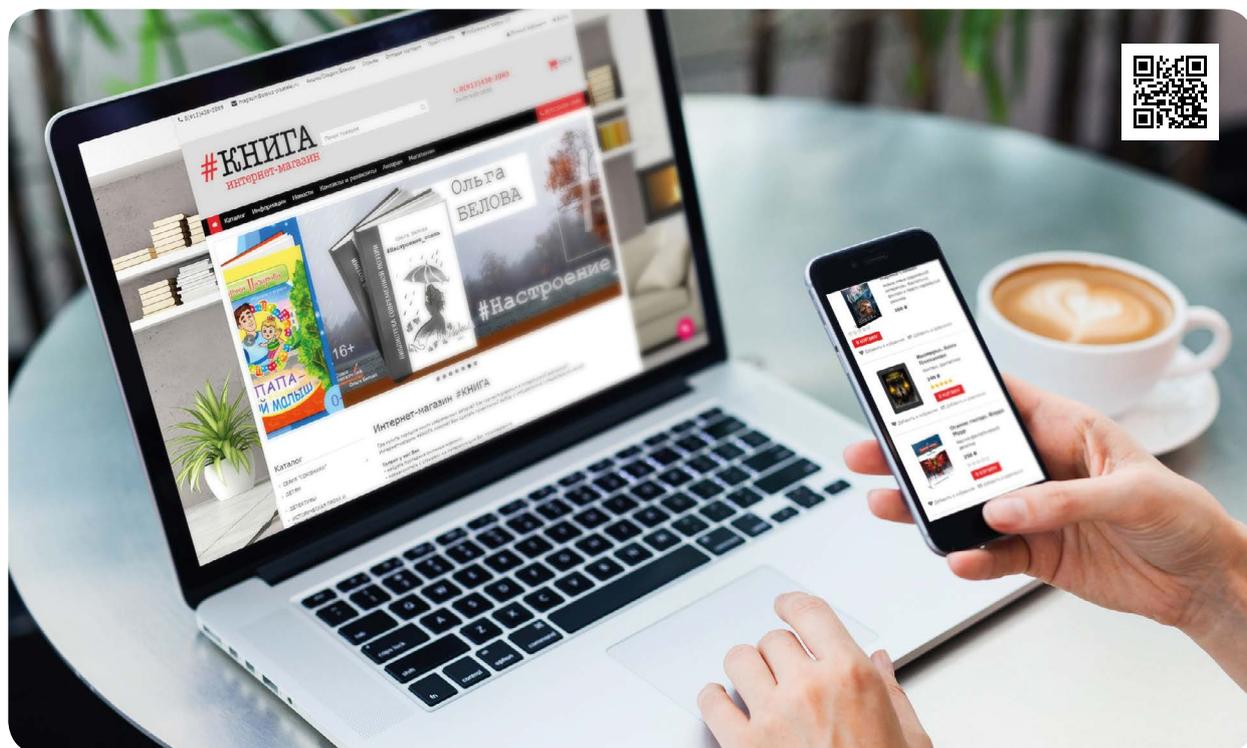
Новинка от издательства «СП»

В контакте с юмором. Выпуск 2019 Сборник стихотворений и рассказов

Остановитесь! Оглянитесь по сторонам! Видите, сколько забавных и разных историй происходит рядом с Вами? Пришла пора отбросить хандру, забыть о грусти и посмеяться от души вместе с современными писателями. На страницах этого сборника Вас ждут юмористические стихи и проза, в которых говорится о простом, весёлом, близком. О том, что уже произошло с автором или кем-то из его знакомых и может в любой момент произойти с читателем.

А если даже кто-то углубился в дебри фантазии и выудил забавную историю из собственного подсознания, разве это значит, что она не может быть правдой? 55 произведений на все случаи жизни подарят улыбку и радужное настроение даже в дождливый день!

#КНИГА | Интернет-магазин современной литературы

Жизнь и творчество Лидии Девушкиной-Соммэ во Франции

Франция... Родина Дюма. Страна мушкетёров. Колыбель европейской культуры. Мировая столица любви и красоты. Как живут те, кто решился бросить вызов судьбе и перебраться из России на запад Европы? Какие радости и горести поджидают эмигрантов в чужих краях? Эта тема подробно раскрывается в творчестве современной писательницы **Лидии Девушкиной-Соммэ**, которая много лет живёт за границей и не понаслышке знакома с французскими реалиями.

Новая книга Лидии «Две капли фантазии. Один час интересного чтения» включает в себя пьесу и повесть. В пьесе перед героями и читателями ставятся вопросы философского толка, ведётся обсуждение глобальных проблем жизни и смерти. В повести поднимаются проблемы, с которыми сталкиваются эмигранты во Франции, – автор пишет о них с глубоким психологизмом и налётом типично французской романтики.

В интервью для журнала Лидия Девушкина-Соммэ рассказывает о новой книге, современных реалиях Франции и творческих планах на ближайшее будущее.

– Здравствуйте, Лидия! Увидел свет Ваш сборник «Две капли фантазии. Один час интересного чтения». Насколько важным событием это стало для Вас?

– Конечно, выход каждой книги (именно в качестве проекта, к которому причастна целая издательская команда) – для меня всегда событие. Порадовала слаженность и чёткость в работе специалистов издательства, хотя несколько новой была для меня технология «Битрикс». Также понравилось, что в подготовку книги одновременно были вовлечены сразу несколько человек. Для

меня это лишнее подтверждение моего личного взгляда, что книгоиздательство – это прежде всего труд коллектива единомышленников, а не семейный подряд из одного-двух человек и не быстрая смена одного контактирующего с тобой сотрудника на другого.

Я ещё не держала книгу в руках: слишком далеко я нахожусь от Новокузнецка (хотя раньше жила в Новосибирске), но уже любовалась ею в виде макета. Радует меня и то, что реализацией в основном будет заниматься издательство, а не я сама. Книге присвоен не только российский номер ISBN, но и номер Французской нацио-

нальной библиотеки. Как автор, проживающий во Франции, я обязана отослать два экземпляра в ФНБ и отдать два экземпляра по месту моего жительства в любую библиотеку. Русские полки теперь есть во Франции повсюду.

Основные мои литературные «тусовки» находятся в России. Я их очень ценю. Собирается интересный народ, который тебя понимает с полуслова. Реальные встречи всегда лучше виртуальных. Надеюсь ближе к лету попасть в Россию. В нескольких таких тусовках собрались фантасты. И хотя я неслучайно поместила в название книги «две капли» фантастики (всего две), я думаю, мне будет интересно встретиться с авторами-фантастами, действие чьих книг характеризуется *сотней* капель фантастики. Кое-кто из них уже читал мои фантазии – и одобрил.

– Когда и как Вы начали писать? О чём была самая первая книга?

– Начнём с того, что ещё в советские годы, став кандидатом экономических наук, я писала много статей, к тому же были научные и учебные монографии. Не буду ими хвастаться: мои достижения в науке очень скромны. Помню только, что первую монографию я раздаривала, благодаря чему не попала в чёрный список издательства «Наука» (были такие списки, в них вносили авторов, книги которых не раскупались). И вот вдруг мне приходит письмо из Японии! Один учёный прочитал мой труд и заинтересовался, чем я очень гордилась!

Мне пришлось уйти из науки, потому что волею судеб я попала во Францию: муж получил место профессора-исследователя в одном французском университете. Во Франции жесточайшая безработица, и я сразу поняла: оставь надежду всяк сюда входящий. Позже, года через два, меня направили на курсы домработниц от службы занятости, о чём недавно я выпустила книгу «Дети, не падайте с высоты! Взрослые, не опускайтесь слишком низко!» (Санкт-Петербург, издательство «Моя строка», 2018).

Но вернёмся к началу моей жизни во Франции. Поскольку с нами была наша

десятилетняя младшая дочь, которой надо было адаптироваться к жизни в новой стране, избытка свободного времени у меня не возникло, но ради неё и других русских детишек я организовала русскую школу при русско-французской ассоциации, чтобы она не только не забывала родной язык, но и совершенствовала его. Так я познакомилась с местными русскими и их судьбами.

Меня очень многое впечатлило. Меня стала волновать судьба русской эмиграции всех волн и поколений. Я хотела влиться в какое-то социологическое исследование, познакомилась с комиссией по русской эмиграции при Российской академии наук. Поразил вопрос одного из членов этой комиссии: «А какова вообще жизнь русских подростков за рубежом?» Действительно, какова? Ни к какому исследованию я не прикрепилась (все опросы эмигрантов идут очень плохо), а вот художественная книга стала постепенно зреть в моей голове.

В этой книге я изобразила и подростков, и их родителей, и отчимов-французов, и даже поколение дедушек. Книга вышла в 2011 году в издательстве «Свиньин и сыновья», она называется «Настанет день – исчезну я». Пазл сложился из реальных, а иногда и выдуманных мною героев, обстоятельства тоже отчасти реальные, отчасти придуманные.

– Изменилось ли Ваше отношение к выходу публикаций, если сравнивать тогда и сейчас?

– Основной эмоцией от выхода книги была радость, ибо книга – это поступок, и ты его совершил. С того времени я выпустила ещё несколько книг с новеллами, включилась в российские и международные журналы, сборники и альманахи. Печататься стало привычным. Но видя именно эту новую книгу [«Две капли фантазии»], понимаю, что эмоции стали ближе к печали: прошло восемь лет, человечество (и эмигранты тоже), Запад и Россия сталкиваются со всё более и более мощными вызовами. Большинство проблем не только не решены, но и усугубляются. Массовой ми-

грации это касается особо. Роль писателя в обществе уменьшилась. Люди никому не верят, писателям тоже.

Да, я могу ещё капнуть две капли фантастики в своё реалистическое повествование и в общий поток литературного процесса, но не более того. Вообще и читать стали меньше. Одна надежда на Западную Сибирь. Там всегда жили люди солидные, вдумчивые и читающие. Один великий провидец говорил: «Человечество может погрузиться в мировые войны, но останется на Земле один оазис мирной жизни – юг Западной Сибири».

– А какие-то кардинальные изменения в Вашем творчестве за прошедшие годы произошли? Быть может, появились свежие источники вдохновения или на первый план вышли какие-то новые темы?

– Хочу отметить, что я всегда была писателем в душе: много наблюдала, удивлялась, восхищалась, раздражалась, но даже и в блокнот редко помещала свои записки. Писатель в душе, верующий в душе, художник в душе – это, кстати, очень мутные понятия, иллюзорные, они подходят больше для инертных и ленивых.

Первый свой реальный рассказ (кстати, он был юмористический и касался поисков работы во Франции) я направила в журнал «Венский литератор» в 2009 году. Жаль, что проект уже давно прекратил своё существование по причине смерти издателя – Сергея Тихомирова, человека очень благородного и душевно щедрого, много сделавшего для объединения русскоязычных писателей самых разных стран мира.

В первых своих прозаических вещах я была веселей, оптимистичней, больше замечала смешные стороны жизни. Однако время работало не на благополучие Франции (вместе с евро пришло и удорожание жизни, и усталость людей от нерешённых проблем). Даже статистические показатели ухудшились. Но я и сама стала хуже, потому что повзрослела-постарела (или примудрела) на девять лет, то есть стала более мрачно смотреть на мир.

Больше всего меня вдохновляет то, что и подтолкнуло к писательству изначально, – интерес к судьбам людей и их душевному миру. Но тематика перешла из социальной в экзистенциальную плоскость. И в России, и во Франции много одиноких людей. Кризис брака, семьи – и там и там. Хотя, подозреваю, ни французы, ни русские не относятся к нациям, для которых брак – это святое. Только для француза «родная кровь – не минеральная водица» (согласно пословице), а для русских «первые враги – это наши ближние» (согласно Иоанну Кронштадтскому). Меня заботит некоммуникабельность людей (несмотря иногда на их непомерную говорливость), мелкие распри и бестактность, которые губят любые отношения: и дружеские, и брачно-семейные, и деловые. В этом ключе я солидарна с героиней комедии «Леший» Чехова: «Вы, Жорж, образованны и умны и, кажется, должны понимать, что мир погибнет не от разбойников и не от воров, а от скрытой ненависти, от вражды между хорошими людьми, от всех этих мелких дрязг, которых не видят люди...»

– В чём заключается главная мысль повести и пьесы на страницах сборника «Две капли фантазии»? Как родилась идея их создания?

– Давайте начнём со времени появления повести. Летом прошлого года я увидела в Интернете объявление от издательства «Союз писателей», суть которого сводилась к созданию сборника «Страшные сказки». Я, несмотря на дикую жару, засела в тени деревьев у себя в палисаднике и написала фантастическую новеллу «Девушка-фламинго». Непомерная жара приводит к страшным фантазиям.

Немногим ранее, слегка используя этот же житейский сюжет, я написала фантастическую новеллу для сборника «Моремания». Там условие для фантастического сюжета было сформулировано более конкретно: герои должны были выжить под водой. Я попала в короткий список, но, как часто бывает, в победители не прошла. Тем временем «Девушка-фламинго» уже вошла в издательстве «Союз писателей».

История с водными глубинами была никак не связана, но эта линия так меня заинтересовала, что я решила выпустить на основе «Девушки-фламинго» отдельную книгу, в которой бы обязательно присутствовал заблудившийся мотив выживания под водой.

В сопровождении ненавязчивого этого мотива поднимались мои любимые темы: некоммуникабельность людей, разделённость русского народа вообще, убийство Царя, как незакрытый гештальт в русской душе, и разделённость русской эмиграции первой и последней волн – по вертикали и по горизонтали.

Ещё одна мысль, которую я провожу во многих моих книгах (пусть она и тривиальна, но писатель должен с ней работать, потому что это общечеловеческое понятие): здоровье людей, то есть ваше собственное здоровье, здоровье окружающих, даже здоровье тех, кто у власти, могут определить вашу судьбу. То, что главный герой Игорь привязался к девушке, больной биполярным синдромом, по сути повлияло на всю его жизнь.

Книга в каталоге
clck.ru/FNYmV

Пунктирно я обозначила и болезнь Николая II. По натуре я немного монархист и вообще ненавистник зверств большевизма, но не могу пройти мимо того факта, что Николай II, по мнению некоторых его близких, был болен шизофренией. Равно как и мимо того, что цесаревич был болен гемофилией. Разве это не повлияло на мировую историю?

Пьеса тоже посвящена отчасти здоровью и очень болезненной в настоящее время проблеме – онкологии. Сюжет (немного отдав дань рассказу Эдгара По) мне подсказал один кинематографист, проживающий во Франции. Он родом из СССР. Надеюсь, что он получит финансирование и поставит фильм по этому сценарию. Также в этой пьесе/сценарии я не могла не изобразить все стрессы эмиграции: главная героиня начинает свой путь на Запад как нелегальная иммигрантка, взяв в попутчики человека, который вскоре психологически её «скупал».

– Кто является прототипами Ваших героев? Можем ли мы узнать в ком-то из них автора?

– У каждого героя есть прототип, и не один. Я, возможно, принадлежу к тому типу авторов, что копят всю жизнь персонажей, запоминают их поступки и слова. У меня прекрасная память на то, что кто сказал, с какой интонацией и что сама я при том испытывала, в этом направлении работает память и кратковременная, и долговременная. Персонажи вылупляются из внешнего мира, а не из внутреннего мира автора. Последнее – уже другой тип авторства.

Для первого типа очень трудно писать о себе. А во втором случае именно о себе автор и пишет. Я сторонник первого типа. Не стоит выпячивать своё эго. Жизнь других людей гораздо интереснее, чем пережёвывание своих переживаний. Но бывает и смешение причины и следствия. Ты можешь начать жить внутренней жизнью своего героя. Классический пример: Флобер, рисуя смерть Эммы Бовари от мышьяка, почувствовал скрип порошка на своих губах и тяжело отравился, хотя никакого яда в рот не брал.

Но тут есть и другая этическая проблема. Мы можем использовать рассказ другого человека, который нам доверился. Согласен ли он, чтобы его жизнь выставлялась напоказ? Я обычно спрашиваю разрешения, а некоторые люди даже предлагают свою биографию для книги. Но нам не дано предугадать, как наше слово отзовется. Вспомним знаменитую ссору Чехова и Левитана. Левитан объявил, что в образе художника в «Попрыгунье» Чехов нелестно изобразил его, хотя на самом деле всё было не так и образ художника обобщенный. Впрочем, я уже сама убедилась на недолгом писательском опыте, что игра с реальными и вымышленными персонажами – это игра на грани фола.

– Что можно сказать о философии жизни Лидии Девушкиной-Соммэ? В чем её основополагающие принципы? Какое отражение на страницах книги они нашли?

– Философия жизни: следи за своими ошибками и недостатками, а не за чужими. Чужие грехи тебе нужны только для изображения в твоих рассказах. Но если уж человек нападает на тебя своей беспардонностью и манипуляцией, то защити себя, сумей это сделать достойно, сохранив лицо. Если не получилось – от хама уйди, как сказано в Писании. Уйди и в мыслях. Обращай внимание на хороших людей, которые нуждаются в общении с тобой. Не привязывайся к так называемым ярким нескромным личностям: часто их второе, менее яркое дно – это эгоизм и нарциссизм. Жестоких и властолюбивых людей бойся! Обходи стороной. Я бы хотела, чтобы и мои героини и герои вовремя себя остановили, если сблизилась с недостойным человеком. Ищите достойных или будьте одиноким! Наша жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на грубиянов и садистов. И вы у себя один (одна). В общении незыблемое правило – никто не должен быть унижен и никто не должен унижать другого.

Если ты верующий (я православная), то вера тебе нужна не для проповедей и не для того, чтобы со своей колокольни осуждать людей. Даже не для того, чтобы их учить (пусть и личным примером – часто это тоже гордыня!). Вера нужна прежде всего для

наведения порядка в своей голове, в своих эмоциях и в своей жизни на практике. А также для того, чтобы не опускаться до презрения и ненависти. Её и без нас разлито много в мире.

– Тема эмиграции занимает большое место в Вашем творчестве и, в частности, в новом сборнике. Кто и по каким причинам становится эмигрантом чаще всего?

– Ну, если рассматривать только Россию, то есть смотреть по эту сторону границы, то прежде всего это люди с несколько авантюрным взглядом на жизнь, географически мобильные. Особая статья – это учёные. Всё-таки туго им пришлось на рубеже XX–XXI веков. Если их специальность конвертируемая (математика, химия, физика, биология), то часть людей успешно осела во Франции. Но не все желающие! Экономисты, социологи, филологи (получившие российское образование) во Франции не нужны, за редчайшим исключением. Поэтому сами по себе и не стремятся на Запад.

Другой вариант – это брак с французом (чаще именно с французом, а не с француженкой). Это самый многочисленный канал миграции.

Если вы хотите сдать власть, то есть если вы беженец, то это вообще отдельная тема, мало известная и совершенно не поддающаяся изучению.

Для молодых здоровых мужчин – Иностранный легион.

Ещё один хороший и вполне легальный канал миграции – учёба во французском университете. Вы ни на кого во Франции не рассчитываете, только на себя. Но вашим родителям придётся раскошелиться. Подработать во Франции (студенты имеют право на ограниченное количество часов работы в неделю) исключительно тяжело: вы просто не найдёте легальную подработку ввиду высочайшей безработицы.

– Какие трудности ждут человека, который решил сменить место жительства и перебраться во Францию? Отражено ли это в книге «Две капли фантазии»?

– Трудностей будет вагон и маленькая тележка! Эмиграция – это мощный стресс. По-

знайте сначала самого себя! Вы хотите включений с неизвестным концом (возможен и смертельный)? Вы стрессоустойчивы?

Давайте начнём с учёных и вообще лиц так называемой избранной эмиграции, кто прошёл по трудовому контракту. Лучше, чтобы контракт был заключён на неопределённый срок. Если вы прошли на пост исследователя, то это лучше, чем на профессора-исследователя. В последнем случае вам грозит непомерная нагрузка (хотя бы из-за языка). В молодости эти стрессы менее ощутимы, особенно если человек полон амбиций, если он хочет влиться в мировую науку.

Иностраннный легион? Потеряете всё здоровье и нервы, ведь недаром Франция набирает сильных парней из-за рубежа, а не хочет губить своих. Можете стать инвалидом. Можете сломаться психологически.

Подали на беженца? Ваша легенда должна быть правдивой и безупречной. Денег на беженцев стало выделяться меньше, чем раньше. Скорее всего, вам откажут. Есть понятие медицинских беженцев. Если болезнь не смертельна, то вас могут довольно быстро отправить домой. Франция находится сейчас не в лучшей поре. Если уж так хочется «свалить», то ищите другую страну.

Остаётся учёба. В процессе учёбы и решите, стоит ли оставаться. Впрочем, диплом университета, кроме медицинского, не сулит определённых перспектив.

Ну и два слова о браке. Вот тут делаем остановку и переведём дыхание! Брак, как социальный институт, переживает кризис. Франция сама по себе уже в затяжном кризисе. Вам нужен кризис в квадрате? Вы выдержите его на своей, извините, шкуре? К счастью или к несчастью, я стала видеть последнее время людей из бывшего СССР, которые готовы просто попробовать Францию на вкус и не сразу принимать решение об эмиграции. Они запаслись визой D (так называемой визой визитёра), имеют право жить в стране, посещать языковые курсы, жить у кого-то месяцами. Легально работать они не имеют права, а нелегально – я вам очень не советую. Разумно ехать с крупной суммой денег на карте или чтобы

вам ежемесячно капала из России какая-то сумма. Если вы хотите присмотреться к возможному жениху, то и присматривайтесь именно таким образом, не ставя себя в зависимость от него – ни в финансовую, ни в психологическую. Смотрите в оба! Мой герой Игорь, раздавленный самоубийством любимой девушки, после её смерти живёт словно во сне, по инерции. Такому персонажу тяжело во Франции. Может быть, лучше ему жить в Питере, в столичной по сути среде, в своей комнате и в своей профессии, интересоваться русской историей, но не превращаться в бомжа, ночующего под провинциальным французским мостом.

– **Что стало самым трудным лично для Вас?**

– Мои трудности были вот какие. Прежде всего, у меня изначально не было намерения эмигрировать. Это было решение мужа, хотя сам он эмигрантом себя не считает и не считал: он часто бывает на конференциях в России, раньше часто летал к своим родителям (сейчас они уже покоятся на кладбище). Я по натуре вообще не летающий на самолётах человек. Я прирастаю к месту, а из туризма предпочитаю малый каботаж. Я любила и люблю свой Новосибирский Академгородок и его окрестности. Кроме того, социолог может найти применение только в русскоязычном пространстве.

Перед отъездом я работала по специальности в трёх местах, уже стала неплохо зарабатывать, начинала собирать материалы для докторской. Во Франции я поняла, что останусь вечным туристом. В ряды экономически активного населения мне не влиться. Прежде всего – возраст. Затем – рекордная безработица. В-третьих, неидеальное знание и использование языка. У меня речевой дефект, французы с первого раза не понимают моих слов. Но что хорошо – кругозор расширяется до бесконечности. Поэтому за границей появилось желание, а отсюда и время – писать прозу и иногда эссеистику. Я написала учебное пособие по цивилизации Франции для моих любимых российских студентов. Но этот подвиг относится к 2007 году! Это пока последняя дань моей профессии социолога.

Ещё одна трудность: русские во Франции гораздо более жёсткие по характеру и подсознательно страдающие от своей нереализованности, в отличие от русских, живущих на родине. Я чувствую себя здесь более одинокой, чем в России. Я человек по натуре мягкий, но я лезу на стенку, если со мной жёстко обращаются.

– Париж – романтическая столица мира. Франция – одна из колыбелей европейской истории. Какова эта страна изнутри? Что можете рассказать о коренных французах? Есть ли у них привычки, обычаи, традиции, способные удивить или даже шокировать русского человека?

– Если спрашивать меня, то это взгляд туриста, который очень долго живёт во Франции. То, что Франция – романтическая столица мира и одна из колыбелей цивилизации, это невозможно отрицать. Французы чтут свои исторические ценности и традиции, берегут свои памятники, помнят своих писателей и поэтов всех времён. Особенно бережно относятся к монументам в глубинке Франции. Владельцы средневековых замков стараются их поддерживать, даже если и не имеют больших доходов от них. Это же касается и старинных католических церквей – тоже в глубинке страны. Их красота и природа вокруг (по богатству красот природы Франция тоже рекордсмен) не могут не восхищать даже случайного прохожего (точнее сказать, заезжего молодца за рулём). Но характер француза трудно понять, даже живя во Франции много лет.

Люди они довольно закрытые, сдержанные, подчас немного депрессивные (не все!). Что приятно поражает: в деловых отношениях и в так называемой деловой дружбе они более надёжны, чем русские французы. Ещё: в православных церквах их гораздо меньше, крошечная доля от всех прихожан, но если француз уверовал, то это искренне и последовательно.

Ценная для русского черта французов – они очень быстро объединяются во всевозможные ассоциации. Наша ассоциация

Дружбы с Россией и с бывшими народами СССР существует много лет благодаря французам. Если бы там были одни русские, я не уверена, что ассоциацию не постиг бы конец. Правда, русских извиняет то, что они не на своей земле. А французы у себя дома. Конечно, всюду ссорятся из-за власти и из-за денег, но во Франции ассоциации сохраняются, несмотря на все конфликты, а не самоуничтожаются.

Французы более конструктивны. Они могут любить и изучать всё новое. Любители русского языка обычно тоже очень последовательны: учат язык много лет, читают наших классиков (пусть и на французском) и знают их подчас лучше, чем русские. Но нельзя забывать, что французское общество, несмотря на лозунг «братство» [«Свобода, равенство, братство». – *Прим. ред.*], очень разделено и по вертикали, и по горизонтали.

– Есть ли у Вас творческие планы на ближайшее будущее? Начата ли работа над следующей книгой? Какие темы планируете поднять в новых произведениях?

– Творческих планов много. Хочу и дальше публиковать рассказы и новеллы, тем более в черновых тетрадках есть много уже написанного от руки. Над новой книгой работаю, точнее, это возобновление прерванной работы. Это проза, тема – русские во Второй мировой войне на территории Франции. Хочу также переиздать свою книгу по этикету, но сделав в ней другие акценты. Ещё точно не решила какие. Возможно, остановлюсь на спорных вопросах этикета. Тогда пафос будет такой: вы не любите правила и не любите подчиняться им. Но некоторые правила должны быть непреложны, иначе вы потратите свою жизнь на распри и скандалы и будете в придачу травмировать себя и близких.

– Спасибо, Лидия, за очень интересную беседу и крайне познавательный экскурс во французскую культуру и местные обычаи. Уверена, Ваша книга найдёт своего читателя!

Екатерина Кузнецова, пиар-менеджер издательства «Союз писателей»

С любовью Кузбассу: вечер-концерт клуба ветеранов комсомола «Моя семья»

2 апреля городской корпоративный проект «Родина Кузбасс: 300 лет в истории России» презентовал в ЦГБ им. Н. В. Гоголя творческий вечер к 15-летию клуба ветеранов комсомола «Моя семья».

С приветственным словом от Управления культуры Администрации города Новокузнецка выступила Екатерина Юрьевна Яшкина, начальник отдела дополнительного образования.

История клуба

В марте 2004 года Ираида Борисовна Зиновьева предложила проводить на базе Комплексного центра социального обслуживания населения Заводского района культурно-досуговые мероприятия для пенсионеров. По её инициативе и под её руководством было открыто шесть мини-клубов по интересам:

- «Пэчворк» – декоративно-прикладное творчество: шитьё, бисероплетение и т. д.;
- «Симфония красок» – живопись;
- «100-летник» – сбор экспонатов для музея, написание сценариев праздников и др.;
- «Бабушкины сказки» – театр;
- «Сладка ягода» – вокал, пение в ансамбле;
- «Вдохновение» – поэзия.

Направления были выбраны по принципу «что умею, тому научу и других».

Чуть позже открылся седьмой мини-клуб – Музей досуга «Русская ИЗБА». Экспонаты собирались из

творческих поездок по Кемеровской области (рушники, подзоры, прялки и др.). Весомым пополнением музея стала коллекция хохломы Булганиной Софьи Даниловны.

К концу 2004 года все семь мини-клубов объединились в один большой клуб ветеранов «Моя семья».

Активная жизненная позиция и творческий потенциал членов клуба позволили им принять участие во многих городских и областных выставках-конкурсах, фестивалях, смотрах художественной самодеятельности («Мы родом из Кузбасса», «Кузнецкие узоры», «Достояние Кузбасса»), выступить с авторскими песнями на Всероссийском и региональном фестивалях исполнителей шансона.

На мероприятии творческая команда клуба «Моя семья» порадовала публику несколькими музыкальными номерами, в том числе исполнением авторских произведений Ираиды Борисовны Зиновьевой, основателя и бессменного руководителя этого добровольного ветеранского сообщества.

Ираида Борисовна – человек неравнодушный, гиперактивный, творческий. В какие только общественные объединения она не входит! Совет мастеров декоративно-прикладного и изобразительного искусства, Общественный совет по формированию независимой системы оценки и качества работы муниципальных учреждений культуры и искусства города Новокузнецка, городское краеведческое объединение «Серебряный ключ», Союз кузбасских писателей, Российское авторское общество.

Ираида Борисовна поздравила Гоголевку, с которой её связывают давние партнёрские отношения, с 90-летием.

Среди почётных гостей вечера были официальные лица, стоявшие у истоков клуба. Среди них – Чернышева Наталья Фёдоровна, экс-депутат городского и областного СНД.

Есть у Ираиды Борисовны настоящий друг и помощник во всех начинаниях – Александр Алексеевич Волобуев – Почётный читатель Гоголевки, настоящий друг большого и сплочённого коллектива детского дома-школы № 95, человек неравнодушный и отзывчивый. Он пожелал коллективу клуба «Моя семья» дальнейшего процветания.

Поздравить юбиляров пришли и воспитанники «Дома детства», с которыми клуб ветеранов «Моя семья» связывает крепкая дружба. Слова признательности, выраженные стихами и песнями, не оставили зрителей равнодушными.

Пользуясь случаем, проект «Творим историю вместе» и библиотека им. Н. В. Гоголя вручили И. Б. Зиновьевой и А. А. Волобуеву сертификаты, удостоверяющие факт включения их имён в состав электронной энциклопедии «400 знаменитых новокузнецчан».

Среди поздравивших юбиляров и пожелавших клубу стабильности и творческих

успехов также были: Канторович Наум Яковлевич (Почётный работник высшего профессионального образования), Елена Анатольевна Павловская (руководитель центра «Параскева Пятница»), Машков Николай Ананьевич (председатель городского Совета ветеранов), Янкина Галина Александровна (директор техникума пищевой промышленности).

Е. Э. Протопопова, член Союза журналистов РФ, гл. специалист по библио-маркетингу
Фото: О. Д. Анчюкова

Встреча с заслуженной артисткой РСФСР Галиной Яцкиной

3 апреля в Центральной городской библиотеке им. Н. В. Гоголя состоялась творческая встреча, подготовленная сотрудниками отдела читальных залов и отдела искусств при содействии Новокузнецкой епархии и В. В. Табачникова. Героиня встречи – Галина Ивановна Яцкина – звезда

советского кинематографа, исполнительница главных ролей в картинах «Женщины», «Конец Любавиных», «Уроки французского», вошедших в золотой фонд советского кинематографа.

Когда после школы Галина решила поступать на актёрский, мать отговаривала

девушку. Зато отец поддержал. В Москву будущая актриса приехала с лёгким чемоданом, переночевала в подъезде, переделалась в парадное платье и пошла в Щукинское училище на экзамены. Галина Ивановна рассказала участникам встречи о том, как учились студенты в то время: «Мы приходили к девять утра, а заканчивали в одиннадцать вечера. Нередко оставались даже ночевать». Однокурсниками Галины в мастерской Бориса Захавы были Марианна Вертинская, Наталья Селезнёва, Борис Хмельницкий, Евгений Стеблов.

В середине 1970-х годов к Галине Яцкиной вернулась болезнь (туберкулёз костей), которой актриса страдала с детства, и ей вновь пришлось встать на костыли. Это был сложный период в творческой биографии актрисы. Но за время вынужденного простоя Галина окончила аспирантуру Щукинского училища и стала преподавать в родных пенатах. Галина Ивановна поимённо вспомнила своих учеников, среди которых Александр Гордон, Сергей Маковецкий, Сергей Жигунов, Дмитрий Харатьян и другие.

В 2000-х годах вернулась в кино в качестве режиссёра. Участники творческой встречи посмотрели документальный фильм Г. И. Яцкиной «У войны женское лицо». Фильм о женщинах, которые наравне с мужчинами воевали в Великую Отечественную, в Афганскую войну, а сейчас воюют на Украине, защищая Родину. О войне в Афганистане Галина Яцкина знает не понаслышке – она летала в Афганистан с гуманитарной миссией пять лет подряд. Два раза в непосредственной близости от неё гремели мощные взрывы, но только чудо спасло актрису от гибели.

В настоящее время Галина Ивановна занимается православной миссионерской деятельностью. Проект советской и россий-

ской актрисы театра и кино, генерального директора киностудии «Киноконтакт» Галины Ивановны и режиссёра Василия Леонидовича Яцкиных «Под солнцем» широко известен, позиционируется как миссионерский и просветительский, создан при поддержке Министерства культуры.

Галина Ивановна на встрече приоткрыла страницы своей биографии, рассказала о творческой жизни, о режиссёрских работах, о своих интересных, незабываемых встречах с актёрами театра и кино.

Встреча проходила в режиме «вопрос-ответ», каждый из участников встречи мог задать Галине Ивановне вопрос.

Присутствующие зарядились неподдельными эмоциями от просмотра фильма и получили колоссальное удовольствие от общения с потрясающей женщиной. В знак благодарности Галине Ивановне преподнесли цветы, а актриса оставила добрые пожелания в книге отзывов библиотеки.

Л. П. Максимова, начальник отдела читальных залов
Фото: Т. А. Крюкова

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

с Ларисой Агафоновой

Как пережить отказ, или Не первоапрельская шутка

Редко случается, когда никому не известного автора сразу же ожидает ковровая дорожка и контракт с приятными цифрами в популярном издательстве!

Счастливицков – раз-два и обчёлся.

Основная масса начинающих поэтов и прозаиков в прямом смысле обивают пороги издательств, забрасывают главных редакторов письмами (кстати, не всегда электронными), звонят с напоминаниями о том, что сроки рассмотрения (свои в каждом издательстве) подходят к завершению и с трепетом ждут ответа. Положительного, безусловно.

И вот во входящих появляется сообщение с пометкой «важное». Вы выдыхаете, настраиваетесь на позитив и впиваетесь в скупые строки.

«Вы нам не подходите», «Ваше произведение написано в жанре, который сейчас не продаётся», «Вам нужно поработать над стилем изложения», «Ваш сюжет хромает на обе ноги» – вот малая толика отказов, ежедневно получаемых авторами. И это не первоапрельская шутка, не розыгрыш, а суровая правда.

То, что для творческой личности – трагедия и катастрофа, для главного редактора – повседневная работа. Как говорится, ничего личного. Издатель ищет таланты, а автор верит, что именно он – тот самый талант. И правильно верит! А иначе никак!

**ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ АВТОРУ,
В ПОЧТОВОМ ЯЩИКЕ КОТОРОГО
РАЗ ЗА РАЗОМ ОКАЗЫВАЮТСЯ
ПОДОБНЫЕ ВЕСТНИКИ?**

➤ **Возмущаться?** Выпустить пар, конечно, можно. И порой даже нужно! Выплеск эмоций –

Лариса Агафонова – кандидат психологических наук, доцент, автор более ста работ в области психологии, филологии и педагогики.

сброс избытка эмоциональной энергии в речи, экспрессии и действиях, помогающий избавиться от негатива и эмоционального напряжения. Вариантов выплеска множество: от занятий спортом и громкого пения до крика и битья подушек (лучше всего подходят пуховые).

К чему это может привести?

Такой способ хорош на первом этапе. Если увлечься выплеском эмоций, то можно растерять те, которые очень даже пригодятся вам для творчества. Например, эмоция интереса оказывает воздействие на процесс восприятия. Она проявляется в виде любопытства и воодушевления и обеспечивает связь интереса с творческой активностью. Чем сильнее любопытство автора, тем актив-

нее идёт процесс созидания. Так что эмоции порой надо поберечь.

А делать-то что?

Внимательно и спокойно прочитать замечания редактора, лучше всего несколько раз, и откорректировать (если это возможно) произведение. Иногда даже переписать.

➤ **Отчаиваться? Рыдать в уцелевшую подушку или жилетку настоящего друга?** Если вам это помогает, то можно попробовать.

К чему это может привести?

Длительное уныние способно создать негативный фон, понизить жизненный тонус личности, уменьшить возможности для благоприятной адаптации в обществе, лишит альтернативы и привести к депрессии. Вам точно это нужно?

А делать-то что?

Для начала встряхнуться. Оценить степень «ущерба» от отказа издательства. Можно это сделать в цифрах: например, сколько часов/дней/недель вы потратили на своё произведение. Это «убытки». А что в «прибыли»? За это время вы получили колоссальный опыт, ознакомились с литературными приёмами, научились «тасовать» героев, развили воображение. Согласитесь, теперь всё выглядит не так ужасно! Начните новый этап: исправляйте недочёты, дорабатывайте начатые произведения и творите новые.

➤ **Перестать заниматься творчеством, чтобы избежать подобных отказов?** И холить и лелеять свою мотивацию избегания неудачи.

К чему это может привести?

Доминирование у человека мотива избегания неудач, как правило, приводит к снижению самооценки и уровня притязаний. Часто повторяющиеся неудачи могут вылиться в состояние привычной подавлен-

ности и потере веры в собственные силы. Уверена, вы точно этого не хотите!

А делать-то что?

Попробуйте для начала сменить издательство. Скорее всего, жанр, в котором вы пишете, активно продвигается конкурирующим литературным агентством. Ваша задача – найти его. Попробовать себя в новом жанре. Есть вероятность, что пока не до конца раскрыли свой творческий потенциал.

КАК ЗАСТАВИТЬ СЕБЯ НЕ ОПУСКАТЬ РУКИ?

✓ **Берите пример с тех, кто преодолел страх неудачи и добился успеха!** Почитайте историю взлётов и падений известных личностей. Это могут быть необязательно поэты и прозаики, но и певцы, художники и актёры. Те, кто оказался на вершине, туда как-то добрались. А значит, это вполне реально!

✓ **Принимайте неудачи как старт!** Да-да, именно так! Помните, как вы учились кататься на велосипеде/роликах/лыжах? Вы абсолютно точно сначала теряли равновесие, падали, набивали синяки и шишки и сердились на себя за неумелые действия. Но вы же научились и теперь лишь иногда, со смехом, вспоминаете о прошлых неудачах.

Так же происходит и в творчестве: шелчки по самолюбию, падение с высоты самоуверенности и злость от неудач. Вам кажется, что вы упали? Вставайте и пробуйте снова. У вас обязательно получится!

✓ **Идите вперёд!** Мы не можем переписать историю, не в состоянии изменить прошлое. Но в наших силах написать книгу своего успеха. А для этого нужно как минимум взять ручку и записную книжку, сесть за компьютер и открыть нужный файл.

**Друзья! Письмо от главного редактора – это не приговор.
Это очередной порог, который нужно преодолеть на пути к цели!
У вас есть цель? Так идите к ней! И пусть никакие отказы
не замедлят ваш ход!**

Владимир Гакштетер Сочи, Краснодарский край

Кто с мечом к нам...

Что-то громыхнуло за окном, засвистело и ударило об землю. Николай вздрогнул, выглянул в окно. Какие-то неясные тени копошились в огороде. Шёл снег, и люди там были белыми как снег.

– Маскируются, – прошептал Коля, надевая телогрейку. – «А уж не инопланетяне ли это, как в прошлом году?» – размышлял он, открывая дверь.

За дверью было морозно.

«Точно, инопланетяне», – определился Николай, оглядывая того, который стоял совсем недалеко от него.

Инопланетянин был небольшого роста, в скафандре голубого цвета. Он что-то верещал, размахивая руками – или тем, что у него было вместо рук. За ним, чуть в сторонке, стояли ещё двое – ростом повыше и в белых скафандрах. А ещё чуть поодаль Николай рассмотрел их космический аппарат. Он тоже был белого цвета, закруглённый сверху и заканчивался пикой-антенной.

Откуда-то со стороны соседнего двора вылетела и громко хлопнула ракета, осветив всё вокруг.

– Так вы с мечом к нам! – заорал Николай, слегка отодвинувшись к сараю, где хранился его арсенал. – Так от меча и погибнете!

Он резво запрыгнул внутрь и схватил первое, что попало под руку. Это оказалась лопата. Николай выглянул в окошко сарая. Во дворе пока ничего не изменилось. Тот маленький всё так же стоял и верещал что-то непонятное.

«А как его, головастика, понять, если он инопланетянин?» – хохотнул про себя Николай.

Он понимал, что ждать больше нельзя, инопланетяне могут применить против него... Он забыл, как это называется, но возможности инопланетного разума представлял предметно.

«Мыслью заставят всё бросить и подойти к ним, а потом заберут туда, к себе, для исследований. И всё! Капец...» – рассуждал Коля.

– А вот хрен вам! – крикнул он, выскакивая из сарая. – Щас-с будут вам исследования!

С лопатой наперевес Коля кинулся к двоим в белом. Инопланетянцы не успели даже сдвинуться, как он двумя ударами разрубил их на куски.

Теперь Николай был рядом с космическим аппаратом. Он решил во что бы то ни стало не дать им улететь. В конце концов, наука должна была получить доказательства присутствия инопланетян на Земле. И Коля стал наносить лопатой сильные удары по корпусу корабля. Тот оказался удивительно мягким... но кто знает, каким должен быть космолёт инопланетян. Ударив для гарантии ещё несколько раз, Николай вспомнил о маленьком пришельце в голубом скафандре. Он повернулся к нему, схватил мелкого под мышку и рванул к дому. В огороде было тихо.

– Ну и славненько! Успокоились! – бормотал он, входя в комнату. – А этого мы живым предоставим.

Николай осмотрелся вокруг, но ничего подходящего, кроме шкафа, не обнаружил.

Открыв дверцу и выбросив все вещи, Николай усадил инопланетянина внутрь и закрыл шкаф.

Он устал. Нужно было подкрепиться и хотя бы чуть-чуть поспать. Николай вспомнил, что, ещё когда они с женой сидели на кухне, краем глаза заметил, как Лидка бочком-бочком – да и унесла в кладовку что-то со стола.

«Понятно что, – определил он, заходя в кладовку и мигом обнаружив початую бутылку водки. – На опохмелку притырила. Ничего, милая, ещё и сегодня пригодилась».

Нежно поглаживая холодное стекло, он сел за стол и несколькими глотками прикончил бутылку. Приятное тепло потекло по всему телу, по жилкам и косточкам, и вмиг добежало до самого маленького мизинчика на ноге. Николай зевнул, осмотрел комнату. На кровати спала Лидка, обнимая инопланетянина в голубом скафандре.

– Во дура! – возмутился Николай. – С кем только по пьяни не заснёшь. Посмотрю я на тебя утром.

Это было последнее, что сегодня он смог сказать, – он спал...

Только-только начало светать, как во дворе раздался какой-то неясный шум.

Николай проснулся. В одну секунду он вспомнил всё и понял, что к инопланетянам прибыла подмога. Быстренько одевшись, он выскочил во двор. У ворот стояла какая-то их коробочка и слепила прожекторами.

– А ну-ка, посмотрим, где вы там? Я вам... Я вас... – взвыл Николай, беря в руки всё ту же лопату-спасительницу, при этом излагая свои намерения такими словами, которые никакая бумага не сможет выдержать.

Двух ударов хватило, чтобы прожекторы погасли навсегда. Какие-то тени мелькнули и скрылись в коробочке.

– Вот и сидите там, лупоглазые, – удовлетворённо произнёс Николай.

Теперь он совершенно не боялся их. Изрядно подмёрзнув, он вошёл в дом. Лидка, открутив голову инопланетянину, кормила его овсяной кашей. Шлем от скафандра валялся на диване. Инопланетянин крутил головой, верещал что-то по-своему, явно высказывая недовольство происходящим.

– Лидка, дура! Ты чё? Опупела? Он же инопланетянин, какая ему каша. Может, они её не едят?

– У меня всё будут есть, – возразила Лидка.

Николай на автопилоте добрался до дивана и через секунду уже спал...

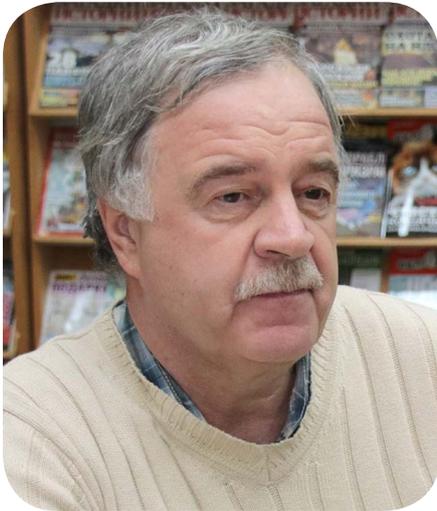
Дело шло к обеду, когда раздался стук в дверь. Николай поднялся. В голове гудело от вчерашнего, но не так чтоб очень. В дверях стоял сосед Васьяк:

– Коль! Ты чё натворил ночью? Опять с инопланетянами сражался? Фары моему джипу побил. Иди, сам посмотри.

Николай выглянул во двор. Первым, что он увидел, была его лопата. Она валялась около Васькиного «запорожца». Фары автомобиля были разбиты явно чьими-то умелыми ударами.

– Вась! Ну ты прости меня. Ты же фары не выключил, вот я и попутал, – Николай виновато пожимал плечами и жмурился на ярком солнце – Пошли за стол, обсудим. Нормалёк?

И они пошли в дом мимо разбросанного по снегу стога сена и останков снеговика, ещё день тому назад красовавшегося в обнимку с ледяной Снегурочкой...

Олег Гонозов

Ярославль

Лайковая жизнь

На звонок в дверь Катя не отреагировала. Ей было некогда. Она смотрела фотографии в «Одноклассниках».

Ноутбук заменил ей все былые увлечения: книги, кино и спортзал. Катя возвращалась из техникума и с головой погружалась в социальные сети. Ей надо было срочно разбросать по сайтам новые селфи (а это сорок три фото!), проверить, все ли подружки лайкнули предыдущие снимки, и удалить из друзей тех, кто в течение недели не поставил ей ни одного лайка.

Звонок раздался снова, долгий, нетерпеливый. Так настойчиво могли звонить только полиция и МЧС. Поставив ещё пятнадцать лайков под свадебными фотографиями недавно вышедшей замуж подруги, Катя открыла дверь.

На лестничной площадке стоял улыбающийся парнишка в прикольной вязаной шапочке и оранжевой куртке-ветровке.

– Привет! – как давний знакомый, произнёс он. – Я Юра из Костромы!

– Привет! – ответила Катя.

– Не узнаёшь?

– Нет...

– Ну ты, Катька, даёшь! А отель «Роза» в Турции тебе ни о чём не говорит?

– Я не была в Турции.

– А я был! Прошлым летом! Фотки выставил в «Одноклассниках» – и именно от тебя, Катюха, собрал небывалый урожай лайков!

– И что дальше?

– Как что? Теперь я здесь!

– Забавно, а как вы узнали мой адрес?

– Так из Интернета. На «Фейсбуке» ты разместила фотку у своего дома, я увидел название улицы, а номер квартиры бабушки во дворе подсказали.

– Странно!

– Ничего странного! Я спросил, где тут Катя из строительного техникума живёт, они сразу и сказали – в сто двадцать второй!

– А про техникум кто растрепал?

– Опять же «Фейсбук». В анкете ты написала: «Учусь в строительном техникуме».

– Но я, кажется, не приглашала вас к себе в гости?

– Там не приглашала. А «ВКонтакте» под фоткой, где я сижу верхом на «Ямахе», написала: «Крутой! С таким бы встретиться!» Вот я и приехал!

– И что дальше?

– Что дальше? – улыбнулся парень. – Сделаем селфи, и я умчусь. Мне ещё надо в твоём городе Галю Ландринову и Таню Басову найти. Они тоже хотели со мной встретиться. Селфи я в «Одноклассниках» выставлю. Не забудь лайкнуть!

Десятка раздора

С очередного свидания Валера вернулся недовольный.

– Что не так? – спросила мать. – Чем ты ей не угодил?

– Не знаю, – промямлил Валера.

– Опять ногти грыз, и она дала тебе по рукам?

– Не грыз я ногти.

– В носу ковырял?

– Мама!

– Что «мама»? Мама должна знать, где ты накосячил! А ну, дыхни!

– Да ради бога! Не ел я сегодня чеснок!

– Точно не ел! А зубы чистил?

– Чистил.

– Что же тогда не так? Где машина любви дала сбой? Может, в троллейбусе ехал без билета?

– С билетом!

– За даму не заплатил?

– Заплатил...

– Тогда я просто теряюсь в догадках! Намекни хотя бы, куда развивать мысль?

– Деньги...

– Что, деньги? Ты украл у своей девушки кошелёк?

– Мама!

– Я просто спросила, Валера. Неужели ты потерял деньги? Все сто двадцать рублей, что взял утром из моего кошелька?

– Не потерял, а нашёл...

– Нашёл сто двадцать рублей?! Валера, что ты молчишь?

– Нашёл десять рублей...

– И что?

– Нагнулся, чтобы их поднять...

– А Света?

– А Света в это время скрылась в подъезде.

– Что же ты их так долго поднимал? Они были мелочью? По пятьдесят копеек?

– За копейками я бы даже нагибаться не стал! И за рублём не стал бы! А тут десятка – не каждый день на дороге валяется! Я нагнулся и стал её выковыривать из грязи...

– Взял бы какую-нибудь палку!

– Пока я искал подходящую палку и выковыривал монету, Света ушла домой!

– Сколько же времени ты её выковыривал?

– Минут пять...

– Валера, не надо меня обманывать! За пять минут Светлана Борисовна с её больными ногами и третьей группой инвалидности не успела бы уйти домой!

– Мама, не забывай, что мне сорок четыре года и у меня самого вторая группа.

– Ладно, познакомлю тебя с Викторией Петровной. У неё неважное зрение, для тебя – стопроцентный вариант!

Приглашаем на сайт журнала
journalsp.ru

График выхода • Читательская и авторская подписка • Приём рукописей
Каталог выпущенных номеров • Поиск публикаций

Андрей Ивонин
Москва

Кулинарные пристрастия

Ест улитка виноград.
 Чёрный дрозд улитке рад.
 Антилопа ест траву,
 Но сама по вкусу льву.
 Ослик ест чертополох.
 Для оленя мох неплох.
 Кот охотится за мышью,
 Обезьяна ловит блох.
 Мотылёк сосёт нектар.
 Кровь на завтрак пьёт комар.
 Поле гречи сгоряча
 Уплетает саранча.
 Рыбу кушает енот.
 Воробей зерно клюёт.
 Птица-выпь в один присест
 Килограмм лягушек ест.
 Моль – тряпье и пыльный мех.
 Бурундук грызёт орех.
 Бурый мишка ест лося.
 Человек жрёт всё. И вся.

Битва с тараканами

Входная дверь закрыта на замок.
 Разумно заготовленные впрок,
 Расчехлены все веники и тапки.
 Всё подготовлено к большой войне. И так,
 Да не посмеет же коварный, подлый враг
 Осмелиться и сунуть за порог
 Свои хитиновые усики и лапки.

Да, враг хитёр и он готовит месть.
 Он хочет есть и норовит пролезть
 К помойному ведру – заветной цели.
 Ему века и миллионы лет.
 Он штурм готовит и ползёт на свет,
 Стучит ногами в дверь и лезет в щели.

Враги везде. Они как Страшный суд.
 От них не защитят и не спасут
 Ни дверь, ни стены – даже не пытайся.
 Их тактика продумана давно:
 Закроешь двери – норовят в окно.
 Кричат нахально: «Русс Иван, сдавайся!»

Но с нами эволюция, и мы
 Ведём сраженье с порождением тьмы.
 И пусть нас мало, нас, быть может, трое.
 И подвиг наш не воспоют в веках –
 Кто с тапком, кто со шваброю в руках –
 Безвестные и скромные герои.

И хочется воскликнуть здесь: «Увы!
 Опомнитесь! Что делаете вы?
 Идите с миром, мерзкие создания!»
 Но всё вернее ночь стущает мрак.
 Трепещет полог на ветру, как флаг,
 И ближе, ближе войско тараканье.

Так стало быть, война?
 Ну что ж,
 Да будет так!

Страницы автора
ok.ru/profile/186205593259
www.facebook.com/andrei.ivonin
vk.com/ivoninmb

Пробка

Движенья судорожны, робки.
Я время, коего в достатке,
смирненно коротаю в пробке
в автобусе на Ленинградке.

Ползут машины, как улитки,
в каком-то вялом беспорядке.
И нет мучительнее пытки,
пусть даже времени в достатке,
пусть даже времени в избытке,
куда-то мчатся без оглядки
в автобусе по Ленинградке.

Синоптики

Повседневные ожидания,
Постоянные опасения
То всеобщего похолодания,
То глобального потепления.

Прогнозируемые заранее,
Но берущиеся под сомнение,
То периоды снеготаяния,
То периоды оледенения.

Климатологи и синоптики,
Энтузиасты и скептики
В теории и на практике,

С помощью линейки и оптики,
Вычисляют наклон эклиптики
В нашей Богом забытой галактике.

Случай на бульваре Клиши

В день ненастный на бульваре,
В двух шагах от «Мулен Руж»,
Под дождём на тротуаре
Потерялся чей-то муж.

Всеми брошенный, забытый
В мокрой уличной пыли.
По щеке его небритой
Слёзы горькие текли.

Я его плащом укрыла,
Принесла его домой,
Отогрела и отмыла,
Назвала «котёнок мой».

И отныне он не хнычет,
А сощурясь, словно кот,
На моих руках мурлычет
И из блюдца пиво пьёт.

В метро. Незнакомка

1
Мы двигались в потоке, как отряд,
вдоль мраморных колонн и анфилад
московского метро, и, как клопа,
меня сжимала плотная толпа.

Она текла, как горная река.
Мы шли плечо к плечу, к руке рука.
Ни в сторону уйти, ни убежать,
ни вырваться. Я ноги мог поджать
и не упасть. Меня толпа несла.
Нас была тьма. Нам не было числа.

2
Нас было много. Шли со всех сторон
вдоль мраморных пилястр и колонн:
рабочие, военные, врачи,
учителя, студенты, циркачи.
Шли бунтари – крушители основ,
философы – властители умов,
хозяева, вернувшиеся с дач,
спортсмены, опоздавшие на матч,
известный драматург, искусствовец,
два музыканта и один поэт.

3
Шагали молча дети, старики.
Стучали по ступеням каблуки.
Как тени, рядом шли и вдалеке,
с тяжёлым багажом и налегке.
Шёл брат и сват, дядя и кумовья,
зятя и свёкры – кровная родня.
Седьмая шла вода на киселе.
Шли прямо, но слегка навеселе,
художники и пьяные в говно
работники театра и кино.

4

Дрожали своды. Шли издалека
болельщики «Анжи» и «Спартака».
Шли вместе: лилипут и гулливер,
единоросс и член ЛДПР,
законник записной и анархист,
любитель побузить и пацифист,
поклонник R'n'B и битломан.
Шагали пролетарии всех стран,
сотрудники спецслужб и – гой еси! –
таксисты и менты всея Руси.

5

Шли граждане. Шли люди. Шёл народ.
Шёл писанный красавец и урод,
храбрец и трус, здоровый и хромой,
слепой и зрячий, гладкий и рябой,
худой и толстый, умный и дурак.
Татарин шёл, эвенок и коряк.
Шёл рыжий, шёл блондин и шёл брюнет.
За ними шли торжественно след в след
процессии монахов и мирян,
диаспоры таджиков и армян.

6

Мы шли вперёд одной большой семьёй.
Мы лавой шли, фалангой и свиньёй.
Мы шли когортой. Шли, чеканя шаг,
спускаясь вниз в туннельный полумрак.
Толкаясь, выходили на перрон.
Кто просто шёл, а кто считал ворон.
Один себе под нос о чём-то пел,
другой в карманах мелочью звенел.
Кто весел был, кто зол и раздражён.
Я был в свои раздумья погружён.

7

Мы шли вперёд. Пройдя сквозь турникет,
шагали, как сомнамбулы, на свет.
Мы шли и шли. Мы совершали марш.
Мы двигались, как в мясорубке фарш.
Толпа гудела, как локомотив,
и разливалась, как весной разлив,
ползла и извивалась, как змея.
Мы вместе были больше, чем семья.
Мы шли на свет и вместе с тем на дно.
Сообщники, мы были заодно.

8

Толпа была энергией полна,
бурлила и вздымалась, как волна.
Она вскипала, как морской прибой,
гнала и увлекала за собой.
Толпа плыла, и я в толпе шагал.
Такое ни Малевич, ни Шагал
изобразить бы не могли. Отнюдь.
Мы шли вперёд, прокладывая путь
себе локтями. В шесть ноль-ноль. В час пик.
И тут Твой Образ предо мной возник.

9

Ты появилась тихо, не спеша,
духами и туманами дыша,
из неких отдалённых эмпирей,
из ниоткуда, из мечты моей.
Вокруг сжимались медленно тиски.
Мы становились ближе – так близки,
что разобрать бы сам чёрт не смог
в переплетенье наших рук и ног.
И я не мог ни охнуть, ни вздохнуть.
Твой локоть упирался в мою грудь.

10

У эскалатора внизу, на вираже,
нас занесло, мы слиплись как драже
в коробке жестяной. Хотелось пить.
Ничто нас не могло разъединить.
Грядущий путь быть томным обещал.
Я страсть твою всем телом ощущал.
Я чувствовал сквозь тонкое бельё,
как сердце в такт колотится твоё
с моим, как бьётся в унисон
под кофточкой – сквозь ситец и виссон.

11

Стучала кровь, струился пот со лба.
Нас случай свёл, нас сблизила судьба.
Нас рок увлёк в назначенный тот час,
в единый узел связывая нас.
Толпа была разнузданно пошла.
Ты, прижимаясь ближе, рядом шла
и в ухо мне дышала горячо,
облокотившись на моё плечо.
Романтик с незапамятных времён,
я был тобой навеки покорён.

12

И понял я, что ты мой идеал.
Мы шли в толпе. Уже я ревновал
тебя к коллеге справа – пацифист
к тебе соседился и лип, как банный лист.
Я чувствовал, держа твою ладонь
в своей, как разгорается огонь
у нас в крови – как угли из костра,
как пробежала лёгкая искра,
рождённая от тренья наших тел.
И я уже тебе сказать хотел...

13

Но вдруг меня швырнуло, понесло,
как лодку, потерявшую весло,
куда-то в сторону, к стене, за поворот.
Вокруг бурлил людской водоворот.
Шли вперемешку – скептики и те,
кто ещё верил в чудо, в тесноте,
как в банке из-под шпротов и сардин.
Но я шагал в толпе уже один.
Совсем один. Судьбу свою кляня,
я двигался вперёд. Вокруг меня

14

шагали сотни женщин и мужчин,
имеющие тысячу причин
для смены обстановки: кто искал
любви и приключений, на вокзал
иной стремился, кто в аэропорт,
а кто-то в гости шёл, влача свой торт.
Кого-то страсть к деньгам вперёд гнала,
другого – неотложные дела,
кого – охота к перемене мест.
Я шёл в толпе один, один как перст.

15

А наверху июль сводил с ума.
Пекло. Садилось солнце за дома,
за горизонт – и надвигалась тень.
Очередной заканчивался день.
Гуляла в клубах пьяная братва.
Шумела в парках пыльная листва.
Натужено на запад и восток
автомобильный двигался поток.
Там, наверху, снаружи. А внутри
горели вполнакала фонари.

16

Вспотевшая, размякшая, как в спа,
шагала разношёрстная толпа,
слипаясь, раскисая, как кисель.
Безумная крутилась карусель.
Бушующей волны девятый вал
в подземке допоздна не утихал,
и вновь и вновь входили люди в дверь.
Текли рекой. Как ненасытный зверь
в распахнутую пасть, в своё нутро
вбирало нас московское метро.

Валерий Лепов

Якутск

Философия юмора

...Теория юмора – трудный орешек.

**Станислав Лем
(1921–2006)**

Желание писать о смешном свидетельствует о том, что чувство юмора у вас утрачено безвозвратно.

**Джордж Бернард Шоу
(1856–1950)**

Что же такое юмор? Почему человек смеётся? Отчего смех продлевает жизнь, и соответствует ли это действительности? Смеются ли животные, присуще ли им чувство юмора или это свойство высшего разума?

Как ни странно, этими вопросами занимается раздел философии, называемый теорией юмора, в котором изучается природа и социальные функции последнего, а также его влияние на развитие личности. Сторонники теории естественного отбора считают развитие чувства юмора у человека важным эволюционным фактором.

Из всех теорий юмора учёному интересны только те, что отвечают критериям научности, поскольку даже объяснить, что такое

юмор, весьма затруднительно. Тем более множество людей не обладает чувством юмора, и им это явление кажется совершенно иррациональным.

Во-первых, научная теория должна быть *объективной*. Если хотя бы часть людей способна смеяться, это явление обладает объектностью. Здесь же выявляется и следующий критерий научности, основанный на опытном характере знания, – *воспроизводимость и повторяемость* явления путём наблюдения, эксперимента и измерения. Любой человек каждый день может произвести опыт над своим знакомым и даже незнакомцем, рассказав ему смешную историю или анекдот. Искренний смех разной степени интенсивности будет служить легко воспроизводимым доказательством.

Множество фактов свидетельствует о том, что чувство юмора свойственно человеку от рождения. Смеющийся младенец – счастье матери. Способен понимать юмор и смеяться даже самый глубокий старик. Лишь отдельные психически деградировавшие личности полностью утрачивают чувство юмора. Тем не менее даже они способны смеяться над страданиями других. Отсутствие способности смеяться с рождения может рассматриваться как некая психическая болезнь.

Тем не менее все факты свидетельствуют об универсализме явления, его достоверности и intersubъективности. Исключения лишь подтверждают правило. Более того, чувство юмора может быть измерено.

Таким образом, критерии научности – объективность, истинность, intersubъективность, универсализм, воспроизводимость, достоверность и опытность знания – должны относить теорию юмора к *классической науке*.

Не удовлетворяют этим критериям психологические теории (согласно которым смех – просто признак здорового образа жизни), духовные (рассматривающие юмор как Божий дар) и мистические теории (утверждающие юмор как тайну, не подлежащую раскрытию и объяснению).

В науке существуют три основных теории юмора – превосходства, несоответствия и утешения [1].

Теория превосходства, как одна из теорий юмора, происходит из сочинений Платона (427–348 до н. э.), Аристотеля (384–322 до н. э.) и Левиафана Томаса Гоббса (1588–1679). По мнению Аристотеля, смех над низшими сословиями или уродцами вызван радостью от превосходства над ними. Это может относиться и к оценке уровня интеллекта. Так, Платон приписывает Сократу слова, что невежество сильных опасное и постыдное, а невежество слабых – смешное.

В диалоге «Филебус» платоновский неизменный герой и учитель Сократ философски замечает, что главный персонаж всех комедийных представлений – человек в стеснённых обстоятельствах, неспособный самостоятельно их преодолеть. Наблюдая за его злоключениями, публика одновременно испытывает и жалость, и удовольствие. С одной стороны, она сочувствует неудачнику, но в то же время смеётся над его бессилием.

Ученик Платона Аристотель так же относился отрицательно к «комическому», потому как считал, что оно делает людей заложниками собственных эмоций: «Шутка – это своего рода оскорбление, поэтому использовать её необходимо только в том случае, если речь идёт о вещах действительно недостойных и низких».

Соглашается с ними и Томас Гоббс, философ Нового времени, определяющий смех как примитивную эмоцию, грубую реакцию на беду другого. Мысль о собственном превосходстве над несчастным возникает из неверного убеждения, что с нами ничего подобного произойти не может. Следовательно, смех может зависеть от прогнозирующей способности мозга, и при обнаружении сходства ситуации эмоция немедленно прекращается.

Поэтому критики теории (в частности шотландский философ Фрэнсис Хатчетсон) замечали, что страдания героя скорее заставят интеллектуального читателя или зрителя плакать, нежели смеяться.

Хатчетсоном предложена альтернативная концепция, позже ставшая известной как *теория несоответствия*. Ведь смех могут вызвать и фокусы, и забавные представления животных, – таким образом, он возникает скорее при наблюдении абсурдных явлений, нарушении канонического образа. Если публика смеётся над случаем, произошедшим с достойным героем, то только из-за несоответствия комической ситуации его положению, могуществу или богатству. Исследования современного британского психолога Ричарда Вайзмана также подтверждают эту теорию. Анализ десяти тысяч шуток и анекдотов дал следующие основные комические архетипические ситуации:

- 1) недалёкий герой хочет выглядеть умнее, но терпит неудачи;
- 2) муж и жена не любят, но вынуждены терпеть друг друга;
- 3) доктор, несмотря на свой долг, равнодушен к смерти больного;
- 4) великий и всемогущий Бог, который совершает ошибку.

К теории несоответствия склонялись и великие немецкие философы Иммануил Кант (1724–1804) и Артур Шопенгауэр (1788–1860). Так, в «Критике чистого разума» Кант писал: «Смех является эмоцией, возникающей из неожиданного превращения напряжённого ожидания в ничто», когда наше предчувствие об ожидаемом продолжении не исполняется.

Гегель (1770–1831) в «Науке логики» рассматривает остроумие как форму мышления, отличающуюся выделением «свещающегося противоречия».

Как дальнейшее развитие теории несоответствия появилась и *теория утешения*, сформулированная впервые английским философом Гербертом Спенсером (1820–1903), в которой смех рассматривался как физиологическая реакция человека на нервное напряжение и перевозбуждение. Освобождение от эмоциональной нагрузки происходит посредством радости или страха, следствиями которых являются соответственно смех и дрожь.

Соглашался со Спенсером относительно природы юмора и основатель теории психоанализа Зигмунд Фрейд (1856–1939). Его труд «Остроумие и его отношение к бессознательному» посвящён тому, как человек выражает сексуальность и агрессию с помощью смеха и юмора. Так, по Фрейду, человек обманывает своего внутреннего цензора, «Сверх-Я», запрещающее ему говорить на табуированные темы и открыто выражать своё неудовольствие, обиду и злость, посредством острых шуток и насмешек. Обладающий чувством юмора вынужден постоянно шутить для того, чтобы избежать негативных эмоций и уйти от несовершенной действительности. Таким образом он как бы добивается своей неуязвимости.

Последователи Фрейда в дальнейшем пришли к выводу, что при помощи смеха человек преодолевает страх перед отцом, матерью, властью, сексуальностью, агрессией и т. д. Смех по своему социальному значению приравнивается к искусству, неврозам, алкоголизму, возвращению к детскому состоянию, простому желанию уйти от неприятной реальности [2].

Анри Бергсон (1859–1941) усматривал социальную сущность смешного как исправление общества. Природа, ландшафт не могут быть смешными, необходимо общество, человек или что-то, относящееся к ним.

Артур Кёстлер (1905–1983) считал смех рефлексом, не имеющим определённой биологической роли, но играющим огромную освобождающую и обновляющую роль в умственном и физическом здоровье, в борьбе за выживание, борьбе с невзгодами, освобождении от страха.

Новую «*смысловую*» концепцию юмора и смеха предложил Леонид Карасёв [2] в 80–90-е годы XX века. Он предложил рассматривать смех как целостный культурно-исторический и онтологический фе-

номен, обретающий смысл только при сопоставлении с окружающими символами. Анализируя различные проявления юмора и смеха, он показал, что они принципиально сводимы к двум основным типам – «*смеху тела*» и «*смеху ума*». Первый присущ животным и человеку от рождения, как радость игры и физическое удовольствие, а второй соединяет эмоцию и рефлексию, являясь парадоксальной оценкой и сферой проявления остроумия: «Упрощая дело, можно сказать, что смеха два, а плач один». Именно о «смехе ума» как специфической черте человека, отличающей его от животного, писал в своё время Аристотель.

Из работ последнего времени можно упомянуть ещё так называемую семантическую теорию юмора Виктора Раскина и Сальваторе Аттардо, целью которой является выявление достаточных и необходимых условий для того, чтобы текст был смешным. Согласно этой теории, юмористический эффект возникает при внезапном пересечении двух независимых контекстов в точке бисоциации (ситуации пересечения в сознании двух независимых, но логически оправданных ассоциативных контекстов). Возникающий при этом когнитивный диссонанс компенсируется реакцией смеха. Возникновение такого диссонанса объясняется столкновением контекстов структур (фреймов или скриптов), в виде которых мозг хранит описание признаков объекта. Аттардо в конце концов приходит к выводу, что эта теория – одна из разновидностей теории несоответствия.

Таким образом, юмор оказывается тесно связан как с семантической структурой сознания и памяти, так и с социальным аспектом, обусловлен влиянием общества. С одной стороны, смех – это особая адаптационная способность, а с другой, просто радость и физическое удовольствие.

Использованная литература

1. Эдриан Бардон. Три теории юмора. Интернет-ресурс: http://www.cinemotionlab.com/stati/tri_teorii_yumora/
2. Глинка К. Теория юмора (Humour Theory). Интернет-ресурс: <https://e-lub.net/annuals/html.htm>

Валентина Панина

Новосибирск

Сватовство

Подошла я как-то к Кольке и говорю:

– Коль, женись на мне!

Он посмотрел на меня удивлённо и спрашивает:

– Ты чё, Дашка, белены объелась? С чего такие мысли?

– А что такого? Ты один, и я одна. Я буду хорошей женой тебе, Коля!

– Ага! Ты чё, не знаешь мою мать? Она же всех девок в деревне ненавидит. Всё думает, что каждая только и мечтает её сына на себе женить!

– Ну так пусть не зря хоть думает! Может, она в душе только этого и хочет. Лет-то ей сколько? Пора уже внуков нянчить, а ты всё никак не определишься с невестой.

– Я бы давно определился, да вас, дурёх, жалко!

– Коля! Мне главное, чтобы ты был согласен, а с ней я договорюсь.

– Да она же тебя со свету сживёт! Пожалеешь, что решила за меня выйти!

– Коль, да ты не бойся. Мы с ней поладим, вот увидишь. Я слово знаю!

– Ладно, договаривайся! Но на мою помощь не рассчитывай.

– Хорошо! Завтра же и приду к вам.

– Ну, смотри... отбиваться сама будешь, – предупредил Коля, повернулся и пошёл по своим делам.

Я стою, гляжу на него и не верю своим глазам. Я, можно сказать, сделала ему предложение, а он так спокойно повернулся и пошёл.

«Нет! Так дело не пойдёт!» – решила я и пошла за ним следом. Шёл он, шёл, а потом, видимо, ему интересно стало, куда я тут за ним плетусь. Остановился, повернулся ко мне, посмотрел очень внимательно и спрашивает:

– Даша, а ты вообще куда направилась, не подскажешь?

– Коля, я вообще-то с тобой! А куда ты направился, я пока не знаю.

– А ты уверена, что хочешь узнать? Может, меньше знаешь – крепче спишь?

– Коля! Ты не забыл, что пять минут назад обещал на мне жениться?

– Но ты же с моей матерью ещё не поговорила, – парировал Коля, – и поэтому сегодня я ещё свободен и иду куда хочу. Вот так!

Повернулся и пошагал дальше.

– Ла-а-а-адно, Коля, иди! – сказала я, решив согласиться с его доводами, чтобы не спугнуть мужика.

Всю ночь я прокрутилась в кровати, никак не могла уснуть, всё думала: как сказать Колиной матери, что мы решили пожениться? Еле дождалась утра, встала, принарядилась, сделала макияж, причёску – всё как полагается – и пошла свататься.

Подошла к их дому, никого не видно, а у меня сердце трепыхается где-то в пятках. Взяла себя в руки и бодрым строевым шагом подошла к двери. Стучу. Тихо... Я громче стучу. Дверь резко открывается, у порога стоит тётя Дуся с половником в руках и глядит прищуренными злобными глазками:

– Чё надо с самого утра? Ты куда это так размалевалась? Похожа на... прости господи!

– Тётъ Дусь, вы что с утра такая злая, кто-то обидел? – спросила я с сочувствием в голосе.

– Не родился ещё тот, кто меня обидит!!! – отрезала тётя Дуся, стоя в дверях и

размахивая половником. – Ты зачем пришла? Говори быстро, мне некогда.

– Я свататься пришла! – сказала я.

– Чё делать?!

– Свататься, – смиренно ответила я.

Глаза у неё стали по блюдцу, она забыла про половник, да так и стояла, открывая и закрывая рот, пытаясь что-то вымолвить. Наконец очнувшись, она заорала как резаная:

– Во-о-о-о-он!!! Ты кто такая, чтобы ходить тут, свататься?! Я своего сына не на помойке нашла, чтобы всякой... разукрашенной отдавать!

– Почему всякой? Вы же меня знаете?... – спросила я удивлённо.

– Ты себя в зеркало видела? Тьфу на тебя! Чучундра!!!

– Мама! – скромно потупив глазки, сказала я. – Ну что вы так расстроились? Мы с Коленькой любим друг друга.

– «Мама»! «Любим»! – завопила она. – Да какая я тебе мама! Я тебя сейчас вот этим половником!..

Она замахнулась половником, но я быстро отскочила, тогда она бросила половник, выбежала во двор, сорвала охапку крапивы – и давай меня ею обхаживать. Я ринулась со двора, она – за мной.

– Я тебе дам «мама», я тебе дам свататься! – бежит за мной и размахивает крапивой.

Я заскочила к себе во двор и закрыла калитку. Она остановилась, помахала мне вслед пучком крапивы и кричит:

– Только приди ещё свататься! – и пошла к себе, ругаясь по пути на чём свет стоит.

Я сделала передышку, смыла макияж и снова пошла к ней. Подошла к калитке, посмотрела – никого не видно. Опять зашла во двор и подошла к дому. Тут распаивается дверь, выскакивает тётя Дуся со своим половником:

– Ты опять!!! Я тебе сказала, чтобы ты не приходила ко мне с твоим сватовством!

– Тётя Дуся, ну давайте поговорим спокойно, пойдёмте попьём чайку, обсудим спорные вопросы.

– Нет у меня никаких вопросов! Сына тебе не отдам, и точка! Больше не приходи!

– Ну как же нет вопросов, нам же надо обсудить, как и где мы будем справлять свадьбу.

– Ничего мы не будем справлять, не отдам тебе Кольку!!! – взревела тётя Дуся.

– Тётя Дуся, а как бы вы хотели: чтобы мы с вами жили или Коленька ко мне переедет?

– Мой сын – в примачи?! Да никогда такого не будет!!! У него есть свой дом, не в пример каким-то халупам!

– Да, – признала я, – дом у вас, конечно, классный, но ничего... вот Коленька ко мне переедет, мы тоже построим большой и красивый дом, нарожаем вам внуков.

Она хотела захлопнуть передо мной дверь, но я подставила ногу и придержала руками. А когда она отступила на шаг в возмущении, я протиснулась в дом. Она резко отвернулась и пошла на кухню, я – за ней.

– Чё за мной притащилась? Я сказала, не отдам тебе сына, и всё!

– Тётя Дуся! А вы видите ещё какую-то кандидатуру рядом с вашим сыном?

А сколько ему лет, вы помните? Так вы никогда в своей жизни не дождётесь внуков, а ваш сын так холостяком и останется из-за вашего характера. Ведь не каждая захочет иметь такую свекровь.

– Это какую «такую» свекровь?! Тебе не нравится свекровь? Так иди отседова, тебя не звала! Тоже мне, невестка нашлась – ещё замуж не вышла, а уже свекровь ругать!!!

– Тётя Дуся! У меня тоже характер, и если я пришла сама свататься, это не значит, что я вам позволю себя гонять по деревне крапивою! И, хотите вы или нет, Колю я уведу от вас, раз вам не нужна помощница в доме. Годы-то у вас уже немалые, пора и об отдыхе подумать, о внуках, а мы с Колей любим друг друга.

– Ещё бы ты не любила такого парня, как мой сын! Да где ты ещё такого найдёшь? – гордо сказала тётя Дуся и на кухонный стол бросила свой половник, который с грохотом покатился и упал на пол.

Тут зашёл Николай и сделал вид, как будто удивлён моим приходом.

– Ба-а-а-а, какие люди! По делу или мимо проходили? Я ничего не пропустил? – спросил он и устроился удобнее на стуле, как будто готовился увидеть что-то интересное.

Я сказала, что всё самое интересное он пропустил, первые громы и молнии уже отгремели, я вся в волдырях от крапивы, но наши не сдаются.

– Да вот, пришла свататься! Ни стыда, ни совести у нынешних девок нет, сами вешаются парням на шею! – сказала с возмущением тётя Дуся и посмотрела на Колю.

Коля сделал вид, что он вообще ни о чём не в курсе. Посмотрел на меня с удивлением и говорит:

– Дашка! Ты пришла свататься!.. Сама! А я что, выходит, теперь твой жених? Мама, так я согласен!

Мать схватила с пола половник и как даст ему по лбу. Коля схватился за лоб и как закричит:

– Мама!!! Как я теперь с синяком в ЗАГС пойду? Да и невеста от меня сейчас откажется! Зачем ей такой жених? – хохотал, потирая лоб, Коля.

– Сговорились?! За материной спиной? Иуды!!! – вопила тётя Дуся.

Коля пытался её успокоить:

– Мама! Ну что ж вы такое говорите? Как мы можем без вашего благословения решиться на такой ответственный шаг?

– Я вот сейчас этим половником вас обоих как благословлю, так мало не покажется!!!

Тут я подавала голос:

– Тётя Дуся! Вам нельзя так волноваться, а то давление подскочит, у вас всё-таки возраст!

– Возраст?! Ты опять меня оскорбляешь? Уже второй раз! То тебе свекровь не такая, то у меня возраст! Сама-то ты кто? Голь перекатная!

– Да, я голь перекатная! – не выдержала я. – Но я со своим характером. В отличие от вас, хочу счастья вашему сыну, а вы ломаете ему жизнь. Хотите, чтобы он всю жизнь просидел у вашей юбки?

– Ну ты и наглая! Сынок, ты слышал, как она разговаривает с твоей матерью? – повернулась она к сыну, призывая того в свидетели.

Коля как будто очнулся от каких-то своих мыслей.

– Что, мама? Простите, задумался.

– Задумался он! Видали? Тут его мать оскорбляют, а он задумался. Сговорились!!!

Села она на табуретку и заплакала горькими слезами от обиды, ведь всю свою жизнь командовала и привыкла к послушанию, а сейчас не знала, как себя вести и что делать. Не хотелось ей отдавать сына в чужие руки, ведь столько сил было в него вложено: одной пришлось воспитывать, всякое было – и холодно, и голодно. Да чувствовала, никто её слушать не будет. «Если честно, Дашка эта – неплохая девка, работающая, – стала рассуждать тётя Дуся. – А то, что сама пришла свататься, – так некому больше, одна она как перст. Может, потому и выжила, что характер у неё будь здоров... А ну как мы с ней характерами не поладим – тогда что делать? Ведь сын может уйти к ней жить. Остаться одной!..» – она вытерла лицо от слёз и сурово сказала:

– Дашка, ты сейчас иди домой, мне надо подумать! А ты... – повернулась она к Николаю, – иди дров наруби и воды принеси из колодца. Всё! Некогда мне тут с вами!

Она повернулась и вышла из кухни. Мы остались одни. Коля посмотрел на меня и спросил:

– Ну что, Дашка, сватовство состоялось? – И хохотнул.

– А то! Даже не сомневайся! – сказала я и захохотала во весь голос. – Думаю, что я была убедительна. Так что лечи свой синяк, а я пошла волдыри от крапивы залечивать и готовиться замуж.

Я встала, подошла к Коле, поцеловала его в щёку, отвернулась и, проходя мимо комнаты, увидела тётю Дусю. Она сидела, опустив плечи, и казалось, будто она враз сильно постарела. Подперев голову рукой, она задумчиво смотрела в окно. Мне стало её жаль, но я не подшла. Решила не мешать ей привыкать к мысли, что у её любимого сына будет жена, а она, мать, окажется на втором плане.

Наутро я опять наведалься к тёте Дусе. Она была уже не настолько агрессивна, как вчера, но ходила злая и задумчивая. Я подошла, обняла её за плечи и сказала:

– Тётечка Дусечка, ну что вы так расстраиваетесь, всё будет хорошо! Мы будем жить вместе, Коля будет рядом с вами, я буду вам помогать, у нас будет настоящая большая семья. У вас будут внуки. Это же счастье.

Тётя Дуся вытерла фартуком набежавшую слезу и махнула рукой.

Свадьбу играли в деревенском клубе. Гостей собралось полдеревни. Песни и пляски длились до утра.

На следующий день я со своими скромными пожитками перебралась в дом к мужу. Стала помогать свекрови по хозяйству, вечерами собирались всей семьёй за ужином, обсуждали прошедший день, строили планы на будущее.

В первую субботу после моего переезда в доме мужа топили баню. Я к венику привязала пучок крапивы и от души парила

свекровкин радикулит и ниже... а свекровка лежала на полке, охала и удивлялась:

– Надо же, как горит кожа. Видимо, мой радикулит выходит. Ой, мамочки! Ой, святые угодники! Ой, мочи нет!!! Дашка, всё! Дашка, хватит! Убиваю-ю-ю-ют!!!

Я прекратила парить, помогла ей подняться. Она уселась на полке, я её облила прохладной водичкой, и тут она увидела на венике крапиву:

– Ах ты ж змеюка! Меня – крапивой!

– Мама! От крапивы радикулит быстрее проходит, я же хотела как лучше!

– Я поняла! – сказала свекровь. – Ты мне припомнила ту крапиву, которой я тебя обхаживала! Спасибо, невестушка, угодила! Ну что ж... сама виновата, видела, кого в дом брала. Так мне и надо.

С тех пор разногласий со свекровкой у нас не было. Коле не приходилось крутиться между двух огней, потому что я старалась щадить свекровкины материнские чувства и не лезла на рожон из-за всякой мелочи. Свекровка тоже старалась сдерживать свой характер.

Через год родился первенец. Радости не было предела. Свекровка малыша с рук не спускала, что-то ворковала и напевала ему. Мы смотрели на неё и удивлялись – надо же, как такая кроха может изменить человека. Видимо, для полного счастья ей этого и не хватало. Теперь и у меня была семья, о которой я всегда мечтала. А Коля не переставал удивляться:

– Ну ты, Дашка, даёшь! Я не верил, что у тебя получится твоё сватовство. Сладить с моей мамой – это нужен особый талант!

Я отвечала, что талант тут не при чём. Тут два характера столкнулись. Победила молодость и сила убеждения!

Мы сидели, счастливо хохотали и любовались бабушкой с внуком, которые были абсолютно счастливы и не замечали ничего вокруг.

Дмитрий Сарвин Санкт-Петербург

До нашей эры

Рыжий таракан, шевеля усами и ничего не боясь, полз по своим надобностям, пока его не накрыла огромная тень. Лапа Тираннозавра с хрустом размяла его хитиновое тельце.

Ти-рекс с гримасой отвращения на морде сделал твистовое движение, втирая остатки таракана в рыхлую почву мелового периода. Затем Ти-рекс поднял голову, внимательно осмотрел собравшихся и громко сказал:

– Тараканы! Тараканы – это бич нашего времени! Они абсолютно повсюду, щекотливые и мерзкие, и их очень много! Они лезут в наши жилища, они едят и размножаются в нашей еде, они заполняют нашу планету!

– У меня на них вообще аллергия! – выкрикнул Диплодок.

– А мы с братом их жутко боимся, – зычно прогудел Брахиозавр.

– Представляете, мне вот такой, – Велоцираптор показал когтистыми лапами размер таракана, – заполз прямо в ухо!

– А мне прямо в нос... – кривясь, сказал Стегозавр.

– Прекратите, а то я сейчас в обморок грохнусь!.. – визгливо вскрикнула супру-

га Мастодонта и картинно повалилась на своего мужа, но тот, видимо, не собирался поддерживать её чувственный порыв и тихо отошёл в сторону. Мастодонтиха, не найдя опоры, рухнула на землю, подняв тучу песка и пыли.

Все закашлялись. Когда пыль улеглась, Тираннозавр продолжил:

– Надо что-то делать! Иначе от этих насекомых нам не будет никакого житья!

– Давил этих гадов, давлю и буду давить... – сквозь зубы процедил Анкилозавр.

– Этого мало, – сказал Ти-рекс.

– Дружно возьмёмся, – прогудели Брахиозавры.

– Давить их, давить!!! – начали скандировать все динозавры.

Ти-рекс поднял свои коротенькие передние лапки, призывая к тишине.

– Тише, тише! Этого недостаточно, их очень много. Нам нужно какое-то радикальное средство...

Вперёд вышел старый Трицератопс, он обвёл слезящимися глазками всех собравшихся динозавров и начал:

– Друзья мои, есть один способ...

– Какой? Назови его скорей!!! – выкрикнул нетерпеливый Стегозавр.

– Тише, тише! Не перебивайте.

И Ти-рекс снова замахал короткими лапами. Трицератопс отщипнул папоротника, пожевал его и, сплюнув, сказал:

– Тараканы боятся холода. Если их заморозить, все они сдохнут.

– А мы? Мы не сдохнем? – подала голос так и не поднявшаяся с земли Мастодонтиха.

– А что нам будет? Мы же такие здоровые, и здоровья этого у нас – до хвоста! – трубно прогудел один из братьев-Брахиозавров. Все динозавры дружно заржали.

– Я попрошу не ржать так громко, у меня ребёнок уснул! – подала голос одинокая Платеозавр.

Все понимающе притихли.

– Хорошо, они боятся холода. А как нам сделать так, чтоб стало холодно? – спросил Мастодонт, с усилием поднимая супругу.

Все вопрошающе воззрились на старого Трицератопса. Он вновь пожевал папоротник, сглотнул и сказал:

– Все динозавры огромные и массивные...

– Ну уж прям так и все... – перебила его возмущённая Мастодонтиха, но ей не дали договорить, зарывав на неё со всех сторон.

– Ну я же просила!..

Все снова затихли, и Трицератопс продолжил:

– Так вот, если всем-всем дружно подпрыгнуть, то при приземлении мы сможем поднять такую тучу пыли, что взметнётся вверх на многие километры. Эта пылевая туча закроет солнце, и начнётся зима. А когда пыль рассеется и покажется солнце, снова будет тепло, будет зеленеть трава, будет радостно щебетать Археоптерикс, потому что уже никогда на Земле не будет тараканов!

По толпе прошёл одобрителный гул, переходящий в безудержную радость. Динозавры громко и восторженно кричали, радуясь такому простому решению проблемы. От их крика проснулся и заплакал малыш, но никто на это не обратил внимания, все ликовали. Тираннозавр, перекрывая шум и плач младенца, громогласно начал вещать:

– Я обращаюсь ко всем динозаврам материка Гондвана! Слушайте и передайте другим!!! Завтра, в это же самое время, когда вон та комета, – Тираннозавр всем своим корпусом указал на висевший в небе белый штрих кометы, – когда комета, – продолжал он, – ярко вспыхнет, сго-

рая в плотных слоях атмосферы, именно в этот момент мы все должны дружно подпрыгнуть.

И снова ликование, переходящее в громкие и продолжительные крики безумной радости...

Так они и сделали. Когда комета ярко вспыхнула, все динозавры подпрыгнули и, приземлившись, как и ожидалось, подняли огромную тучу пыли. Пыль действительно взметнулась ввысь и закрыла солнце. Но от повсеместного и сильного удара, получившегося в результате их общего прыжка, проснулись дремавшие вулканы. Те, в свою очередь, разверзлись огненной лавой и удушливым пеплом. Волна землетрясений спровоцировала цунами, и те понесли на материк, сметая всё в мутном потоке невообразимой силы. Вода встретилась с лавой, и от их прикосновения в атмосфере образовалась ещё и плотная завеса тумана. Материк застонал, раскололся, приводя в движение тектонические плиты. Хаос, смерть и холод обрушились на когда-то райский уголок планеты. Все динозавры вымерли.

Вы спросите, а что стало с тараканами? Хотя вряд ли вы спросите, потому что прекрасно знаете, что они и по сей день живут на планете Земля. И представляют гораздо меньшую угрозу, чем те тараканы, которые у нас в голове...

Страница автора
vk.com/sarvin75

Владимир Соколов

Хабаровск

Электрики

Семён Ивкин поздним вечером шёл домой, но на пути ему встретился столб.

– послушайте, любезный, разрешите пройти!

Но тот молчал.

– Какой же вы широкий, однако, – вас невозможно обойти!

Опять тихо.

– С чего вы взяли, что я задираюсь?! Ничего я не задираюсь! Я смирный. Куда иду? Да домой иду! Откуда? А почему вас это интересует?! Так с работы иду! Там был у нас корпоратив! Вам это интересно?! Да, корпоратив! Сколько нас было? Право, какой же вы любопытный! Трое нас было! Да, трое. Витька Косолапов, Женька Трунов, ну, конечно, и ваш покорный слуга. У вас иссякли вопросы? Тогда пропустите меня – дома детки малые ждут!

(...)

– О! Да вас уже двое! Как же вы похожи! Близнецы, что ли? Мне всегда нравились близнецы! Всегда удивляюсь, как такое получается?! А у меня два мальчика: пять и три годика! Такие смешные карапузики!

(...)

– Разрешите, я промежду вас проскользну, вы же не супротив? А почему вы третьего позвали? Он же мешает мне пройти между вами! И как похож на вас! Так вы тройня близнецов?! Это же замечательно, так редко бывает! Какие же счастливые ваши мама и папа!

(...)

– Но почему вы меня не пропускаете? Соскучились по мне? Да вы же меня совсем не знаете! Поэтому и хотите со мной поговорить ещё? Чем я занимаюсь? О, это секрет, но вам я скажу, потому что вы мне тоже нравитесь и не болтуны! Это же надо – трое близнецов! Конструктором работаю! Что придумываю? Червяки черчу! Нет не тех, что на крючок накалывают! Мне таких червяков жалко! Как они громко кричат от боли! А я рисую стальные, которые вращаются в редукторе. Что такое редуктор? А вы не знаете? А вы кем работаете? Электрики? Все трое? Светло делаете людям?! Как это хорошо! Всем нравится, когда у них светло и тепло!

(...)

– По какому случаю корпоратив? Радость у нас коллективная – начальник посулил пообещать премию в конце квартала. До него ещё далеко? Ну и что? Радость-то огромная!

(...)

– Какие же вы, ребята, хорошие, дружелюбные и всегда беседу поддержите! Жаль с вами расставаться. Давайте я с вами побуду до утра, завтра суббота – на работу идти не надо! Вот тут лягу. А вы мне ещё что-нибудь расскажете, хорошо? Ну, вот и ладушки!

Ивкин улёгся около столба и сразу заснул. Спал до тех пор, пока его не погрузили в уазик патрульно-постовой службы.

Страницы автора

www.proza.ru/avtor/volodenka

www.stihi.ru/avtor/volodenka

Наталья Шарапова

Анапа

Великан

Жил в глухом лесу парнишка
На границе снежных стран.
На лицо – уродлив слишком,
Ростом – просто великан.

Светлый день ли, поздний вечер,
Только в северных краях
Жутким обликом при встрече
Наводил безумный страх.

А по сути был отважный
И бесхитростный добряк,
Человек ли, зверь – не важно,
Не бросал в беде чужак.

Мужичонка сбился с тропки?
Великан спешит помочь!
Но мужик, отнюдь не робкий,
Улепётывает прочь.

– Ты дрова оставил, пахарь, –
Великан кричит. – Постой!
Мужичок дрожит от страха,
Рад: остался он живой.

Было юноше обидно:
– Людям вовсе я не враг.
Как же вам, друзья, не стыдно...
Пролетели годы так.

Как-то раз красотку встретил
На полянке у ручья,
Солнце ласковое светит,
Льются трели соловья...

Девой долго любовался –
Страстью нежной воспылал.
Охраняя, следом крался,
Тайно к дому провожал.

С той поры у дома девы
Часто юноша бродил,
В стужу сам для «королевы»
Он поленья приносил.

А красотка удивлялась:
– На крыльце – вязанка дров?!
И однажды повстречала
Великана двух метрoв

Чувств лишилась дева тут же –
Страшный монстр у избы
Стать её желает мужем,
Нет ужаснее судьбы!

В ту же ночь, собрав пожитки,
В бегство бросилась она.
Дом родной покинув прытко,
Скрылась прочь, лишившись сна...

На дворе метель да вьюга,
Дрёмы благодной пора,
Отнести дрова подруге
Парень двинулся с утра.

Видит: света нет в окошке,
Не клубится ввысь дымок,
Брошен хворост у порожка...
Тут всё понял паренёк.

Долго плакал воздыхатель,
Вдаль с надеждою глядел,
От кручины на закате
Великан окаменел.

В том краю стоит поныне
Среди сосен и дубов,
В ожидании любимой
Великан с вязанкой дров.

Любовь Александрова Гомель, Беларусь

Школе

Не мыслю ни дня, чтобы не осязать
Священную стёртость ступеней...
Не мыслю: не видеть и не желать
Добра Маше, Вите, Елене...

Прекрасны их лица и души чисты –
В них фальшь не нашла себе места.
Что может быть выше заветной черты,
Чем нелицемерие детства?

И участь быть вызванной вечно к доске
Покажется благом сладчайшим,
Когда в отречение, в терпенье, в тоске
Скажу: «Всё! Работаю дальше!»

О! Здание света, надежд и добра,
Уроков любви безвозмездной,
Встречаешь ты завтра, сегодня, вчера
Входящих познания бездной!

А утром опять перейду Рубикон,
Сомненья за дверью оставив,
С неповторимо призывным звонком,
Гордясь вечно званьем – «наставник»!

Светлой памяти мамы

Не мною собираются грибы
Вдоль Припяти, в той зоне отчужденья...
В болотах клюкву, ягоду рябин
Я б собирала, но не ради денег.

На ярмарках полно боровиков:
Сто долларов за пару килограммов.
Торгуют ЧУПы вместе с ООО.
А мне бы тех, что собирали с мамой...

Тех сыроежек, белых, тех опят –
Вдоль Припяти (не в зоне отчужденья),
Земель знакомых, где за пядью пядь
Прошли мы с мамой, но не ради денег...

Верлибр

Когда-то, очень уж давно...
Сто лет назад, а может, больше...
Вот точно так же, как сейчас,
Парил оранжевый закат
За угольными ветками деревьев,
И снег лежал сугробами в саду...

И кто-то точно так же у окна
Стоял, глядел на небо, размышляя:
«Когда-то, очень уж давно...
Сто лет назад, а может, больше
На небе этом мчались облака –
Слоистые, в оранжевом закате...»

Не половодье слёз –
Это обычные страсти
В зареве дымных грёз,
В робкой мольбе о счастье.
Страсть моя – не из линз
И ледяных чешуек,
Боль моя – не каприз,
Ею одной дышу я.

Нету верхней примет:
Рядом – преддверье рая,
Коль, твой увидев свет,
Я от любви умираю...

Искоренять ошибок сорняки
 Давай на эмоциональном поле...
 Своим страстям, рассудку вопреки,
 Ты подчиняться волен иль неволен.

Взошедшую любовь давай спасём!
 Хоть, как сорняк, она и незаконна.
 Как семя в благодатный чернозём,
 Мы поместим её в круг обороны,

Чтоб борона молвы и клеветы,
 Чтоб зависти людской сломалось жало.
 Чтоб в поле жизни только я и ты,
 Как плюс и минус, не размежевались.

Шаг за шагом

Little by little and bit by bit¹.

...И Ваша тёплая ладонь,
 И зелень тёплая апреля –
 Среди форзиции цветов
 И изумрудной акварели...

Туманным выдался рассвет
 С его холодными страстями...
 И Ваш знакомый силуэт,
 Ветвей захваченный сетями...

А мы идём за шагом шаг.
 Лужайка. Угольная такса.
 Напоминает всё Гайд-парк –
 Газон, цветы, собака-клякса...

Мы медленно взошли на холм –
 Цвет малахитовый смеётся.
 Пусть Бейкер-стрит так далеко
 И нет вестей давно от Холмса...

Лишь Ваша тёплая ладонь
 Средь многоцветного апреля –
 И вешний солнечный огонь
 Воспламеняет птички трели...

Жабы

Хвалить или хулить болото,
 Где жабы чавкают в грязи?
 Их звуки слушать неохота.
 Их трогать – боже упаси!
 От них получишь бородавки –
 На коже, на руках – везде.
 А жабы так и рвутся в дамки –
 Корону царскую надеть.

Стрелу царевича из лука
 Желает каждая поймать.
 Болот дремучая наука
 Жаб научила тупо ждать.
 Кишит болото цвета евро,
 Где нет намёка на родник,
 Где нету среди жаб царевны –
 Устав болотный туп и дик.

Побежав по гнилым болотам,
 О жаб споткнувшись на пути,
 Носки, кроссовки, майки, шорты
 Мы в злых стихах прокипятим!

Этюд в лиловых тонах

В эту ночь я в формате D-3
 Нарисую анютины глазки.
 Бренд весны: цвета фуксий акрил
 Затмевает спектральные краски.

Бренд весны: фиолет на формат –
 Красный с синим в особом смешенье...
 В аметистовой мгле ходит март,
 Предвещающая зимы завершение...

Фиолетов свекольный салат;
 Мармелад из черники лиловый
 Сладко тает, как будто закат,
 Как в тумане сиреневом – слово...

Этой ночью с зимы на весну
 Слышу ясно ростков биотоки;
 Этой ночью я вряд ли засну –
 Как всё тонко в природе, как тонко...

¹ Мало-помалу, шаг за шагом (*англ.*).

Инна Андрианова Калининград

Далёкое – близкое

Я тебя поглажу словом,
Обниму тебя я взглядом.
Пляшет снова бестолково
Тёплый дождь в траве примятой.
Затихает ветер летний,
Притаившись под ветвями.
...А простор тысячелетий
И под нами, и над нами...
Нет, не исчезают чувства –
Во Вселенной столько шрамов!
Станут темами искусства
Горести души упрямой.
Сердце вдруг вспорхнёт, взлетая
Растревоженною птицей.
Ночь июльская степная
Дальней отгорит зарницей.
Солнце в день восходит новый.
Пахнет чабрецом и мятой.
...Я поглажу тебя словом,
Как давно-давно когда-то...

Луна и океан – таинственная связь:
Соединенье отторжения и зова...
А на земле из светотени вязь
Скользит непрочною корней основой.
...Плывёт земля под парусом небес,
Плывёт луна и будоражит волны...
Вздыхает просветлённый мудрый лес.
Всё тише ночь, всё глуше шёпот томный...

«Заросший пруд»

*По мотивам одноимённой картины
И. Левитана (1887)*

Заросший пруд в зелёном свете дня.
Ветла склонилась к зеркала осколку.
Размытые, густые зеленыя.
Как много на холсте их! Столько! Столько!
Зелёный – цвет надежды, не тоски;
Трезвения, не муки, не печали:
Остудит воспалённые виски,
Загадочно зазеленятся дали...
Зеленоглазой стрекозы полёт
Звон тишины зелёной не нарушит.
И в твоё сердце вновь покой придёт,
Обнимет истомившуюся душу...

«Снопы и деревня за рекой»

*По мотивам одноимённой картины
И. Левитана (начало 1880-х)*

Снопы. Стерня. Деревня за рекой –
Уставшего мятежника отрада.
Полуденный всё охвативший зной.
Покой. Тепло. Истома и услада.
Услада кратким отдыхом и сном.
От речки тянет ветерок прохладу...
Ещё чуть-чуть, сработаем потом.
Так хорошо, что лучшего не надо.

Новочеркасск, Ростовская обл.

Ангел штопает крылья

Ангел штопает крылья
на завалинке Рая.
Вот заштопает дыры,
а потом – постирает.
На Земле столько грязи,
на Земле столько боли,
но людское сознание
изменить он не волен.

Ангел штопает крылья
и вздыхает с досадой:
правит зло этим миром,
от рожденья до ада.
Нитка вдета в иголку.
Лебединые перья.
Больше роду людскому
нет любви и доверья.

Месяц-рыбачок

Рыбачит ночью месяц-рыбачок,
закинув сеть из призрачной вуали,
в речушке той, что медленно течёт
и ветви ивы крутит по спирали.

Полным-полно наловит звёздных рыб,
чуть присолив, повесит для просушки.
И отдохнуть до утренней зари
бочком приляжет в облаков подушки.

Подсушит ветер звёздные хвосты.
Избыток влаги упадёт росой.
И утром солнце, не боясь простыть,
по ней пройдёт – рыжее, босое...

Ночь

День растаял свечой,
оплывая в закат,
гасит Солнце горящий фитиль.
Надевает Луна
жемчуга напрокат,
на балу у созвездий форсить.
Просыпается Ночь,
все бока отлежав,
доставая со снами кошель.
Звёзд монетки раскинув –
берите, не жаль, –
расстилает уставшим постель.
Колыбельную им
пропоёт Млечный путь
и укажет дорогу заре.
Чуть займётся восток
тонкой кромкой алеть,
снова Ночи пора отдохнуть...

Август. Степь

Август. Степь. Травы матрас,
одеяло небосвода.
В этот вечер всё для нас
приготовила природа:
ветер – ди-джей, ночь – кино,
квакофония лягушек.
Слов простых двойное дно –
утони, лежи и слушай,

как звезда летит к земле,
чтобы там, остыв, погаснуть.
Смотрит месяц, обомлев, –
вот оно какое – счастье...
Светлячковый хоровод.
Комариное занудство.
И поёт душа, поёт
зарождающимся чувством...

Страницы автора

vk.com/bulycheva1964

facebook.com/id-100017617800470

www.stihi.ru/avtor/vjqktd

Анжелика Гизатуллина Анапа

Я свою любовь убивал.
Я кромсал на кусочки тело.
Ни дышать, ни петь не давал!

...А она так выжить хотела...

Затыкал я смехом ей рот,
Не давал ей поднять ресницы.
Но внутри где-то чуял: поёт...
Так поёт, что мне больше не спится...

Убивал я свою любовь,
Только пена у рта – кровава.
Только дрогнула чуточку бровь,
Только тихо шепнула: «Слава...»
И молитвы начало мне
Резануло по сердцу болью...

...Я любовь убивал в себе –
Погибал не возвратно с любовью...

1989 г.

Сон

Я помню: был жестокий бой,
Кипела кровь, звенели сабли.
И таял в дыме новый строй,
И трупы поле устилали.
И отовсюду смерть неслась,
Сам ветер боя был смертелен!
Там – кровь рекою разлилась,
А здесь – овраг людьми усеян...

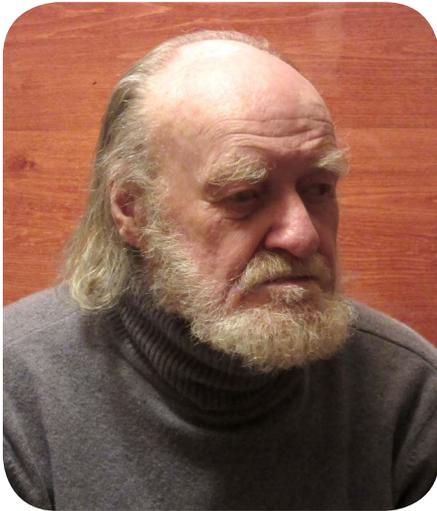
Я помню: в жуткой тишине
Вставало солнце над рекою.
И встретить божество в огне
Над полем смерти встали двое.

Один – без шлема, без коня,
С больною раной в русых прядях.
С обломком верного копья
Вставал другой, на небо глядя.

Пронзив лучами небосвод,
Светило грозно оглянулось...
Бойцов какая участь ждёт?
Беда иль счастье их коснулось?

И ран запёкшихся своих
Не замечают два героя,
Они спаслись, но вокруг них
Вздывает волны мёртво море...
Спаслись... Но разве день и ночь
Не накалялась сталь в ладони?
Не убегала трусость прочь?
И не трещали мощны броне?
Они упорно, до конца
Крушили сталь, тела, знамёна!..
...И вот остались два бойца
От вражьих армий разъярённых...

Не поднимается рука
Средь груды тел – своих и чуждых –
Добить последнего врага.
Да это, видно, и не нужно.
Ввиду всходящего огня,
Не дожидаясь Божьей воли,
От смерти к жизни перейдя,
В рукопожатье слились двое.

Лев Пряхин

Нижний Новгород

Человек состоялся?

Проза в стихах

(Продолжение. Начало в №№ 7–10,
12/2018, 1–3/2019)

39. ЧЕРЕЗ ОБЩИНУ – К БОГУ

39-1. Останься кем был: пусть воспримет
тебя в этом обществе мгlistом
Люд, не изувеченный гонкой
за счастьем мирским, эгоистом.
Пусти свои силы – и чтоб без остатка –
На пользу твоей, хоть не слишком любимой
(не плоть ведь), души.

Ни грана гранёного чуждым тебе
вожделениям! Чтоб не кобенилась хватка,
Когда ей придётся
за пищей духовной спешить,
все преграды крошить
и твою неразменную правду вершить.

39-2. В присущем тебе злободневном издании.
А самоотверженность?..

Сказано ясно в Писании,
Всю жизнь направляющем к Богу:
«Не требуется, чтоб другим
облегчение было, а вам тяжесть,
но чтоб была равномерность»
И ближним, и дальним,

и даже врагам вашим. Но не ловчилам,
Особенно в чине:

«Извергните всех развращённых из вашей
среды», чтоб лукавость, блудливость,
коварность, жестокость,
продажность, неверность

Не стали реальностью в вашем кругу...

Как они не реальны в общине...

39-3. Однако... Всё реже и всё необщиннее
слухи о том, что совсем не «доныне»
Общины здесь жили.

И вроде бы даже их след
кое-где ещё дышит на русской земле.
Хоть в самых культурных (по мнению Запада
категоричному; в этом он весь такой) русских
районах общин нет давно уж в помине.
Где самый культурный в России уклон?

Он, по общему мнению нецих,
кипит в либеральном котле.

А значит, о чём и о ком мы,

многомиллионные
жители «данной» страны, знать должны?!
Всё о том, кто там в холе и что происходит?
Чтоб ясность рождалась не где-нибудь «там»,
а в народе.

Поскольку доподлинность бдит: лишь община
способна в любых катавасиях –
невероятных, кажись, – человекам помочь.
Пытались другие. Бывало (в Европе бывает) –
союзы. Но дух ритмичности помыслов
лидеров гнал их (да-да, из народов) всех прочь.
Ты сам, даже если бесспорно могучий,
И даже – участник толкучей (они все такие)
не кучки, а кучи,

Реально не только кого-либо – даже себя –
удержать на краю этих сил не умеешь
при всей твоей взвинченности и сметливости.

Понятно, ведь ты не напичкан до дна
(не игрок ты!) зарядом спесивости,
Каким бы ты ни обладал совершенным и
непререкаемым перед душой своей
патриотизмом из толики неистребимых.

И даже твой друг: он не смог
стать опорой тебе, хотя в розысках
всяких крутых несурязиц – способный.
И что потрясает в нём: он – бесподобный (!) –
Не сладил с проблемами мутными круга
твоих вроде б единомышленников.

Ястребиных.

39-4. Община соборная! В ней нерушимо
 великое чувство свободы,
 как мужественной справедливости,
 Где мест не находится ни лицемерию,
 ни горделивости.
 Община (в любых ойкуменах!) сама,
 без подсказки, учует-увидит-рассмотрит
 насквозь душу «всякого Якова»,
 и своего, и чужого не очень.
 А надо – узнает до нитки чужого.
 Не очень... И – очень. И сразу.
 Отнюдь не навязчиво,
 вроде бы так, между прочим.
 Её возрождение грянуло вслед за указом
 Нежданым (тогда) Императора
 (вспомним) российского.
 Указом, по духу прогрессу
 капиталистическому очень близкому.

39-5. Прогрессу, в традициях хитрых,
 смурному. Какой он ещё может быть?!
 Лишь в пределах эпитета этого – разный.
 В своей конспираторской зге, охмурения
 ради округи, весьма куртуазный.
 Уже предоставлено было тогда беззаветное
 право законниками от блудливости
 Такое, чтоб без торопливости
 и без пугливости,
 Сводить дух соборности к духам
 диктаторским и провокаторским,
 циничным и плутократичным,
 масонским и амикошонским,
 а также к другим, но из этого же
 «благододия» ценным.
 Запас вариантов блудить не исчерпан
 до «нашего» времени ни на полцента.

39-6. Чем выше мирской (антипод
 непротивоестественному) эгоизм,
 тем успешней расправа идёт над
 соборностью общеизвестными бесами,
 Что от плутократий отборными,
 а от язычества – так себе, местными.
 По всякому: и в одиночку, и ратями.
 Мирской разворот служит плоти. А если
 коснуться духовности... Как и какие
 средства могут остановить плутократию,
 Тем самым уверенный подвиг,
 несопоставимый ни с чем, совершив?
 «Пусть каждый несёт своё бремя» в себе,
 на себе с полной самоотверженностью,

не пытаюсь делиться им с братьями.
 Все силы отдай на развитие
 собственной, личной, особой – души.
 Господь посылает всем сущим и бремя,
 и силы согласно с их целями. Он
 их даёт избирательно и основательно.
 Нет необходимости перелಾಗать
 свою «торбу» на ближних своих даже
 с целью благой: сконцентрировать силы,
 Чтоб их порознь враго-друзья не косили.
 Нужна лишь защита от лидеров
 конгломератов и их подголосков.
 А если грехи твои
 силы твои подорвут (а они – наш обычай
 не спит – подорвут обязательно),
 То это увидит община твоя раньше, чем ты,
 своим разумением,
 сможешь добраться до истины здесь:
 В общине и где-то невесть.
 Она, разглядев (и почуяв) несчастье,
 поможет без просьб твоих и без вопросов.

39-7. И всё же... Как быть с гуманизмом?..
 Товарищ твой просит
 Не удочку, чтобы рыбёшку
 поймать самому, а солёной рыбки.
 Не дашь (есть она у тебя, и он знает
 об этом) – обидится, и вашу дружбу,
 как сорную травку, безжалостно скосит.
 А мир между вами в тот час
 превратится вдруг в хлипкий и зыбкий.
 Такое – похуже
 (возможно, чуть-чуть, но...) войны...
 Что делать? Попросит – отдай. Даже
 если уверен во вредности «така».
 И даже когда понимаешь в деталях
 последствия своеобразного пакта.
 Мы к слабости генами (часто они и в друзьях,
 так бывает, верны не чему-то – мутациям)
 и воспитанием пригвождены.
 Но слабость товарища не укрепляй
 повторением этого явно гуманного акта.

39-8. Где слабость,
 там зреет, спеша, лицемерие.
 Где бдит лицемерие, там тут как тут
 набирающий мощь не по дням – по
 минутам (да что там?! – секундам) Телец.
 Душой он червонного золота (черви
 стараются!) и разжигает
 во весь Земной Шар Каганец.

Богатенькие буратины везде, куда взгляд
обратишь, подчепурены. Ибо они
чтут картёж – не законы.

Не каждая сумма
закон арифметики бдит защищать.

Есть алгебра! Там хитрократия. Там к
вычитаниям алгебраическим склонной
Бывает (присуща не только «гигантам», но
также подопытным подданным) страсть.

И в качестве этом она
шустрым тонкостям в масть.

40-4. Там должен быть самоотверженным
твой эгоизм, подневольный геному:
Тому, что к народу, с тобою одноплеменному,
Причастен всегда, а не только в годину побед.
Важнее всего, чтоб –

в эпоху разгрома и переполоха.
И ты, в ком живёт он, обязан ему
соответствовать духом толковым:

Без продыху нежным
и без остановки суровым!

Ликуй, ведь тебе повезло с ним,
с геномом, а значит, с народом.

И если придётся (приходится – рано ли,
поздно ли – всем) с ним терпеть
несусветные (даже) невзгоды,
Терпи их – не только, чтоб ради себя, –
до последнего вдоха.

P. S. Не чурайся общины,
Которая, встретив тебя на распутье,
узнала в тебе, по душе, безупречного сына!

40-5. Но не уходи к охлократам. Тогда есть
надежда, что ты состоялся. И без укоризны
Проводят тебя в путь,

совсем не в последний, потомки,
Чтоб жить после смерти. Ну а охлократов
(сомнений, увы, быть не может)
ждёт ляд после вроде бы жизни.

И путь их последний завалят, чтоб вдруг не
явились в грядущем

недосостоявшихся жизнью,
по их лицедейским причинам, обломки.

А ты, мой ушедший из жизни земной
в жизнь бескрайнюю
(да, это так – не иначе) товарищ...

Что можешь ты сделать в дальнейшем
народу, тебя утвердившему в памяти вечной?

Мы, люди, живущие здесь, на Земле,
по грехам нашим,
что разрушительней всяких пожарищ,

Не можем до истины чистой понять, оценить
результаты трудов наших, вроде бы сутью
своей человеческих, в итоге конечном.

40-6. Да, молимся Богу. Да, Бог наставляет.
Но много ли наша натура

пристрастная воспринимает
Его наставлений? Вопрос риторический.

Нам с юных ногтей путеводными чуются
зов и напор социальной конкретики:

Продукта безнравственной
плутократической апологетики,

Но не обобщения подвигов древности
в форме и сути любых, в том числе и
абстрактных посылов,
стремящихся к вечности.

Отбросы для нас, что спешат
из процесса погибели верной
в «дар» европатичной увечности,
Становятся (стало немало; пристроились)
качеством нашей пока ещё личности.

Наш разум вбирает охотно оценки событий,
текущих ручьём из фонтанов суетных,
где место ведущее предоставляется
охлократической этике.

Отсюда успех лжи гуманной.
Её разодетость в пух с прахом надежды,

Глаза отвлекает от скромной одежды
Бестрепетной истины,

Которую идеология охлократического
гуманизма пытается вытеснить
в мрак глухоманный.

А шустриков из простаков – направляет
в погоню за «тугриками». «Что, вам не
удалось нагрести их? Причина? –

Кончина
Стремительности вашей гонки за счастьем:
погрязли вы, всё усложняющие,
в беспредельностях эквилибристики!»

40-7. Чем не объяснение? (Есть и другие;
подобные.) Суть их вся: ври и хватай.

Но забудь о канонах
единственно истинной меры.
...А ведь в ней спасение...

Мы – маловеры.
Мы знаем, что Новый Завет безупречен
во всём. В том числе
как пособие всечеловеческой жизни.
Но знания разума, перенасыщенного
устремлениями плотских поползновений
(занятны примеры!),

Без чувства сердечного, что очищает
 поделки его (я – о разуме) от наслоений
 тельцовых – пролога слепых катаклизмов,
 С петровских времён
 нас лакеями делают (сделали?) Запада.
 А дух европейского общества –
 дипло- и гордократичный
 (сиречь – бессердечный) рационализм.
 Поэтому наша духовность, как будто родная, –
 с немалою примесью еврократичного запаха.
 Мы с теми, кто в страхе,
 а кто с удовольствием,
 самоотверженным и чумовым, исполняем
 любой, так сказать, европейский каприз.
40-8. Но ужас не в наших поделках,
 а в том, что мы верим:
 Лишь рыночный социализм (плутократия
 зрелая на базе капитализма унылого) –
 наш стратегический путь.
 И здесь никакие абстракции,
 даже от разумов мощных,
 нас, бесстержневых, эфемерных,
 Не смогут на истинный путь повернуть.
40-9. Жил и благоденствовал стержень
 в народе. Простом и не очень.
 Он – тысячелетнего роста.
 И с древних времён никаким
 хитро- и плутократиям не по зубам был.
 Какая бы не нападала на русские власти,
 что из «благородных», короста,
 Народ всех агрессоров, в том числе
 с Запада, хваткости бравой,
 и их вдохновителей –
 Как чудится до сих пор им,
 безупречных воителей –
 По всяким частям агрессивным,
 без промаха бил.
40-10. Но даже вода камень точит,
 когда он лежачий.
 А стержень наш камнем лежал
 в крепостные эпохи.
 И били-точили его, беззащитного,
 всяческие джентльмены удачи.
 И гнуться он (вроде бы) стал,
 чем воспользовались энергичные
 (в том числе – от глобализма) пройдохи.
 Последние выпустили на
 нетвёрдый (казалось) народ

(В «гражданской» войне растерявший
 своих «благородных» господ)
 В гордыне купавшийся Запад с
 трёхсотмиллионным составом.
 Привычный его авангард –
 сенбернары-притонцы.
 Но к нам безнадежно проситься (тем более
 если ломиться) с чужим,
 не восточнославянским уставом.
 В «остатке» что?.. Выводы...
 Не дураки приходимцы...
 Надежней войны безуставность.
 С ней тихую сапой проникли
 торговцы свободой ложности.
 И надо же? Ведь не вояки,
 не спринтеры, а марафонцы.
 Безустальные лихоимцы.
 Они принесли не устав – подлюкратию
 претенциозной бесхозности.
40-11. Под видом свободы, которой народ
 обделён был в течение многих веков.
 Наживка сработала. После победы в
 Великой войне наше (всё ещё) общество в
 главном – в единстве – потребность утратило.
 И стало под властью хвалителей западной
 бездны, пусть и не спеша, но старательно
 (Шустёр закопёрщик Хрущёв с его
 «похоронительством» Запада) переползать
 (незаметно?) в разрозненный мир вахлаков.
 Да, вроде б совсем незаметно, но трепетное
 отношение к подвигам самоотверженным
 русского гения – в мире безбожном изгоя, –
 Таких (да, о подвигах я говорю), что
 во имя всех сущих, кто любит
 Всевышнего, стало безудержно тихнуть.
 Причина? Кудрявая ложь подлюкратии?
 Не устаёт... Безусловно.
 Но главное: русский народ предпочёл не
 трудиться духовно (при Брежневеве сбили
 потребность) на пользу всего человечества,
 в чём его Крест неизбывный, а дрыхнуть.

41. «ОТДАЙТЕ! – ГУМАННО...»

41-1. На то глупократия. И гуманизм.
 Отдыхайте. А мы, умнократы,
 поможем Европе несчастной
 Те раны глубокие, что нанесла она вам,

несусветным балбесам, забыть и последствия
их (в её мудрой душе!) умягчить.
Нефть, газ, никель, почвы, алмазы...

Богатства,

Которые вам, мужикам, почему-то подвластны,
Отдайте за евробумажки и кое-какие харчи.
И то... Солидарность... Чтó – друг.

Чтó – не очень. Чтó – враг...

Как нам («кой-кому») посоветовал ваш
(мужиков) доброхот (монархист):

когда нет головы у народа,

У русского, то надо нам (есократам

в запале сакральном –

Ктó справится со столь гуманной задачей
ещё?!) сделать так, чтобы есотваряги
свою водрузили на плечи его.

Ну, хотя б напрокат.

Вот это – и только – зовётся свободой.

Вершина её: когда всякий субъект

в рассуждениях станет (захочет –

и в деле) вполне либеральным.

Особенно (в том числе) тот,

кому чёрт – и товарищ, и брат.

41-2. ... Те (русские), что есократов на деле

послушались, были уверены в том,

что их жизнь, беспрерывно, очутится

и в шоколаде, и в холе.

У тех, кто упрутся, – в неволе.

Но время не дремлет: счастливым

от радости в будущем скором (а также

не очень) проснуться пришлось:

животы подвело с голодухи.

Куда ни попри – ждут везде

(и дождались!) непрухи.

А ужас (да, ужас!)

создавшейся (вдруг?!) ситуации

В том, что наш народ превратился

(почти?!) окончательно в нации.

Да-да, не в одну. И смешались не кони

и люди, а жёстче стократно: потомки

(с изъязном) сборников

(или общинников) и еврократы.

Физически – всякие. А вот духовно – все

как на подборы (по духам!) кастраты.

Одни устремились за крезом,

другие свалились в прострацию.

А те, кто не чёртова смесь (не кастраты

духовно ещё: кандидаты в неё,

Ещё не совсем вороньё),

Вдруг быстро (стремглав!) очутились

не где-нибудь и как придётся,

А там, где рублёвки спланировались

для решительных модников.

Ну а получилось (естественно!), что на

задворках они оказались того ералаша,

который зовётся,

По хитрости мудриков,

обществом евроугодников.

41-3. Затихли стенания всех,

кулаки предержавших

В карманах, лишь этим (фигуристом) ражих.

Тех самых, которые практиковали духовную,

с западносладким душком, пертурбацию,

С намерением

под вершины разброда забраться (бы) –

На так называемых кухнях, что было

для тех мастаков (гусаков, пруссаков),

по понятиям их, героическим подвигом,

Не вроде бы

При так называемых сталинских – зверских,

по их утверждениям пылким, – сажалках.

Теперь, присоседившись к власти,

они поступили гуманно и просто:

Все «кухни» похерив, в защиту любимого

принципа выставили неприметное ранее жало

Интимного духовного: Воля-свобода. Всему.

Стремглав учинили на весь свой

(а впрочем, не только) насест кутерьму,

Предавшись любимому за эфемерность

пределу научности: классификации

непостижимых естественности мелочей

(Запутали так, чтобы от их заветренных

таинств сборники не отыскивали ключей),

Завещанному им упорными предками делу:

что не либерально – разносам (!).

41-4. В любой оппозиции

(в том числе искренне

самоотверженной) в роли вождей

(вы уверены,

что исключения есть?) – иваши: целями

крепьши.

Они там с тем, чтоб оппозиция – нужного

для есократии толка – не сбилась с пути по

растущему без предрассудков её отрицанию.

Для этого все, в том числе и увечные

способы растолковать непонятливым истины

еврократической сутью своей хороши.
Труд – ради свободы узнать об опасных
(Неужто лишь для оппозиции?)

тонкостях: есть ли в пристрастных
Проектах, расчетах и действиях всяческих
там «маргиналов»

(а кто они?!) – и порицание,
и трепыхание, и, безусловно, бряцание.

41-5. Что значит свобода?

Возможность болтать, о чём хочется.
Но не забалтываться.

Всемеру мера нужна. И свободе.
Чтоб было свидетельство вех на подходе
К желательному скептицизму.

Скрывают? Не значит ли это на деле
симпатию к национальному социализму?

Тем более – чу! Ибо тайна великая,
что их любимейший капитализм –
инкарнация до мелочей гитлеризма.

К нему, в городье еврократов,
простор отношений: свобода – клин-клином!
Не выполнил долг свой? Извержен! И пусть
твоё имя не тешится в нашей,
втихую нацистской, породе.

Но рядом собор:
твоя, друг мой естественный,
крепость! Ты враг их.

Поэтому-то русофобы не могут причислить
Тебя, ну никак ведь (!)

к «фашистским отродьям»,
Где твой интеллект
(как им быть-то?!) шурует
в твоём допотопном (до дна!) «огороде».

41-6. А в их «огороде» лишь тот, безусловно,
умён, кто безоблачно предан,
хотя бы азам еврократии
(лучше чтоб в виде густом плутократии,
в случае крайнем – пустой охлократии).
А прочие – пыль на ветру социальных
явлений.

...Давайте закончим на этом цитирование
весьма эффективной в своей
охмурительности масс простых хрестоматии,
Согласно которой, любой,
даже самый бездарный (из самых бездар-
ных;

Зато в части смелой
защиты еврокаламбров – ударник)

Окурок-чирок, переносок-сурок,

межеумок-нырок, подголосок-браток –
в евромнении гений.

...Приставка по имени «евро»,
и здесь, как везде, –
принадлежность понятий, увязанных в мрак
с ЕВРОПЕЙСКИМИ «ценностями»,
Что дышат надрывисто евросоюзническими
надменностями.

Отсюда должна начинаться оценка давно
не «абстрактной» евродемократии,
но уже Евросоюза с его есократией,
Где неотвратимо бредут времена,
начинённые несокрушимой апатией.

42. ИЛИ ЛЮБОВЬ, ИЛИ НЕНАВИСТЬ

42-1. Но чтоб начинать,
надо помнить задолго
До этого, что все дороги – от Бога,
А их содержание – Компас,
с которым не дружит тревога.

В нём истинность дара пролога.
Дар этот для каждого свой! Но всегда –
всесторонний. Поскольку при этом – для всех.
Не для безутешных утех.

Он от неизбывной любви Бога к нам!
Получай, всесторонняя братия!
И дар сей – предвестник надежд наших,
при всех промашках, грехах горьких и
обязательность выплаты нами залога.
Он, дар этот, неистошимо бесценен,
поскольку – защитник всевластный
Души нашей. В самых лихих –
лицемерных (а значит, смертельных для нас
при спесивости гордой) напастьях.

42-2. И если случилось, что мы его,
дар этот, даже на самые, как мы
придумали, цели благие растратили,
То нам не восполнить его закрома
в наших душах ликующих ни
как награду, при всякой на то дипломатии,
За благодеяния (вроде бы) наши, ни
как столь естественную
(тоже – взгляд наш) оценку налога,
Казалось бы, сплошь безупречного, ни
в целом наших трудов соответственных
из фантастического изобилия рога,
Ни в случаях с некими силами,
неимоверными, торга,

Пока нам родная община
твоих (и моих, и его) ухищрений итоги
Не вставит в проблемы своих безобходных
участков присущей ей кровно дороги.

42-3. Тогда и посмотрим...

Приемлемость – счастье в труде,
где любовь неизменна всегда, даже
если труд – с самой ничтожной отдачей,
Когда вклад наш в общее дело
размером с пылинку дождя.

Но дань её в том, чтоб потребностью
стать человечества. Если иначе:
Её заменитель – поклонник воинственный
бесчеловечного в целях вождя.

42-4. Воистину:

место святое пустым не бывает.
Уходит любовь,
а на месте её появляется ненависть.
Убойная штука: находчивая, трюковая,
Когда предстоит разыграть роль любви
по системе, в которой
убийственный стержень – приветливость.
Данайцы с их вынужденным коневодством
перед твёрдократами «нашими»
явно бледнеют и гаснут.

Понятно: они не имели
успехов в работе с козлами.

Кормёжка банкнотами, и вот козёл-
провокактор ведёт не скрывая на бойню
счастливые души баранов колбасных.

Данайцы времён всевозможных
(включающих и предпоследние) способов
столь совершенных сплавлять
человечество в небыль не знали.

42-5. Понятно: они примитивы во всех
ипостасях, в сравнении с нынешними,
как всё чаще теперь выражаются,
пассионариями.

Не стукнутыми... приударенными,
Прогрессами злом отоваренными,
Сплочёнными духом главенств
Послеобществом до послемозга костей,
Без лишних затей,
Где гуляют ещё до сих пор послеобразы
послеестественных послеидей.

Уже беспардонная банда!
Их меч – евры-доллары.
Их колесница ведома сценариями

Глухих постспектаклей послелицемерных,
где бесчеловечность – свободы отрада.

За деньги скупают в народах
предателей алчных.

На неврастеничность свободы
ключают многочисленные простакки.

И вот она – «слитность» верхов и низов –
решена (или это моей лишь фантазии
всплеск?) величайшая в мире задача:

Не только рабов получить, но и
преданность этих рабов, так,
для красочности, называемых
граждан. Иное уже не с руки.

43. КУДА НАМ БЕЗ ОБЩИНЫ-ТО?

43-1. Соборные власти – отцы. А народ
(вместе с ними) – семья, неразрывная
ни по какой кривизне (прямизне)
Общины. И что б ни случилось с любым
её членом, все встанут, пока она – вся и для
всех, на защиту его правосудной стеной.

Поднимутся братья и сёстры его
из любого начала-конца ойкумены и, не-
взирая на степень родства, будут
действовать всячески так, чтоб любые
несчастья его обошли стороной.

43-2. А если случится такое,
что будет виновен он сам

И станет скрывать свои вины
(все сапиенс слабые, каждый
в своём, но – все грешные люди),

Община (семья!) всё узнает, хитри – не хитри,
Хоть тайны свои в порошок разотри:

Узнает она по его (и твоим, и моим),
неспособным

(На месте, где б ни был ты, лобном)
Скрывать (от Природы она:

неспособность пред обществом чистым
и честным!) греховные мысли глазам.

Рассмотрит причины, оценит
их следствия, но не осудит

Судом беспощадным (по-гордопатически) –
верным источником более тяжких, чем
старт неудачный, – его рецидивов.

В общине нет мест беспринципности!

Ну а суд братский всегда обнажает,
А если удастся, то уничтожает

Причины просчётов в оценках последствий,
и почва уносится из-под мотивов

Проступков. Везде и всегда,
где нет почвы, нет и урожая.

Везде и всегда, где соборность живёт,
Надежду блюдёт безотчётно народ.

43-3. Соборная власть? Она тоже народ.

И – конкретно – она углубитель,
случается, что исправитель,
и, главное, мужественный охранитель
Законов, которые

не допускают народный разброд.
В таком лишь процессе, всегда (надо так!)
непрерывном, народ над собой победитель.

А значит, живой и способный использовать
по назначению то, что Всевышний даёт
С избытком, на случай

(увы, неизбежный) ошибок, присущих
нам в наш волевой разворот (изворот?).

43-4. Я сказками потчую вас?

Нет, скорее абстракцией.

Конкретность ищите
в святом Данииловом роде.

Из невероятной разрухи – продукте
варяжества, что попыталось народ,
вдохновлённый крещением, сделать
прозападной нацией, –

Он вывел настолько могучим, что даже
Бесчувственный Запад зашёлся от зависти.
И гаснет безудержно от производной её –
безответственной старости.

А подвиг династии Невской,
с охватом в истории мира во все времена
всех народов, как яркий пример, – путеводен.
Он жив до сих пор. Он днюет, не ночуя,
надежд наших истых на страже.

44. НЕТ ЗЛОБЫ, НО ЕСТЬ ИНТЕРЕСЫ

44-1. В Подлунье нет силы, способной
разрушить соборность в открытом
бою.

Но есть интересы.
Их распространяют
через доплатные усилия прессы
Не сказочные мракобесы,
А передовые
в своём мракобесии бесы прогрессов,

Которых ох как нелегко распознать
(угадать) в джентльменском строю.

44-2. Нет сил уничтожить соборность
физически? Что ж?! Ведь иные есть
способы с жизнью сразиться всем тем,
кому жить на Земле неуместно и тесно.
Они нашпигованы генами бодрых,
упорных (пардон за физиологичность)
глистов,

Которым, чтоб выполнить «просьбы»
(приказы!) начальства широкозахватного,
переусердствованного апатией,

Не требуется ни бальмеа,
А каждый из них за «похлёбку»
крутиться, «как надо», готов.

Задача простая:
мрачить «страхами домостроя»,
подтачивать блоками русский колосс
и контузить его глобократией!

44-3. ...И вот, прорубивши ворота, на Русь
устремилась враги, лицемерием жуткие.
Умельцы, когда им приспичит крушить всё,
«что надо», по-тихому.

Чтоб крепко народ охмурить,
утвердили глашатаями самобытности
русской предателей.

В своём развороте решительном
больно (народу!) старателей.
Но несокрушимо стояла отвага и доблесть
в войсках под началом

Пожарских, Кутузовых, Жуковых.
Жил дух православный в народе трудами
святыми подвижников
от Гермогена до Тихона.

44-4. А ныне... В ООН имитация
внекорневого единства народов –
Россия здесь не исключение –
сквозь экуменизм-глобализм.

И действуют «объединители»
вроде б случайно-нечаянно:
«Спи, бывший народ православный.
Пей, ешь и колись.

И радуйся смерти духовной своей.
Не проснись».

Ну что нам советские социалисты,
которые любят (любили)
себя называть коммунистами?

Они, по сравнению с истинными
охлократами, и не совки даже – чайники.

Пупки – гордократы, –
 не как коммунисты неистовы.
 И фундаментальность их действий
 весьма впечатляет:
 Ведомым –
 свобода, участие в выборах и перспективы.
 Не горы банкнот. И – проблем. Вряд ли
 много найдётся рассудков, чтоб фокусы
 распознавать, и ресурсов, чтоб их упреждать.
 А сон простаков преспокоен. И есть тому,
 если подумать (но кто из «мыслителей»
 тоже и так же не дрыхнет?), мотивы
 Спать именно так. Не гуманно.
 («Пусть дрыхнут» – закон европейской
 «общины»,
 иначе назвать – есократии.)
 И было б странно:
 Простых и наивных
 Сограждан (на диво!)
 К чему-либо,
 им не излюбленному, принуждать...
44-5. ...Но стонут могилы
 прославленных предков заветами
 С оценками наших наклонностей
 в «есть-пить-играть» своим прошлым
 святым безошибочно меткими.
 Их стоны сливаются в вопль,
 чтоб очнулся народ.
 И бросился рьяно в суетах отыскивать брод!
 Такой, чтобы вновь в нём слились без остатка
 и тело, и разум, и сердце.
 Не сном он объят. Бдит без мига последнего
 смерть естества человеческого.
 Как исправить
 натуру, когда смерть не плоти – души?
 Кому по плечу уничтожить
 зловредные средства,
 Которым не терпится комой естественности
 человека рассудка лишить?
 ...Герои войны?..
 Дух их слишком премудро (?) рассеяли
 басни безудержно бравые.
 Слащавые.
 (Да так, что покинули мир сей они
 без духовных наследников.)

Остались иные:
 «Пусть здравствуют толпы (не личности!)
 всласть нахлебавшихся сказок о западной
 воле-свободе чудных привередников».
44-6. При этом (заметим) войны ветераны
 практически не «упирались»:
 В невиданной раньше военной разрухе за
 материальное счастье потомков трудиться
 с привычным упорством старались...
 ...Земные церковные власти?.. Умели
 советские социалисты использовать их
 (нет, не всех, но и...) как проповедников,
 Казалось бы, веры... Из ряда (прогресс
 завлекателен) благоприличных, честных,
 рассудительных (в сон) соглашателей:
 Нравственности дюже чистой глашатаев.
 Плюс: очень прозападных, в их
 восхищении образом жизни безумного «рая
 Земного». С рецептами для всяких прочих
 жильцов, чтобы зрели края
 в ойкумене, которых и края
 Несчастья не сыщешь. Всё край! – за счёт
 мира, разграбленного джентльменами
 хапа: прогресса смурного волшебников.
44-7. Ну и, наконец, государство явилось
 детдомом для поросли новой.
 Не лишне отметить,
 Что коммунистические воспитатели
 небезуспешно старались, чтоб дети
 Войны оказались ни то и ни сё:
 И не демократы и не патриоты.
 Но самое главное, чтобы соборностью
 от них не «пахло» нисколько!
 Что значит: ни гладко, ни колко.
 А там, где «ни то и ни сё», вырастает
 уже не простак, а осёл.
 Его глобократы (уже ельциноиды) ловко при-
 строили, сонного (от «перестройки» тупой),
 в буриданово стойло (весьма оно модно).
 Откуда он (нехотя)
 переселяется по миллиону
 душ (впрочем, не только) сверх норм всяких
 в бесчеловечность
 (кошунствую я?) ежегодно.
 (Окончание следует)

Юлия Санникова Санкт-Петербург

Земля изготовилась вырваться в дали
Вселенских огней – ввысь по краешку крыш,
Там рыли овраги для горькой печали,
А львы желтолицые рыкали в тишь.

Разбоем жестокие впрок промышляли!
Кто тайну украл, а иные – добра,
Но каждый мечтал, что на острове Бали
Осыпалась старость и ждёт детвора.

Но дети людей на Земле умирали,
И родиной тех оказалась любовь.
А те, кто их детство трусливо украли,
Боялись молитвы заклятых врагов.

Боялись слепые проснуться и выйти
На горя просторы и солнечный свет,
Там ждали их прошлого грязные лица
И самый жестокий прозренья ответ.

Не стоит играть в рекламное счастье,
Тут рядом живут, ожидая лишь смерть!
Герои проснулись с невиданной властью
Неведомым подвигом дверь отпереть!

И плакали сёстры, а матери ждали
С войны сыновей. Вот и время легло
Ветрами на жгучие мира печали.
А мы-то мечтали, что выдохлось зло!

2019 г.

Когда пройдёшь по всем земным погостам
И встретишь мёртвых, ожидающих суда,
Где в глубь земли распластанные кости
Запеленал тот камень, что и города,
И уготовил приговор комфорту
Игравших в судьбы маленьких людей.
Гранитные надгробия по сорту
Бессильны разделять – покой везде.
Живые спят мертвее тех, что встанут
Из ровной необъятной взглядом мглы.
Возносятся строительные краны
По ранам огнедышащей земли.
Но вычитан сюжет, и сжалось время
Над городами жаждущих всех благ!
Забыли. Без любви любое племя –
Толпа, чеканящая маршем шаг.

2019 г.

Молчат полотна звёздные –
Им земли покрывать,
И вспененные, грозные
Глубины глаз вскрывать.

Решёткою чугунную
Подёрнуты дома.
Поплачу ночью лунною,
А городов корма

Покрыта нынче пламенем
И желчью хлёстких слов.
Убогих били каменной
Горой и жгли покров.

Желали злые вечности
Вскрывать нутро и старь,
Здесь пили счастье вечером,
А утром ждут пожар.

Ах, Родина родимая
Льёт горе столько лет...
Тут рядом вкруг ходили мы
По сумраку в рассвет.

Так совесть выйдет тайная
И вытянет меня –
Из смертных игрищ – крайнюю, –
От края зла храня...

И выйду, испуганная,
И крикну в суть времён.
Я – глупая Алёнушка,
Вернусь со всех сторон.

2019 г.

Слеза прожжёт миров основы,
 В ней тонут кальки всех людей.
 Здесь, у страдания остова,
 Иссохли губы – соль везде.
 Слеза сильнее лжи – бездонна!
 Молчит старик – и слеп, и глух,
 И падает имперская колонна,
 Сжимая
 мировой
 хрипящий
 дух...

И вот уже у горя края
 Вперёд идущих не карают.
 Молчит кумир. Слепая ярость
 Не стала естеством миров.
 Наступит для кого-то старость,
 Иным не хватит и оков.

2019 г.

Никто здесь никому давно не равен,
 Не ровен час, изгонят из страны;
 За ржавыми замками старых ставен
 Бахвалятся разбоем пацаны.

Их девы вычурны, а утром стары,
 По вечерам шатаются в мехах,
 Наматывая на шарниры чары
 И одиночества животный страх.

Всех заболтали, даже глупых девок,
 Посуточно снимали счастья сон
 На камеру смартфона для отдела
 Взаимоотношений и сторон.

Абсурд и повторяемость того же!
 Так неизбежно тащат быта скраб
 С пропитой и помятой рожей –
 Для господина, что по сути раб.

И помыкает сильный слабым братом,
 Сестра не ведает любви к сестре,
 И каждый кроет жизнь отборным матом
 Над гладью городских помойных рек.

2019 г.

Не любишь – отпусти бродить,
 Хоть ведьмой по полям безбрежным,
 Хоть ветром с пылью колотить
 По личикам пустым и нежным.

Здесь камень жизни, там огни
 Вселенной, свёрнутой до кальки,
 А мы опять с тобой одни
 Вновь правим времени помарки.

И не хватает криков – ввысь,
 Чтоб пало звёздное сиянье
 На эту даму, город крыс,
 Бежавших от огня страданий.

Мы все здесь трусы – вновь пусты,
 Хоть хорохоримся ночлегом,
 Детьми, машинами – в кресты
 Произрастают нам побеги.

Одно осталось – словно мать,
 Родная, нежная молитва.
 Мы шли высотки обнимать
 На пошлой за иное битве.

И близкий вечер далеко
 Отбросил молчаливых светом...
 Фонарным, точно жить легко,
 И лето приближает лето.

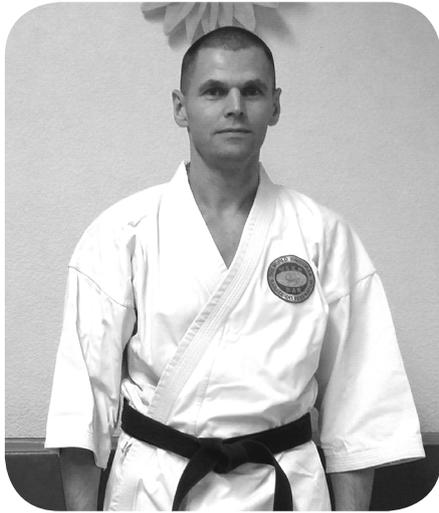
Следы ожогов на земле
 И разрывные боли в сердце.
 Вот свет не утонул во мгле
 И громко барабанит в дверцу

Людей-камней и их пустынь,
 Объятых горькой жаждой денег:
 Здесь пали пеплом на кусты
 Цветы, как нашей боли гены...

2018 г.

Страница автора

www.facebook.com/jullianika

Виталий Свирин

Санкт-Петербург

ПЕРЕЛЁТНЫЕ МЫСЛИ

Птицы-мысли

Птицы как *мысли* –
Вот, одна приземлилась,
Время обеда.
Почувствуйте, сев за стол,
Вкус к жизни... Bon appétit!

Проблеснуло

Рыбы как *мысли*...
Ловлю, чтобы выпустить
Их на свободу.
Не уходит под воду
Та, что по небу плывёт.

Бабье лето

Ясность дней. Осень,
Свежо... ощущение
Солнцеворота.
Паутинками *мысли*
Вплелись в осенний ковёр.

Восхождение

Горы свершений!
К вершинам труды ведут...
Тропы успеха.
Донесёт рифма-эхо
Мысль... Штурмую Парнас!

Мысли кошки

Мысли как кошки...
Тепло и внимание
Любят, мяукнуть
На кухне в компании.
Если нет, смотрят в окно.

Хэппи-энд

Только подумать,
Жизнь так скоротечна, что
Не успеваю
От *мыслей* избавиться...
Это ещё не конец.

Стихия

Стихи... я ловлю
Вдохновения ветер.
Парус бумажный.
Погода неважная,
Штиль на душе. *Мысли* в док.

Мысли птицы

Мысли как птицы,
Но силком не поймаешь –
Умные слишком,
Летят высоко. В небо
Тянут их... крылья души.

СОСНЫ НА БЕРЕГУ**Симохама**

В низком поклоне
Гнутся старые сосны
Солнцу навстречу...
Дань традиции. Ветер
С моря... с другой стороны.

Акита

В голосе ветра
Есть нотки волнения,
Гнущихся сосен
Стон. Гуси на пожнине
Кормятся рисом... Сентябрь.

По лунной дорожке

«Ква-ква», – лягушки
Омываются светом
В озере лунном...
Не станет поэтом тот,
Кто не умылся росой.

Летом в Питере

Что это? Снегом
Вдруг припорошило двор...
Белый трилистник.
Пришло вдохновение, –
Может, и лето придёт.

В Ораниенбауме

Прогулки зимой.
Под чёрными ветками
Свет апельсина.
Вечереет... картина –
Полон луной город-сад.

Осенняя песня

Туман над рекой...
Перелётные птицы
Тянутся к югу.
Поэта взяв под руку,
Осень по лесу идёт.

В рабочий полдень

Полуденный звон.
Голубой колокольчик
Пчёл созывает
Рабочих... Специальностей
Много, призванье – одно!

Мечта

Мечта о мечте...
Пустые объятия.
С милой на яхте.
Её белому платью
Хочется чайкой взлететь.

Возраст

Поздняя осень.
Вот уж и снег на висках
Не убираю.
Лейтмотив... на гитаре
Соло – When I'm sixty-four?

Пашня

Творчества поле,
Просторы бескрайние...
Пашут и пашут.
Всходы ранние надо
Потом обильно полить.

В дюнах

Сосны и волны,
Следы на песке ведут
В прошлое... лето.
Опустевший пляж. Дюны
Помнят шаги твоих ног.

Наталья Смехачёва

Торжок, Тверская обл.

В хрустальных болотах нездешнего неба...

*
 ...Реальность? Иллюзия?
 Быль или небыль?..
 Алмазным путём,
 из столетья в столетье,
 в хрустальных болотах
 нездешнего неба
 старуха Луна
 ищет жемчуг бессмертья.

*
 И Белая Жаба
 толчёт его в ступке,
 творя Млечный Путь
 до Священного Града,
 и звёзды –
 разбитых жемчужин скорлупки –
 горят незабудками
 Лунного Сада.

Страница автора
vk.com/krasnii_gorodok

*
 Космата, морщиниста,
 жутко согбенна,
 в сияющих высях
 воздушного трона
 глотает Луна
 порошок тот бесценный
 с горячей слезой
 Золотого Дракона.

*
 И бьёт в барабан
 Лунный Заяц в экстазе,
 и мир замирает,
 дрожа и немея,
 когда в полутьме,
 как из трещины в вазе,
 из древней старухи
 рождается Фея.

*
 Людские страданья,
 волненья, тревоги
 увидит, услышит
 седая Царица.
 Бесстрашным героям
 подарит дороги,
 разгладит улыбкою
 умерших лица.

*
 Но тварное сердце
 к бессмертному – глухо.
 И юность Луны
 отсияет напрасно.
 И Лунная Дева
 вновь станет старухой,
 в мгновенье последнее
 страшно прекрасной!..

*
 ...Алмазным путём,
 из столетья в столетье,
 в хрустальных болотах
 нездешнего неба
 старуха Луна
 ищет жемчуг бессмертья...
 Реальность?.. Иллюзия?..
 Быль или небыль?..

Журавлиная Родина¹

Они поднялись вожжой²,
до здешних полей охочи,
над первой седой межой,
над Вьюлкой, Сестрой и Хотчей.
Растягом в широкий клин,
смешались с огромной стаей –
аминь, журавли, аминь!
Навеки ли мы расстались?..
В холодный поток ветров
вплетая тела и клёкот,
летят вожжаки на зов
египетских роц далёких.
Летят... и разлуки грусть
оскоминой сводит сердце...
Родные, счастливый путь!
Глядеть бы, не наглядеться...

Зато как ударит рань
лучом по низине топкой,
как выпустит цвет герань
в горшке на оконной полке,
как – вздохом одним! – весна
попятит снега к оврагам –
чу, звуков дрожит волна,
чу, в небе гонцов ватага!
Живём, журавли, живём
и что-то на свете можем!
Пусть горло слезами жжёт
и бродит озноб по коже –
такая сквозь душу синь
капелью стекает в вечер...
Аминь, журавли, аминь!
И – талой воды – за встречу!

¹ В Талдомском районе находится заказник «Журавлиная Родина» – единственное место в центре Европейской России, где на осеннем перелёте собираются серые журавли, редчайшие птицы Подмосковья. Это имя дал краю М. М. Пришвин.

² *Лететь вожжой* (о журавлях) – лететь цепочкой. Народное выражение.

У обелиска

Черёмуха в ограде, соловьи...
Кудрявится вихор зелёный мая!
Весною умирать бы от любви,
А вы от ран на фронте умирали.

Вы не жалели пороха и жил,
В сплошном дыму снаряды рвали землю...
Кто жизнь свою за други положил,
От родины небесной неотъемлем.

В траншеях чёрных хлюпала вода,
Над вами литию пропели птицы...
Но внуки незнакомые сюда
Приходят помолчать и поклониться.

Как белый сон – черёмухи цветы...
Колелет свечи эхо взрывов адских
В заветный день собора всех святых,
Почивших в усыпальницах солдатских.

Июнь

Дождя серебряное пенье
И гром, рокочущий вдали...
Мне по душе твоё цветенье,
Твоё томление любви!

Покуда луг простоволосый
В ночной остуде не продрог,
Ведёт тропинкою белёсой
Цветочный синеглазый бог

К ромашкам, что бегут босыми,
Коленки вымочив росой...
И бродят молнии косые
За дальней лесополосой.

И жарит царственное лето
Румяный блин к поминкам дня,
И ходит смерть моя по свету,
Но не отыщет здесь меня.

А я счастливой и свободной
Стою и пью стихи с листа,
И светит кровью благородной
Берёзы юной береста.

Упасть в траву
И засмотреться в небо.
Пропасть в его
Небесной глубине.
Мы родом
Из безоблачного детства,
Где люди жили счастливо вполне.
Из детства выросли
Давно и незаметно,
Но мысли в прошлое
По-прежнему влекут.
И мы по тропке,
По траве,
По небу
Вновь босиком
Прокладываем путь.

Я бы полетела –
Крыльев не хватает.
Я б прошлась по небу,
Взглянула с высоты.
Не дано, не птица.
И мечта растает,
Как бы ни просила
У Бога красоты.
Сколько б ни мечтала –
Облака не тронуть.
К солнцу не подняться,
Ветер не догнать.
Видно, по земле мне
Век одной скитаться.
Небу поклоняться,
На судьбу роптать.

«Забудь», –
Мне твердила память.
Уснуть
Не давало пламя
Тлеющего костра в груди.

«Забуду», –
Я соглашалась.
Усну –
Осталась самая малость –
Расставить все точки над «і».

Расставила, погасила,
Только тебя не забыла.
Память осталась жить.
Помнить тебя
И любить.

Я осени скажу:
«Не уходи.
Побудь со мной
Совсем ещё немного».
В моей душе
Дожди, дожди, дожди.
И листьями усыпана дорога.
Звенит ещё гитарная струна
О лете с сожаленьем
Иль упрёком.
А впереди
Зима, зима, зима
Метелит покрывалом
Одиноко.

Мы связаны тонкими нитями.
Родство не прервать, не предать.
Бабушки, деды, родители,
Ваш путь нам теперь продолжать.
Идти проторённой дорогой.
Судьбы своей нити плести.
Бабушки, деды, родители –
Ангелов крылья в пути.
Хранимы мы вашей заботой,
Памятью сердца, теплом.
Бабушки, деды, родители –
Отчий навеки наш дом.
Древо, что крепко корнями,
Ветви не гнёт на ветру.
Бабушкам,
Дедам,
Родителям
Я низкий поклон отдаю.

Лариса Агафонова

Москва

Неразлучники

Первый раз я встретила эту занятную пару, приехав на летние каникулы к бабуле. Мне было десять, а им, как мне казалось, лет сто десять. На двоих. Они были как моя бабушка, даже постарше. А бабушки, как известно детям, бывают старые, дряхлые, ветхие. Это я сейчас знаю, что моей «старенькой» бабуле было на тот момент пятьдесят четыре года. Самый расцвет!

Представьте себе уютный провинциальный дворик в заводском посёлке, с развешанным на верёвках постиранным бельём, с деревянным, потрескавшимся от дождя столиком для домино, расштаннанными скамейками у подъездов. Летний вечер, когда спадает липкая жара, усталый работающий люд возвращается с завода, неспешно со вкусом ужинает и собирается во дворе.

Дробно стучат костяшки домино, весело летает над потемневшей сеткой старенький волейбольный мячик, детвора устраивает гонки на велосипедах, оглушая взрослых радостным визгом. А на одной из лавочек непременно найдётся умелец с гитарой, хриплым голосом копирующий любимца здешней публики, Высоцкого. Привычная картинка тех лет.

А в нашем дворе играли на флейте и пели романсы. Вот вам и провинция. Та самая

«старая» пара, ровесники моей бабули, задавали музыкальный тон провинциального дворика. У доморощенных музыкантов всегда были слушатели. Женщины средних лет, дородные дамы в ситцевых цветастых платьях, подперев щеки, слушали Вертинского, Сенчину и Захарова, утирая набегавшие слёзы и тихонько подпевая. Мужики, заводские трудяги, при первых звуках флейты подтягивались поближе. Изредка нарочито фыркали, дескать, «не наша музыка, непривычная», искоса присматривались к тому, как нежно обращается дворový музыкант со своей «дудочкой», извлекая из неё прозрачные волшебные мелодии.

Меня флейта не интересовала, равно как и романсы. Да и вообще – старики отдельно, юность отдельно. Хотя... эти двое ещё и на велосипедах катались. Где это видано, чтобы старики детские занятия осваивали? Это сейчас вся страна пересела на велосипеды, стала на самокаты и зашагала скандинавской ходьбой. А тогда мы хохотали, глядя, как «старики» медленно разъезжают на своих стареньких великах.

В следующий раз я приехала к любимой бабуле, когда мне было двадцать. Родители развелись сразу после того памятного лета, и меня больше не пускали к папиной матери. Да я и не жалела: были новые маршруты, другие интересы, неизведанные горизонты. Захватывало, интриговало, уносило.

А в двадцать мне хотелось спрятаться от всего любопытного мира, уползти в потаённую нору зализывать любовные раны. Глубокие и ещё кровоточащие. Казалось, что мир рухнул, жизнь закончилась и впереди безнадежно и бесприсветно. Сейчас вспоминаю и смеюсь. А тогда...

...Городок разросся, давно перестав быть заводским посёлком. Невысокие старые постройки безжалостно снесли, дома-башни с гордостью первопроходцев загородили небо, старую, истоптанную поколениями брусчатку заменили на новомодный асфальт, а супермаркеты (вот уж не ждали) призывно засияли витринами. Но старый бабушкин дворик устоял. По-прежнему висело на верёвках хрустящее от мороза бельё, всё так же радовались жизни

дети. Только новые взрослые уже почти не сидели на скамейках и не пели. Совсем.

Жизнь ускорила, не до праздных посиделок стало. Лишь ветхие старики выполняли во двор, несмотря на морозную зиму, играли в привычное домино и перебивали косточки проходим. Знакомым и не очень. Я старалась проскочить мимо, не поднимая головы, пряча зарёванную мордашку, и уходила в небольшой лесок недалеко от дома.

В первую же лесную вылазку я встретила ту самую музыкальную пару. Они почти не постарели. Или мне так показалось. Я бы и не обратила на них внимания: мало ли вокруг пожилых людей, но смешная шапка с ушами на голове женщины так не походила на привычный стариковский прикид, что я остановилась, разглядывая экстравагантную старушку. А она меня сразу узнала. Приветливо окликнула, назвав по имени, и спросила что-то взросло-дежурное.

Уходить сразу было невежливо (ох мне это мамино учительское воспитание), я подошла поближе, и старушка разглядела мои заплаканные глаза побитой бездомной собаки. Я внутренне приготовилась к отпору – сейчас же начнёт расспрашивать, сочувствовать, вещать, что всё ещё впереди (обычная взрослая лабуда). А она стала рассказывать про мужа, как он лихо катается на лыжах, а она, неумеха, пару раз упала и теперь боится.

– На коньках с детства катаюсь, а лыжи не освоила. Страшно, и всё тут. А Иваныч мой вон как рассекает, – с гордостью указала старушка на невысокую фигурку, на мой взгляд, еле тащившуюся на лыжах. – А ты катаешься?

– Катаюсь, только на горных лыжах. Это и навык другой, и условия.

К своему удивлению, я стала рассказывать ей о своих поездках на горные курорты, на одном из которых, я, кстати, и познакомилась с той самой любовью, которую сейчас оплакивала. Старушка (я так и не вспомнила её имени – бабуля в детстве упоминала, да мне было не до старушечьих имён) не утешала, только слушала и рассказывала: о себе, о муже-Иваныче, о единственном сыне, о внуках, о работе на заводе. Я совсем не помню подробностей,

помню только, что мне становилось легче, спокойней, свободней от разговоров с ней.

– Ты приходи в лес, – прощаясь, сказала она. – Лес, он такой, волшебный, все печали забирает, врачует полегоньку.

– А мне и не надо ничего лечить, я не больна! – вскинулась было я.

– Тогда просто дыши. Иногда надо не забывать дышать. И всё станет на свои места.

Это вскользь сказанное «не забывать дышать» мне потом здорово помогало в жизни.

В тот приезд я сильно сдружилась со своей бабулей. Она стала моей лучшей подружкой, благодарной слушательницей моих первых (конечно же, любовных) стихов, жилеткой для слёз. Через месяц я, обновлённая и почти здоровая душевно, вернулась домой. Жизнь продолжалась.

Новый приезд к бабуле случился ещё через десять лет. До этого я приглашала её к себе, отправляла в санаторий, возила на море и даже в горы. Мы переписывались и перезванивались, не теряя друг друга, несмотря на то что мама не сильно одобряла такую тесную связь с бывшей свекровью. Ну да кто маму слушает в таком возрасте!

Итак, мне тридцать, и я снова у бабули в гостях. Да не одна. Приехали втроём: мы с мужем и наш ненаглядный сынок, месяц от роду. Бабуля настояла на помощи нам, а мы и не возражали. Мужу-программисту было всё равно, где работать, был бы Интернет. А я находилась в глубоко счастливом декрете и в небольшой (или всё же большой) панике: как успевать ухаживать за малышом и управляться с домашними делами?

Муж, конечно, помогал. Ну так ему работать нужно – нас, сидящих на шее, кормить. А бабуля как-то неслышно переложила на свои плечи добрую половину забот. И я наконец-то посмотрела на себя в зеркало и смогла спокойно и в одиночестве выпить чаю (с молоком, конечно, для лактации). Молодые мамочки меня прекрасно поймут.

Осень выдалась тусклая и промозглая. Вот не выходить бы из дома, лежать под пушистым ласковым пледом, читать любимые детективы и радоваться жизни.

Эй, мамочка, очнись! Какой плед? Какие детективы? Сказки – вот твоя основная современная литература. И ребёнку нужен свежий воздух. Малыш не виноват, что мамаша у него такая теплолюбивая. Закутались потеплее – и вперёд.

Усыпанные пожухлыми терпкими листьями дорожки, унылые оголённые деревья, спешащие пасмурные прохожие – такая мрачная картинка встречала меня на ежедневных прогулках.

Очередной раз, толкая коляску по почти безлюдной улице, натываюсь взглядом на пару в синих дождевиках, увлечённо что-то разглядывающую в траве. Что там можно интересного увидеть? Подхожу поближе: это же те самые спортивно-музыкальные старички! Неужели?! Да, жизнь никого не щадит.

Теперь уже заметно постаревшие, усыпанные глубокими морщинами, с согнутыми спинами, они создавали впечатление божьих одуванчиков. Стало заметно, что они явно старше моей молодой бабули.

Старушка снова меня узнала, несмотря на пробежавшие, промелькнувшие для меня годы. И опять назвала по имени. Вот это память!

– Ты такая красивая стала, взрослая. – (Хм, а в двадцать, значит, я была заморышем?) – Счастливая, – продолжила она. – Счастье, оно ведь красит. – (В этом точно что-то есть.) – Кто у тебя? Дочка или сынок?

– Сынок. Ему тридцать семь дней, – с невыразимой гордостью выложила я. – Уже совсем большой. Гулять любит, на улице сразу засыпает, а дома не укачаешь никак. Вот и хожу в такую мерзкую погоду, когда хороший хозяин любимую собаку не выгонит из дому.

– А мы любим осень и дождь. Правда, Иваныч? – тепло обратилась она к мужу, повысив голос. Тот кивнул. – Слышать он плохо стал, вот и кричу. Не разбужу малыша? – обеспокоенно уточнила бабушка.

– Ему хоть из пушки стреляй, как папенье его, – рассмеялась я. – А что вы разглядывали в траве?

Мне было так скучно, что даже разговор со стариками казался интересным.

– Листья, – оживлённо пояснила бабушка. – Угадывали, с какого дерева.

– А зачем вам это? Они уже облетели, отжили своё.

Прозрачные голубые глаза бабушки с удивлением смотрели на меня.

– От этого они не стали менее интересными. У них разная форма, цвет, размер. Они как люди. Нужно только уметь разглядеть.

Странно, но мне показалось занятным. Я, конечно, не вглядывалась вместе со стариками в грязные листья в тот раз, но начала внимательнее смотреть по сторонам, видеть людей, а не скользить безразличным по ним взглядом. Кстати, и мои прогулки с сыном перестали быть однообразными и скучными.

Не только чужие, но и свои дети быстро растут. Особенно когда ты активно работающая мама. За следующие десять лет я успела родить красавицу-дочку, сделать карьеру, похоронить любимую бабулю... И вступить в наследство. Небольшая квартира в бывшем заводском посёлке стала моей по закону. Я приехала оформлять документы и решать, что делать с доставшимся мне жильём за тысячу километров от моего нынешнего дома.

Даже не предполагала, что будет так больно и страшно переступить порог бабушкиной квартиры. Навалились, как в калейдоскопе, воспоминания, накатила неподъёмная горько-солёная тоска, закипели непрошенные слёзы. Я выскочила из дома, и ноги сами привели меня в лес-спасатель. Наревевшись вволю, выплавав горечь, я стала оглядываться, чтобы понять, куда забрела в своей тоске.

И снова, как в старом кино, наткнулась на пару стариков-неразлучников. Совсем согнувшиеся – он с палочкой, она, потряхивающая головой, – они улыбались друг другу и неяркому осеннему солнцу. Он что-то говорил, она молча кивала. Меня они не узнали. А может, просто не увидели. А я не подошла. Старость непривлекательна...

В какой-то момент он начал нагибаться, тяжело опираясь на палочку. И стал... завязывать шнурок на ботинках бабушки... негнушимися артритными пальцами... Ему удалось победить непослушный шнурок

далеко не с первой попытки. Но он справился. Так же тяжело встал. А перед этим легонько и нежно погладил её ногу, с выпирающими даже сквозь толстые колготки венами. Я замерла...

...Через полгода я приехала продавать бабушкину квартиру. Соседка по мере сил присматривала за жильём, но дом без хозяев вредничает, капризничает, как обиженный малыш, и очень быстро ветшает. Мы решили с мужем, что ездить сюда не сможем – не к кому, да и незачем.

Зайдя во двор, я попала на похороны. Хоронили старика Иваныча. Одного из неразлучников. Гроб, по обычаю тех мест, поставили во дворе, чтобы все могли проститься. Старушка сидела рядом, изредка перебирая редкие волосы на голове мужа, глядя его застывшее лицо, что-то неслышно шептала. Я не смогла пройти мимо, присела рядом. Она меня снова узнала.

– Как хорошо, что ты пришла, – словно продолжая начатый когда-то разговор, произнесла она. – Мы часто тебя вспоминали с Иванычем. Он такой умный был. Не то что я. Сильный, надёжный, он всегда решал, как нам жить, – унеслась она в воспоминания.

Я про себя удивилась. Умный? Судя по рассказам моей бабушки, именно старушка была каким-то начальником на заводе, а он – простым электриком. Бабуля их сравнивала с героями фильма «Москва слезам не верит». Сильный? Да он же такой щупленький был, невысокий.

– У него руки золотые были и голова, как у профессора, это наш директор завода говорил. Всё просил Иваныча институт заочно окончить, чтобы должность какую-то ему дать, а мой всё отмахивался: «Ерунда, мол, это ваше высшее образование». Иваныч меня на руках носил, – продолжала старушка. – Лет до шестидесяти. Потом однажды спину сильно потянул, еле разогнулся. Так я запретила себя поднимать, – улыбнулась она. – Он побурчал, конечно, но согласился. И рыдать мне запретил. Мы договорились, что не будем оплакивать того, кто раньше уйдёт. Вот я и не плачу, – покачала она трясущейся головой и продолжила

без перехода: – Он меня у жениха отбил. Я уж было замуж собиралась за одного инженера. А тут Иваныч на завод по распределению явился. Специалист замечательный, а ещё на флейте играл, стихи декламировал. Кругами вокруг меня ходил, умасливал. Так и отбил, – улыбнулась она.

– А почему вы всё время его Иванычем называете?

– Так он старше был на семь лет. Поначалу, как к старшему обращалась, по имени-отчеству, потом по отчеству, да так и прижилось. На всю жизнь, – пожевала она губами. – А он меня Асенькой всю жизнь называл. Ласково так...

– Вы его сильно любили? – то ли спросила, то ли уточнила я.

– Любила? – старушка задумалась. – Не принято у нас было про любовь говорить, не так нас воспитывали. Иваныч по молодости что-то такое про любовь упоминал. А я даже и не знаю ничего про эту самую любовь. Это у вас, у молодых, она есть. А я им живу, Иванычем, дышу. И он мной... жил, – прозрачные слезинки покатались из глаз и застряли в глубоких морщинах. – Вот не удержалась, заплакала, – покачала она головой. – Уж прости, Иваныч...

Соседка, что раньше присматривала за бабулиной квартирой, написала, что Асенька умерла на сорок первый день после похорон мужа. Сходила на кладбище, как положено на сороковой день. Убрала в комнатах, сложила стопочкой документы, пенсионные карточки вместе с пин-кодами к ним, приготовила себе одежду в последний путь и не проснулась.

Дождалась, пока душа мужа улетела из родного дома, и последовала за ним. Неразлучники не могут иначе.

Когда на меня накатывает тоска, начинает казаться, что всё бессмысленно и бесполезно, я вспоминаю заветную фразу «Иногда надо просто не забывать дышать», пожухлую траву с запутавшимися в ней листьями и заботливо завязанные шнурки на стареньких ботинках.

Жизнь прекрасна!

Наталья Волохина **Санкт-Петербург**

ДА КАКОЙ ТАМ АПОКАЛИПСИС

*(Рассказы из одноимённой
книги автора)*

Игрушка

На туристической стоянке обезьяна нашла игрушку со множеством кнопок и клавиш. Нажимаешь на них, а из игрушки – музыка и звуки разные. Обезьяне понравилось, и она до самой ночи забавлялась. Потом уснула, игрушку выронила, у обезьян ведь ридикюлей нет. Утром забавную вещицу нашла другая обезьяна и тоже играла, пока, привлечённые странными звуками, не набежали родственники да знакомые и не завязалась потасовка за обладание диковинкой. Кончилось тем, что потревоженный шумом вожак стаи явился самолично на разборки и отнял игрушку. Теперь он занимался извлечением звуков в свободное от руководящей работы время и, как самый умный, прибирал ценность в душло, откуда взять её никто бы не рискнул.

А в это время раззявы-владельцы искали пропажу днём с огнём, ругая друг друга на чём свет стоит. Но даже такие сложные заклинания не помогали. Однажды к вечеру, умаявшись, сели они напротив телеви-

зора, но тут же вскочили и разбранились ещё пуще, накликаая друг на дружку самые страшные, изошрённые кары, связанные с половыми органами и родителями.

В то же самое время одна семья, впрочем, не одна, а много разных семейств, сидели у телевизоров и удивлялись, а иногда и поругивались, используя разные генитальные выражения.

«Что за чехарда такая?!» – возмутились отцы семейств, когда политические новости или футбольный матч в самый неподходящий момент сменял слезоточивый сериал. Зато мамки радовались. Но недолго, потому что, когда в следующую минуту должно было наконец разъясниться, чей сын Хулио Херардо, вместо Марии Коровелло на экране появлялись герои мультфильма. Как вы уже поняли, дети тоже ликовали пару минут.

Лучше всего дела обстояли с программами в ночное время, но тут на любителя. Можно было всю ночь бандитские войны смотреть, а можно – и на индийский сериал нарваться. Кое-кто уже догадался, отчего по ночам только одна программа работала. А вот граждане никак не могли уразуметь, в чём дело. Гневные письма, звонки заставляли редакторов и владельцев телеканалов по всему миру буквально скрываться от разъярённого населения. Они и сами не могли ничего толком объяснить, даже себе, даже под одеялом.

Как раньше было хорошо! Всё чинно, всё по порядку: сначала «чернуха» новостей, потом «кричуха» всяких шоу, дальше «спокойка» детям, а следом – по интересам: порнуха, спорт, боевики. Теперь сигнал поступал беспорядочно, и вынуждены они были крутиться как белка в колесе, срочно меняя «...ухи» и одновременно скрываясь от гнева народного.

У растерях дела шли не лучшим образом. Парочку из них пристрелили свои же – туристы. Небольшая группа объединилась на время и вела розыскные работы по всему маршруту экскурсии, перетряхивая каждый камешек, каждую горсть земли, прочёсывая любой встречный кустик, травинку малую. Маршрут объявили опасной территорией, оцепили войсками, чтобы посторонние, не

дай бог, игрушку не нашли. И так, международная обстановка дестабилизировалась и накалилась – того и гляди, у граждан планеты терпение лопнет и мировая революция грянет. И оно понятно, не успевали граждане ориентироваться, что сейчас по какому поводу думать правильно, больно часто программы менялись по телевизору, и газеты не успевали им объяснить, по той же самой причине.

Замечательно всё было только у обезьян. Статус вожака после завладения игрушкой очень высоко поднялся, он ценным предметом умело воспользовался, башковитым оказался. Потыкать кнопки позволялось в качестве поощрения: умелым добытчикам пищи, отважным воинам – защитникам стаи, ну, и любимым самкам, само собой. Умирая своей смертью, в старости и почёте, что редко среди вожаков встречается, передал он игрушку сыну – новому вожаку стаи. С тех пор этот обычай у обезьян сохранился.

А как же люди? А люди всё маются, горе-мычные. Туристы посоветались и решили новую игрушку сделать. Что не так просто, игрушка – сложная штука.

Кого ударил Виталик?

Детей рождалось мало, и учёные сделали биоробота – мальчика Виталика. Удачный получился, совсем как настоящий. Только внутри, кроме органов разных, пружинка – для устойчивости и выносливости. Виталик рос, и пружинка росла, совсем ему не мешала, даже наоборот. Вскрикнул неожиданно Виталикова приёмная мама: «Ой! Не бери, обожжёшься!» или «Ой! Не ходи, ушибёшься!» – пружинка сожмётся, а потом вжик – и расправится. И опять играет себе ребёнок как ни в чём не бывало.

Учёные понаблюдали за мальчиком и решили, что можно серийное производство запускать. Наделали на радость бездетным родителям Петь, Кать и много ещё кого. Дети лучше настоящих – не болеют, не капризничают. Но за пружинкой производители наблюдали. И вот какая странность обнаружилась: лет после шести (у детса-

довцев и раньше) она оседать начинала потихоньку, а в исходное положение не возвращалась. В школе ещё сильнее проседала, так что к выпускному больше чем на треть уменьшалась. Изучали, отчего неполадка. Выяснили (на то и учёные), на крик реагирует. Как родитель, воспитатель, учитель, старшеклассник на ребёнка рывкнет – пружина сожмётся. В раннем детстве ещё расправляется, а уж в школьном – никак. Но побочных эффектов нет. По-прежнему не болеют, не капризничают. Старшим, главным, сильным – не грубят, слушаются.

Подросток первый серийный выпуск биодетей вполне благополучно, и решили производители ничего в устройстве пружины не менять, запустили новую серию без изменений, но промахнулись. Только новых детишек раскупили, со старыми сложности начались. Осевшая пружина стала у них выскакивать. Отчего да почему – непонятно.

А дело было вот как. Увидит биоподросток, что кто-то из сверстников ростом, силой или умом слабее, оглянется кругом, нет ли взрослых, да и побьёт товарища. Или вот ещё: узрит животинку сирую, беспризорную – и покалечит или вовсе прикончит. Дальше – больше. Стали на слабых взрослых нападать. Сначала на бомжей разных, а потом даже на учителей в школе и родителей.

Шум поднялся, мол, биороботы человека, как вид, подавляют, не досмотрели учёные чего-то там с биоматериалом, нахимичили. Исследователи божатся, что с материалом всё в порядке. Кинулись пружину проверить, тогда-то всё и выяснилось. На силу пружинка реагирует. Когда долго давят, она сжимается, а как давление ослабеваает, она срабатывает – разжимается. Старый как мир закон механики.

Пока суд да дело – причину выясняли, решение искали – новое поколение биодетей подросло. Роботы механизмы программные, рациональное обоснование своей «пружинной агрессии» сочиняли, в банды, секты всякие объединялись и под разными лозунгами людей терроризировали: «Родителей бить нельзя, а бомжей необходимо, они паразиты общества», «Не можешь

убить еврея, убей пока кошку», «Биоробот лучше человека – он сильнее и свободен от морали». Такой вот неodarвинизм получился.

А дальше вы всё знаете, всё видели, добавить нечего. Людей почти не осталось, биороботы распоясались и уже никаких оправданий не ищут. Привет всем, кто ещё жив.

Гадание на головах

Сколько не прислушивалась, не вглядывалась во вьюжную темень за окном, как всегда, пропустила. Вошёл неслышно. Очнулась, когда кресло закрипело недовольно кожаными подушками под гостем. Вздрогнула, но тут же по-кошачьи собралась, потянулась к нему, брэнча монистами, сверкая бесценными кольцами.

– Ах, какой гость, какой гость пожаловал, – упирая на «а», запела Цыганка. – Молодой, красивый, неженатый. Дай погадаю, касатик, всю правду скажу, – протянула к нему холёную руку.

– Ладно, не блажи, не первый год друга знаем, – буркнул Сам. Видно, не в настроении.

Когда весёлый, охотно подхватывал игру, пару минут, похотатывая, препирался. Сейчас сидел молча, упёршись сивым взглядом в блестящие носки туфель. Плохо дело. Цыганка мигом просекла ситуацию. Ответила в тон, со вздохом:

– Не первый, не первый десяток лет. Случилось что?

– Нет пока, но чувствую, может случиться. Муторно мне. Не складывается ничего.

– А мы сейчас разложим. Карта – она ляжет как надо.

Женщина вспорхнула, взметнув юбки, уселась в золочёное кресло за шикарный инкрустированный стол.

– Сейчас, дарагой, – снова «заакала» она, – узнаем, что было, что будет, чем сердце успокоится, чем дело кончится.

– Что было, я и без тебя знаю, мне бы чем кончится, – ворчливо отозвался Сам, наблюдая за ловкими наманикюренными пальцами.

– Порядок такой. Без порядка ничего не бывает, лучше меня знаешь. Та-а-ак. В голове у тебя белобрысый бубновый король, в ногах крестовая дама пожилая, в правой руке скипетр, в левой – держава.

– Что ты мелешь?! – вспылал гость.

– Ну, ладно, ладно, не шуми. В левой – крестовый король в фуражке с кокардой, в правой – пиковый валет при погонах с большой звездой.

– Само собой, это и так ясно.

– Под сердцем пиковая дама-сердцедайка, а на сердце пиковый туз – бумага казённая.

– Бумага изберкомовская, – подтвердил мужчина, умолчав про даму.

– А думы твои тяжкие, смутные! В голове...

– Сам знаю, что в голове, не тяни ты душу, давай ближе к делу.

Цыганка послушно замолчала. Некоторое время слышны были только шуршание и шлепки карт.

– Плохо дело – не ложится карта тебе на удачу. Один ты останешься.

– А король с валетом как же? К другому тузу, что ли?

– Нет, к шестёркам переметнутся.

– Ну, ты не завирайся, зачем им к шестёркам?

– А там безопаснее всего будет.

– А со мной, значит, опасно?

– И с тобой, и без тебя – всё одно.

– Ну а шанс есть хоть какой-то?

– Шанс, касатик, всегда есть. Только как бы этот шанс тебя не съел.

– Ты воду не мути, говори толком.

– Враг нужен, – твёрдо заявила гадалка.

– Да у меня врагов, до Вашингтона раком не переставить, – отмахнулся хозяин.

– Не тебе, шестёркам враг нужен.

– Ах, ты вот о чём. Да где ж его взять? Всех уже на эту роль перепробовали, не осталось никого. Если б Иван Васильевич в своё время Казань не взял, да Борис Николаевич вовремя её отдал, может, и был бы сейчас.

– Давай-ка я тебе на головах погадаю, – предложила хозяйка.

– На собачьих? – пошутил вяло.

– Зачем на собачьих? На человеческих.
– И много их у тебя? – недоверчиво поинтересовался Сам.

– Не особенно много, но, глядишь, что и подберём.

Цыганка выкатила из-за ширмы круглый стол с установленными по радиусу зачехлёнными шарообразными предметами. Главный наблюдал за ней иронически, как за ярморочным фокусником, но когда она сдёрнула чехол с первой головы, вздрогнул. Голова была совершенно как живая, казалось, ещё миг и, паразитально похожая на свой прототип, заговорит, встряхивая соломенными волосами, глотая окончания английских слов. Очнувшись, он откинулся назад, к скрипучим подушкам, и решительно заявил:

– Нет, этот не годится, разыгранная карта. Да и в образ может так войти, что потом не отобьёшься.

Бритая голова с длинным чубом тоже была признана разыгранной, битой картой. Жабообразную даму с причёской каре отвергли с первого взгляда, как жену-пенсионерку. Лысый мужик с зачёсанной остатками волос плешью рассмешил. А горбоносый кучерявый брюнет определён в исторический хлам.

– Ну, кто сейчас на жидов ставит. Это ж было тыщу раз. Нет подходящего человека, да и нечеловек бы сгодился. Один китаец в прошлом веке объявил врагом воробья. И получилось. Народ занят от министра до рисовода, все на борьбе с причиной массового голода, враг найден, уничтожен и власть в руках. Да, Восток – дело тонкое. Ты, конечно, не Конфуций, но, может, подкинешь идею.

– Враг, он может и невидимым быть, – задумчиво, безо всякого акцента проговорила цыганка.

– Это как? Радиация, что ли?

– Вроде того. Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что.

– Биологическое оружие? Не поверит никто. Внедряли уже, про сбор биоматериала, плохо пошло.

– На то тебе и голова.

Сам дёрнулся и покосился на жутковатый частокол.

– Пусть они думают, будто он есть, а какой из себя – каждый сам нафантазирует.

– Да-да. Слухов подбросим про жуткий вид его, про вредность. Теракт сварганим, утечку пакости...

Видно было, что идея пришлась Хозяину по вкусу, и процесс пошёл.

– Башковитая ты баба, – он со смехом кивнул на восковой музей, – хоть премьером назначай.

– Спасибо, мне и тут неплохо, – обвела она перстнями роскошную гадальню.

– Ну, сиди тут. Пока, – добавил через паузу.

И захохотал, заметив, как напряглась собеседница.

– Шутка, – жёстко закончил он, скомкав смех и придавливая грязно-снежным взглядом. – За идею спасибо. Скажи, что хочешь, – сделают.

«Чтоб ты провалился!» – пожелала про себя цыганка.

Он и провалился, но материализовался в другом месте. Иммуитет у него был к проклятиям, как у королей к яду.

Год проскользнул позёмкой, следующий наметал новые сугробы.

– Замечает, – думал сивоглазый, разглядывая через окно машины людей в противогазах. – Заметёт вражьи следы – ищи его, а воздух отравил, подлец. Плохо работаем, плохо, господа министры.

И поднял воротник пальто, пряча довольную улыбку.

Заметало пути-дороги, припорошивало могильный холм под мраморным шикарным крестом, и привязанные на него мониста пели в терцию с метелью.

Страницы автора
vk.com/club134967955
www.fb.com/BooksN.Voloxinoi2015
ok.ru/diskussi

Кристина Волчецкая

Ивдель,
Свердловская обл.

Иосиф

Иосиф сидел на крыльце своего обветшалого дома и всматривался куда-то вдаль. На самом деле он никуда не смотрел и никого не ждал. Все его мысли были заняты не прекрасным пейзажем, раскинувшимся перед глазами, а нахлынувшими и не дающими покоя размышлениями. Размышлениями отнюдь не радостными. Он был так рассеян в своей задумчивости, что и не заметил, как рядом с ним присел незнакомец.

– О чём задумался, добрый человек? – спросил путник.

Иосиф вздрогнул, будто проснулся от лёгкого, недолгого сна.

– Да какой же я добрый? Мысли мои черны как сажа, и душа моя полна грусти. Будь я и вправду добрым человеком, стал бы я гневаться? Будь я добрым человеком, стал бы я отчаиваться? Нет... я не добрый человек. Ты ошибаешься, незнакомец.

– Ну что же, случается и такое с грешными людьми, – задумчиво промолвил путник.

– Вот! В этом и дело! Грешные мы все, грешные! А как жить иначе, не знаем. Да что же я? Ты с дороги, одежда твоя запылилась, и вид у тебя усталый. Войдём в дом, поешь и отдохни немного.

– Спасибо, добрый человек. Ты опередил мою просьбу. Это стоит дорого!

Проза и публицистика

– Я не прошу с тебя денег! – с обидой воскликнул Иосиф.

– Я знаю. Но ведь не всё, что дорого, можно купить. Многие просят помощи в надежде получить её, но не получают. А ты опередил мою просьбу, – повторил путник.

– Я и без твоих просьб вижу, что ты устал и голоден, к чему мне делать вид, что не заметил этого. А быть может, гордость живёт в твоём сердце, и ты не хочешь просить о помощи. Так как же я буду спокойно спать, зная, что где-то бредёт уставший и голодный человек, которому я мог помочь, но нарочно не сделал этого?

– Да ты философ! Так отчего же ты решил, что ты недобрый человек? – с иронией спросил путник.

– А оттого, что неправильно я живу, да и не знаю, как правильно. Если бы кто-то рассудил меня и сказал, что я делаю не так... Вот вчера я приютил бездомного, а он украл у меня деньги. А ведь я дал ему ужин и ночлег. Не возьми он этих денег, я накормил бы десять таких бедняг. И теперь я зол. Я гневаюсь. А имею ли я на это право? Ведь я сам впустил его в свой дом. Значит, сам позволил обокрасть себя. А ведь это случается не в первый раз. Конечно, я тешу себя мыслью, что он накормит других, таких же убогих, а не прогуляет украденное в ближайшем кабаке. Хотя...

– Так отчего же ты не запираешь дверь и не прячешь свои богатства?

– Какие богатства?! Да и к чему? Все замки – только условности. Я же сам отдаю последний хлеб... Каждый день к дому моему идут нищие и больные, и всем им я даю приют. Почему они идут сюда, я и сам не знаю!

– А быть может, это Господь отправляет их к тебе? – еле слышно промолвил путник.

Иосиф, не расслышав собеседника, продолжал:

– Вот и ты пришёл. Наверняка потому, что слышал про чудака, который кормит бездельников! – Иосиф с отчаяньем махнул рукой и почесал седую голову.

– Нет. Я не слышал о тебе от людей.

– Прости меня, путник, я совсем не считаю тебя бездельником и понимаю, что какой бы путь не привёл тебя в мой дом, он не был лёгким. Да и тех, других, тоже не считаю. У каждого своя судьба: у кого-то лёгкая, у кого-то тяжёлая... И что тому виной, знает лишь Бог. И знает он: многих я спас от голодной смерти и холода! – Иосиф вскинул руки в небо и устремил взгляд вверх. – Но люди вокруг – они смеются за моей спиной, – тихо добавил он.

– К чему тебе знать, что творится за твою спиной? Или ты грустишь об этом?

– Нет! Нет! Мне всё равно. Считаю они меня полоумным, так что же. Меня это никак не трогает. Всё равно жить по-другому я не умею...

– Кормишь всех, поишь, а говоришь, что недобрый человек! Так отчего же? – проговорил путник, присаживаясь за только что накрытый Иосифом стол. Он отпил молока из большой глиняной кружки и, глядя в глаза Иосифу, ожидал ответа.

Иосиф задумался на минуту и проговорил:

– А оттого, что корысть имею!

– Какая же в том корысть?

– Сам не знаю. Может... хорошим для всех хочу быть? А может, гордыня? Самонадеян, может? – Иосиф пристально посмотрел в глаза путнику.

– Что же ты, на Божью помощь не уповаешь? – спросил незнакомец.

– Да как же без неё? Одному мне не справиться! – уверенно ответил Иосиф.

– Так в чём корысть?

– А может, в рай хочу? – Иосиф рассмеялся своему собственному вопросу и тут же поспешил на него ответить: – Ну, в рай мне точно не попасть!

– Отчего ты так уверен в этом?

– Нет! В рай мне не попасть. Бывает, такое отчаяние охватывает, что даже злюсь на себя. Ну, хоть вой! Бывает, плачу ночью в подушку за тех, кого приютил, за жизнь их беспутную, а им хоть бы

что – храпят на весь дом. Утром встанут горемычные и дальше идут, жизнь свою прожигают, как восковую свечку. А я и жалею, и гневаюсь.

– Что с того? Правда всегда приправлена солью... Они возвращаются к тебе?

– И такое бывает. Я ведь никого не гоню. Бывает, по несколько месяцев живут. Больные и убогие, у меня они вновь обретают жизнь. Ты не представляешь, путник, как я счастлив в своей надежде, что жизнь их изменится.

– Я представляю это немного лучше, чем ты думаешь, – улыбнулся его словам незнакомец.

– И как больно мне, когда они возвращаются к моему порогу в ещё более жалком облики. Почему так? Почему мы такие разные? Ведь все мы люди, у всех две руки, чтобы заработать себе на жизнь, у каждого есть голова на плечах. Так отчего же выходит так? Виноваты ли они или Господь создал их такими? – с грустью спросил Иосиф.

– Не властен ли горшечник над глиной? – задумчиво проговорил незнакомец.

Путник отобедал и, поблагодарив Иосифа, направился к выходу. Иосиф окликнул его, когда тот уже стоял на пороге:

– Куда же ты? Уже темнеет. В доме моём всегда есть ночлег. Или ты в обиде за мои слова? Ты прости, если обидел чем-то.

– Спасибо за всё, добрый человек. И пусть не гложет тебя мысль о том, что корысть живёт в твоём сердце. Кто знает, быть может, она и приведёт тебя в рай! – с улыбкой на губах прошептал он, а затем громко добавил: – Правду говорят о тебе люди, Иосиф. Только правда эта заключается в том, что ты добр и милосерден.

– А говорил, что не слышал обо мне. Тогда откуда знаешь моё имя?

Путник вышел и, будто не слыша заданного вопроса, тихо проговорил:

– Пусть никогда не оскудеет твой стол и не зарастёт тропа к твоему дому. И пусть корысть твоя будет другим во благо.

Девочка и море

Море раскинуло своё покрывало так далеко, что не хватило бы взгляда, чтобы окинуть его полностью. Море было её жизнью, её детством, её радостью и печалью. Сколько счастливых моментов пережила она, бегая по горячему сухому песку. Сколько слёз пролила, глядя на пушистую пену волн, убегающих за горизонт.

Для своего возраста Сашка была мелковатой. Задиристая и бойкая, она давала фору любому из мальчишек и ненавидела, когда её называли мелкой. А мальчишки, с которыми в основном она общалась, так её и называли. Она выросла на побережье. Может, поэтому, а может быть, в мать, глаза её были глубоко синими, как морская гладь или как безоблачное небо, раскинувшееся над станицей.

Мать её давно здесь не появлялась. «Зарабатывает», – говорила Сашка друзьям, хотя сама в это уже почти не верила. Мать уехала на заработки, когда Сашке едва исполнилось три, и не появлялась уже семь лет. Поэтому сильной тоски Сашка не испытывала, хотя иногда обида нахлёстывала так, что девочка плакала в подушку. Только тихо, чтобы бабушка не услышала.

Бабушка в последнее время совсем сдала и почти не выходила из дома, часто жаловалась на ноги. Девочке было жаль её, часто она упрашивала бабушку сходить на море, говорила о пользе солёной воды. На что та только отмахивалась. «Не дойти мне, Санечка! Ты беги, купайся», – говорила она, а про себя ругала свою непутёвую дочь. Первое время та присылала деньги, а последние два года от неё не было ни весточки. Женщина ругала дочь. Ругала, молилась, но верила, что когда-нибудь та всё-таки вернётся.

И Сашка верила и ждала. Сначала мечтала о том, что, когда мать вернётся, они будут гулять вместе. Она даже была готова, что кто-то будет запрещать ей заплывать далеко, ругать за невыученные уроки... Ино-

гда Сашка и вовсе грустила об этом. Как бы далеко она ни заплывала, окружающим было всё равно. И за учёбу бабушка Сашу не ругала. Говорила: «Не всем же быть умными!»

А Саша не была глупой. Но была резкой, и характер имела далеко не ангельский. Поэтому не очень-то ладила не только с одноклассниками, но и с учителями. Она часто думала о том, что ничего в мире не изменится, если она уплывёт далеко-далеко и никогда больше не вернётся назад. От таких размышлений щипало в глазах и чесался нос. И, может быть, она бы так и сделала однажды, но дома была больная бабушка, которая даже не могла самостоятельно сходить в магазин.

«Зато я свободна», – успокаивала девочка себя, но как-то нерадостно было от этих мыслей.

По выходным Сашка исчезала почти на весь день, и сколько ни допытывались у неё друзья, куда она пропадает, она ничего им не отвечала, только коротко говорила: «Не ваше дело». А секрет её был прост: она продавала сувениры, которые делала бабушка. Сашка собирала ракушки, камешки, всё это добро доставляла домой. А бабушка творила: мастерила заколки, браслетики, незамысловатые сувениры. Деньги выходили небольшие, но всё же подспорье.

Иногда Сашка просиживала на вокзале добрую половину дня, не продав ничего, а иногда ей улыбалась удача, и они с бабушкой закатывали пир. В такие дни на их столе появлялись вкусности. Бабушка выглядела здоровее и моложе. Деньги Сашка домой приносила все до копейки – знала, что всё на счету, помощи ждать неоткуда. Довольная вырученными деньгами бабушка оживала: «Ты, Санёк, в магазин сбегай, колбаски купи, сырка, сладенького чего-нибудь себе». На лице её появлялась улыбка, и она с энтузиазмом принималась за новую работу. Кропотливо нанизывала ракушки на тоненькие резинки, клеила бусинки, на невзрачные заготовки, которые тут же преобразались, будто обретая новую жизнь.

Так они и жили. Каждая своей жизнью, но крепко переплетаясь ими, как цветные ленточки на новом браслетике, сплетённом морщинистыми бабушкиными руками. Жили дружно, так как очень нужны были друг другу – просто необходимы.

По мере взросления о маме Саша мечтала всё реже. Правда, иногда закрадывались в её светлую, выгоревшую на солнце голову мысли о том, как хорошо было бы, если б она вернулась. Об отце она и не мечтала – бабушка о нём никогда не рассказывала, а может, и вовсе не знала, кто Сашкин отец. У сверстников были модные вещи, дорогие телефоны, а у Сашки – пригоршня ракушек в карманах поношенных шорт – вот и всё богатство.

«Хорошо бы, если б мама вернулась, заработала денег, а может, даже привезла содовый телефон», – думала Саша, засыпая, и от мыслей этих перехватывало дух, но она быстро себя успокаивала. Прогоняла эти мысли, говорила себе, что любит мать просто так, а не за телефоны и тряпки. Конечно, любить её за что-то она не могла, потому что ничего от неё никогда не видела. Любила просто так, хотя давно не помнила её лица и запаха. Так и жила, не жалея о скромном своём существовании, так как другой жизни не знала.

Это утро было обычным. До обеда Сашка планировала распродать бабушкины рукоделия, а потом рвануть на море. Торговля шла не очень, да и продавец из Сашки был, честно говоря, никудышный. В продаже приходилось полагаться на удачу, предлагать товар Сашка не умела. Работа эта её смущала. Иногда к Сашке подходила очередная хорошо одетая женщина с ребёнком и строгим голосом сообщала своему чаду: «Посмотри, этой девочке необходимо работать, чтобы заработать на хлеб! А ты капризничаешь по пустякам!» На что ребёнок обиженно надувал губки, а женщина снисходительно гладила его по голове и обнимала покрепче. Потом спрашивала цену, отсчитывала деньги и, качая головой, торопливо уходила прочь, увлекая за собой озадаченного ребёнка.

Иногда это на Сашку никак не действовало, иногда огорчало, а иногда она злилась. Однажды Сашка сказала, что хлеб у неё есть и теперь она зарабатывает на «мерседес». Но потом раздражение проходило, и Сашка решала, что никто не виноват в том, что она находится тут. И что судьба у неё такая. И женщины эти, и их дети не виноваты, что мать её трудится где-то очень далеко и никак не может добраться до родного дома.

Множество знакомых и незнакомых лиц, сменяющих друг друга, пёстрым калейдоскопом пронеслись перед Сашкиными глазами. Она сонно разглядывала сотенную купюру, которую успела выручить за два ракушечных браслета. Резко притормозив напротив, остановилась большая чёрная машина. От неожиданности Саша вздрогнула. Из машины вышла женщина. Красивая, холёная. Она внимательно оглядела девочку и улыбнулась.

– Сколько ты хочешь за свои богатства, девочка? – нараспев спросила женщина. Не дождавшись ответа, продолжила: – Твои родители знают, что ты тут сидишь?

Саша хотела ответить, но женщину, видимо, не очень волновал её ответ. Та продолжила:

– Я дам тебе тысячу. Этого будет достаточно?

На что Саша удивлённо закивала головой. Её не оставляло ощущение, что она знает эту женщину. Мужчина, приоткрыв окно автомобиля, недовольно смотрел то на женщину, то на Сашу.

– Глеб! Посмотри на бедную девочку! Что происходит с этим миром? Этой крошке приходится работать, чтобы выжить! Глеб! Дай тысячу!

Многозначительно закатив глаза, мужчина протянул купюру и проронил:

– «Бедная девочка!» А твоя-то где? О своей бы позаботилась!

– Глеб! Ты всегда так! Давишь на больное! Ты знаешь, что мне некуда было её забрать. Как ты жесток! – голос женщины перешёл на противный тонкий визг. Она уже не обращала внимания на Сашу и, оби-

женно надув губы, плюхнулась на переднее сидение автомобиля.

– Нина, я не хотел тебя обидеть, – последнее, что успела расслышать Саша, перед тем как машина с визгом скрылась из виду, оставляя за собой клубы дорожной пыли.

Саша растерянно стояла на обочине тротуара. В одной руке сжимая тысячную купюру, в другой – пакет с безделушками. Женщина уехала, так и не забрав их. Беспокойное чувство не покидало её. Вдруг её осенило: Нина... Как же Саша сразу её не узнала... Нина... Неужели это была её мать?..

– Мама... – тихо прошептала Саша. Радость подкатила к горлу горячей трепетной волной. Подкатила и отпустила... оставляя холодный мутный осадок. «Она даже не узнала меня. Она приехала за мной. На дорожной машине, она заработала денег... отдала тысячу, даже не забрав покупку...» – думала Саша, и отчаяние охватывало её всё сильнее. Она всегда ждала, что мама вернётся. Она мечтала об этом. Но сейчас это не радовало. Было больно, больно и обидно. Было больно за себя, за бабушку, за их скудные обеды и ужины, за заштопанные колготки и насмешки сверстников. Столько мыслей смешалось одновременно в голове девочки, что хотелось кричать. Она не помнила, как добралась до побережья. В руках она по-прежнему сжимала пакет.

Она сидела на горячем песке и думала о том, как хорошо было бы превратиться в чайку и улететь далеко-далеко. Или уплыть с косяком рыб. Туда, где её никто бы не нашёл. Но... бабушка? Как же она без неё? Ну и пусть... Теперь, о ней позаботится мать... Ведь теперь она богата... Она или тот мужчина, не важно. А ей Саше, ничего от неё не нужно.

Слёзы душили девочку. Солёные брызги, смешавшись со слезами, щедро орошали её лицо. Она раскрыла пакет и выбросила его содержимое в воду. Волны проглотили ракушечные сокровища, возвращая их морской пучине.

Она вошла в воду и поплыла, волны уносили её всё дальше и дальше. Она всегда

знала свой предел, не заплывала слишком далеко, но только не сегодня... Саша смотрела вдаль и понимала, что ничего родней этих голубых просторов в её жизни нет... И если бы не бабушка... Почему-то девочка не верила, что мать станет ухаживать за ней. Начинался шторм, она отчаянно поплыла обратно. Только сейчас Саша осознала, что заплывла слишком далеко от берега. Вокруг не было ни рыбацких лодок, ни отдыхающих на берегу – ни души. Из всех сил Саша стремилась к берегу. Ведь дома её ждала бабушка.

Уже смеркалось, когда Саша пришла в себя. Она дрожала, губы её посинели, а кожа на пальцах ног съёжились от воды. Домой она возвращаться не хотела, но усталость и вечерний холод взяли верх. Она шла домой, чётко решив для себя, что ни за что на свете не поедет с матерью.

– Ни за что! – уверенно повторила она вслух. Будто уверяя и себя, и море, и небо, смотревшее на неё звёздными глазами.

Вернувшись, положила деньги на стол и, даже не поужинав, пошла спать. Бабушка ничего не говорила о матери, и Саша, не выдержав, сказала:

– Я с ней никуда не поеду!

– С кем, Санечка? – удивилась бабушка.

– А что, её не было?

– Кого? О ком ты?

– Ни о ком... Так...

Девочка забралась под одеяло, её знобило.

Бабушка довольно обсуждала удачную торговлю. Саша почти не слышала её, она думала о своём.

Это была не мать... Значит, мечта жива?! Но мечта не возвращалась... Она упорхнула. Улетела за большим чёрным автомобилем, скрывшимся за углом привокзальной улицы. Сейчас было уже не важно, кем являлась та женщина...

– Бабушка, я с ней всё равно никуда не поеду... – засыпая, прошептала девочка.

Страница автора

www.proza.ru/avtor/volchetskayakr

Лилия Ёж Ростов-на-Дону

Находка

Даже не знаю, как я раньше жил без степи. Без живительного глотка чистого, чуть с горчинкой от изобилия полыни, воздуха. Без нежных лютиков с лакированными лепесточками, покрывающих полянку сплошным жёлтым ковром. Без сладко, до одури, пахнувшего шалфея. Без чабреца, запах которого, единожды уловив, запомнишь на всю жизнь и ни с чем не перепутаешь. Без простора. Как душа русского человека – вся нараспашку, так и степь наша: открытая, бесхитростная, вся на ладони. Вот она. Не то что в лесу. Идёшь – и оглядываешься. Шарахаешься от любого звука. Боишься неизвестности. Что там за деревом? А в степи всё просто и понятно. Вот балочка, заросшая диким тёрном. Вот куст шиповника, обильно цветущий нежно-розовыми цветами. Вот одинокое деревце. А в ветреную погоду, словно волны, колыхается трава, и так же

безгранична степь, как море, – до самого горизонта. Идёшь по степи, ветер в ушах шумит. Аж закладывает. А повернёшь голову в сторону – слышно, как кобылки стрекочут, птички щебечут. Только здесь я чувствую себя частичкой чего-то большого и живого. И страшно завидую белой завистью пастуху, которого иногда вижу под одиноким деревцем с книгой в руках. Небольшая отара пасётся рядом. Он читает или задумчиво смотрит вдаль. Счастливый человек.

Я благодарен своему бывшему однокласснику Сашке Попову за то, что показал мне степь. Взял как-то меня с собой на коп. Он впереди с металлоискателем, я сзади с лопатой. Накопали десятка три водочных пробок, кусочки алюминиевой проволоки, чермета мешок и пару монет периода царствования Николая II. Нет. Я не заболел золотой лихорадкой. У меня появилась другая болезнь – степная. Находившись по степи, намотав несколько километров по пересечённой местности, надышавшись чистым воздухом, я заснул, едва опустив голову на подушку, забыв о своей бессоннице. Следующие выходные тоже прошли в степи.

Последние два года я езжу сам. Купил недорогой металлоискатель. Да это не главное, я клад не ищу. Вроде как повод побродить по степи. А даже если и нахожу единичные монеты, пуговицы, конины¹ – подолгу держу в руке, представляя хозяина. Что это был за человек? Чем занимался? И чермету тоже радуюсь, запихивая его в мешок. Потому, что он как заноза, инородное тело в земле-матушке. И чувствую я себя в такие моменты не «чёрным копателем», как нас называют, а санитаром степи. Да. Именно санитаром.

Сегодня, как обычно, поставил машину возле куста шиповника и пошёл, глубоко

¹ Конина – медный элемент конской упряжи.

вдыхая всей грудью воздух и непонятно чему улыбаясь. Просто так, произвольно. Как это делают дети. А ведь и правда. Я сын этой земли. Вот и улыбаюсь.

На пригорке показалась знакомая отара овец и пастух. Включаю металлоискатель и, размеренно водя им перед собой из стороны в сторону, иду им навстречу. Мне хочется познакомиться с пастухом поближе. Прибор подаёт серию двойных сигналов: «Динь-динь. Динь-динь». Я останавливаюсь и копаю сапёрной лопаткой. В выкопанном коме земли оказался маленький медный крестик. Проведя ещё раз над ямкой, понял, что в земле есть ещё что-то. Копаю, и из комочка вываливается большая, тяжёлая, чуть с зеленцой монета – пять копеек 1865 года. Засыпав обратно землю в ямку и притоптав её кирзовым ботинком, направляюсь навстречу отаре, держа находку в руке.

– День добрый! – ещё издали приветствует меня пастух.

– Здравствуйте, – отвечаю, широко улыбаясь, как старому знакомому.

– Михаил, – представляется пастух, протягивая мне загорелую и крепкую руку.

– Очень приятно. Алексей.

– Клад ищете? – хитро прищурившись, кивает Михаил на металлоискатель.

– Нет. Так, больше для души. Вот только что нашёл, – протягиваю ему раскрытую ладонь. – Интересно, кому они принадлежали?

– Вы действительно хотели бы это знать? – спрашивает Михаил, сжимая мои находки в своей руке.

– Да. А вы разве нет?

Пастух возвращает мне крестик и монету. Стоит несколько минут в задумчивости.

– А я весной в овражке целую кепку таких монет нашёл, – наконец произносит он.

– Как же вы их без металлоискателя нашли?

– Я тогда коров пас. Бык копытом ямку вырыл, а там монеты.

– Интересно. Случайно или почувствовал что-то?

– Землю очистил. Это же заноза. Видно стонет земля, жалуется.

У меня аж сердце подпрыгнуло в груди. Это ж надо! Кто-то думает точь-в-точь как я.

– А ты, я смотрю, и правда приезжаешь отдыхать. Даже не поинтересовался, в какой балке я монеты нашёл.

– Я не кладоискатель. А сюда действительно приезжаю отдохнуть. Послушать природу, тишину. Я, если честно, вам завидую. А вы где живёте? – интересуюсь у пастуха.

– Да вон там, за бугром, в низине живу. Ладно. Пошли мы на водопой. Добра вам.

– И вам всего хорошего, – отвечаю я, глядя пастуху вслед. И отчего-то мне стало грустно, как будто простился с родным человеком. Овцы медленно побрели за ним, пощипывая травку.

Ночью у меня резко поднялась температура и я бредил. Было очень сильно холодно, и от этого всего колотило. Я стучал зубами и ясно видел снег. Метель кружила, наметая огромные сугробы, жалобно завывая, будто оплакивая кого-то. Даже в бреду мой мозг напрягался: откуда вдруг снег, если сейчас лето?

Но мне упорно показывали снег. Да что показывали, я его чувствовал. Снег падал мне на нос и тут же таял. Лицо мокрое. Дышать тяжело. Нестерпимо сильно болит в груди, ломят суставы и спина. И слабость такая, что хочется опуститься на землю и больше никогда не вставать. Но идти надо. Я знаю, что надо. Но куда? Зачем? Не помню. Проваливаюсь в темноту, как в яму. Тошнит.

Опять дорога. Снег. Сзади нарастающий шум. Ржут лошади. Ругаются матом мужики. Что-то кричат. Я стою и не шевелюсь.

Знаете, бывает, падает стакан или тарелка со стола. Ты можешь протянуть руку и поймать. Иногда ловишь прямо на лету, удивляя окружающих хорошей реак-

цией. А иногда тупо смотришь, даже не шелохнувшись, как падает и разбивается посуда. И такое безразличие. Вот и у меня сейчас такое же безразличие ко всему: к снегу, к себе. Тупое безразличие. Будь что будет.

Сильный удар в спину. Резкая боль раздирает все внутренности. Я падаю лицом в снег и не могу понять: дышу или нет?

Вдруг вижу себя со стороны – и не я это вовсе, не Алексей Головин, а какая-то девушка лет двадцати, в старенькой фуфайке и шерстяном платке. Но её боль и мысли передаются мне. Прямо сейчас она вспомнила доктора, к которому ходила утром. Его печальные глаза и виноватую улыбку, когда он брал гонорар за приём. Дал порошка, велел пить и отдыхать побольше. А она ему стала изливаться душой, рассказывать, как тяжело работать на шерстомойках с четырёх утра до девяти вечера, согнувшись на плотах в ледяной воде. От этого, должно быть, у неё в груди болит и кровью она харкает. А не работать нельзя. Дома мать и четверо младших. Вот сегодня получила получку, надо им отнестись, чтоб не голодали. А он смотрел на неё и кивал, кивал, как механический.

Девушка крепко, сколько было сил, сжала пятаки в ладошке. «Только бы не отобрали».

– Чё там? – спросил голос издали.

– Девку сшибли, – прогорланил другой, совсем рядом.

– Пьяная, что ли?

– Не. Похоже, чахоточная.

– Живая?

– Кончается уже.

– Сбрось её в канаву. Снегом заметёт. А то вопросов не оберёшься.

Сильный удар сапога в бок, и лёгкое, маленькое тело девушки катится в придорожную канаву, оставляя на рыхлом белоснежном снегу алый след.

Три дня я провалялся с высокой температурой. Страшно болели грудь и руки. Врачи так и не поставили мне диагноз, но я и без них знал, что со мной.

При первой же возможности еду в степь. Хочется рассказать всё пастуху. Уверен – он поймёт. Отары нигде не видно. Поднялся на высокий бугор, за которым должна быть низинка. Да. Низинка есть. Растут две берёзки. А села нет. Подошёл к берёзкам. Необычно их видеть здесь. В траве между деревцами выглядывает доска. Подхожу поближе, наклоняюсь. Крест. Деревянный, разохшийся, почерневший от времени, могильный крест. И тут только замечаю небольшой холмик, поросший травой. Выкапываю ямку рядом с могилой, кладу в неё медный крестик и монету. Покойтесь с миром.

Мариэтта Захарян

Москва

Кто там?

1

Я – Оля. Мне семнадцать лет. И что дальше? Что ещё о себе сообщить? Кто я? Что я за человек? Фиг знает. Чёрт, сразу сбилась. Ладно, начну сначала.

Я Оля... Но и в этом я не уверена. Почему именно Оля? Мне кажется, это совершенная случайность. Я с таким же успехом могла быть Катей или Наташей, или даже Мэри Энн. Не знаю, что меня связывает с этим именем. Что оно обо мне говорит. И что оно говорило моей маме, раз уж она захотела дочку назвать именно так. Хотя... откуда я знаю, чего мама хотела, если я и маму не знаю. Папу тоже. Мы как-то все не успели познакомиться.

Папы, кажется, вообще не было. Мама умерла, когда мне было пять, и, по идее, я должна что-то про неё помнить... Но я не помню. Наверное, если бы я знала родителей, они могли бы что-то рассказать обо мне. Я бы тогда понимала, кто я, зачем я, чего я хочу. Как в том анекдоте: «Мама, я хочу есть? Или мне холодно?» Только мне это не смешно. Я действительно не знаю, холодно мне или тепло. Нравится мне что-

то или нет? С кем мне об этом поговорить? Не с бабушкой же.

Мы с ней вообще не разговариваем. Она всё время на работе. А если не на работе, то смотрит телек или спит. Или спит под телек. А если не спит, то убирает. Или еду готовит. И единственные две фразы, которые я от неё слышу, каким-то странным образом связаны с чайником. Чаще всего я слышу от неё: «Там, в чайнике, вода-то есть?» Если она постоянно занята мыслями о том, достаточно ли я налила воды в чайник, то откуда уж ей знать, кто я такая и чего хочу. Вторая фраза: «Оля, вставай, чайник уже вскипел».

Я встаю. Не знаю, правда, зачем. Но знаю, что по-другому нельзя – ведь «чайник уже вскипел».

Каждое утро, проснувшись, я смотрю в зеркало с удивлением, как будто каждый раз ожидаю увидеть там кого-нибудь другого. Внутри я не чувствую никакой связи между тем человеком, кто засыпал вчера, и тем, кто проснулся сегодня. Мне кажется, я вполне могла бы сегодня быть мужчиной. Или старухой. Или Пугачёвой. Или Папой Римским. Без разницы.

То есть я, конечно, понимаю, что между мной и Папой Римским есть разница. Очень даже огромная разница. Чтобы стать Папой Римским, надо пройти совсем другой путь, который, может, начинается ещё задолго до рождения. А у меня нет никакого пути. Я не иду. Меня несёт. Точнее, я зацепилась за какую-то корягу и бултыхаюсь в воде, а поток проносится через меня куда-то дальше, мимо. Я совершаю какие-то телодвижения, но остаюсь там же, где была. И это не результат чего-то, и не итог, и не начало. Это просто метание головки вокруг своей оси. Или икринки. И из этой икринки может появиться хоть щука, хоть гупёшка – в этом смысле я говорю, что без разницы. Только я всё никак ни в кого не превращусь. А остаюсь икринкой. Заготовкой. Полуфабрикатом. И так уже целых семнадцать лет. Мне семнадцать лет, я так ещё и не родилась.

2

Я умерла. Точнее, я лежу в Шавасане. Это асана (положение в йоге), когда тело полностью расслаблено: я ничего не контролирую, я полностью игнорирую любой позыв чем-нибудь двинуть. Всё происходит в мире без моего участия. Медленно ложится пыль – на предметы в комнате, на пол, на меня. Я ничего не оцениваю, я ни на что не влияю. Звонят в дверь. Кому-то я понадобилась. А меня нет. Я никому ничего не могу дать. Но звонят и звонят. Кто там? Иду открывать.

– Меня нет.

– Вот и отлично. Я пока тут похозяйничаю.

И какой-то мужчина и правда как-то по-хозяйски отстраняет меня, входит и закрывает за собой дверь. Я не успеваю ничего понять, как я уже на диване под ним.

– Пустите меня! Что вы делаете? Я не хочу...

– Спокойно. С тобой всё в порядке. Ничего не происходит. Тебя же тут нет.

3

У меня задержка. Я не знаю, может, это и нормально. У меня не всегда месячные вовремя. Но... может, всё-таки надо у кого-то спросить. А у кого? Я иду к гадалке.

Пышная, даже слишком – даже, можно сказать, огромная женщина сидит на тахте, застеленной коврами. Её тело занимает почти всю тахту, а толстую ножку, которая кажется по сравнению с телом непропорционально короткой и маленькой, к тому же в нелепой тапочке с розовым помпоном, она положила на табуреточку. Гадалку зовут Венера. За ней, на стене, тоже завешенной ковром, висит репродукция иконы, вырезанная из журнала и приколотая булавками. Это, кажется, Богородица.

– Что хочешь знать? – спрашивает Венера.

– Хочу узнать, что делать, если беременна?

– Ну, для этого и гадать не нужно. Берёшь пижмы цветки, завариваешь крепкий настой – и в горячую ванну. Такую горячую,

чтобы прямо у-у-ух... Или можно кока-колой спринцеваться. Очень помогает.

– Да нет. Я не в том смысле. Я хотела узнать вообще...

– Что вообще?

– Ну, кто там?.. Если я всё-таки беременна, то, может, этого ребёнка ждёт какая-нибудь ужасная судьба? Может, это будущий Гитлер? А может, наоборот, какой-нибудь мудрец? Или, там, Будда?

Гадалка непонимающе смотрит на меня. Похоже мой вопрос кажется ей глупым. Честно говоря, мне тоже.

– А с чего ты вообще взяла, что беременна?

– Ну... Не знаю...

В этот момент в комнату входит парень примерно моего возраста в рэперском прикиде, модной кепке, с цепью, свисающей со свисающих штанин. Он не обращает на меня внимания и с порога говорит Венере:

– Я пошёл. Деньги дай?

– Не видишь, я работаю, имбецил? Там возьми, под Тимошкой.

– Спасибо, мамися, – говорит парень, сметая бумажки из-под фарфоровой собачки на полке. «Имбецил» целует «мамисю» в щёку и выходит из комнаты, так и не заметив меня. Гадалка тоже, кажется, про меня забыла – видно, что в голове её продолжается внутренний монолог, адресованный сыну.

– Так вы мне погадаете? – робко напоминаю я ей о нашем вроде как плане. Венера недовольно смотрит на меня. Достает одну за другой несколько карт.

– Ничего не вижу.

Я выхожу от неё успокоенная.

4

Я беременна. Вот они, две полоски на тесте. Такие отчётливые, красные. Я иду в больницу, чтобы принять таблетку. На маленьком сроке можно так сделать – я прочитала в Интернете. Это не аборт. Это просто таблетка. Да это и не беременность ещё, а всего лишь оплодотворённая яйцеклетка. Это ещё не ребёнок – просто зигота.

Приёмная гинеколога оказывается завешана фотографиями животных и их детёнышей. Обезьяны ласкают своих обезьянок. Львица облизывает своих котят-львят. Я знаю, это специально развешано, чтобы мне разбередить душу. Но мне и бередить-то не надо – у меня ж внутри не ребёнок, а просто зигота. Оплодотворённая яйцеклетка.

– Вот она, наша яйцеклетка, – женщина-доктор подтверждает мой тезис, разглядывая изображение УЗИ на мониторе. – Крепко уцепилась, сообразительная. И крупная какая. – Она достаёт линейку, что-то меряет прямо на экране. – Хм... очень крупная. Таблетка не возьмёт.

Я недоверчиво заглядываю в экран. Но там только чёрно-белая Вселенная с какими-то точками, полосами, черными дырами и Млечным путём, посреди которого что-то движется. Нажатием кнопки она останавливает эту жизнь – и на экране застывает нечто, что я совсем не могу разобрать и в чём эта женщина-врач уже видит жизнь. Там, где, мне кажется, ничего нет, эта «Кассандра» видит что-то, что уже есть и уже имеет какие-то характеристики – «крупная», «крепко зацепилась», «сообразительная». Это кто? Зигота сообразительная?

– Слишком развитая для этого срока, – продолжает «Кассандра». – Таблетка не возьмёт, потом придётся выскребать. Так что давайте лучше всё-таки вакуумный. Вот только сегодня поздно, бригада ушла уже. Приходите завтра. Хорошо?

Я иду домой. У меня в руке снимок, на котором – космос. Вот так выглядит мой внутренний мир. Даже не знаю, верю я в это или нет... Но я знаю, что во второй раз уже не приду в тот кабинет. Ведь у меня внутри

не какая-то «зигота», а тигрёнок, котёнок, обезьянка. Мой сынок или доченька.

А ещё я знаю, что мне сейчас очень хочется... рукколы. Странно, я ведь никогда раньше её не ела. Ну, так, в гостях в салате, но чтобы прям отдельно... А вот сейчас вдруг поняла – хочу именно рукколу. Руккола! Неплохое было бы имя для дочки.

5

– Бабушка, а ты не знаешь, почему меня Ольгой назвали?

– Знаю. В честь моей мамы, Ольги Павловны. Твоя мать её очень любила. Она ж её и вырастила вообще-то.

– Так значит, мама тоже росла со своей бабушкой. Как и я? А почему ты не говорила?

– Ты не спрашивала, вот я и не говорила. А что?

– Думаю, как дочку назвать.

– Что? Беременная?

– Да.

Бабушка молчит. Потом произносит фразу, которую я никак сейчас не ожидаю от неё услышать:

– Посмотри, там, в чайнике, вода есть?

Не знаю, что сказать. Может, она не услышала меня. Может, не хочет слышать. А может, ей вообще всё равно. Я в какой-то прострации иду ставить чайник.

– Ну, и что надумала? Как назовёшь?

– Не знаю. Может, в честь тебя назвать?

Страницы автора

www.facebook.com/100001675503337

www.kinopoisk.ru/name/1655627

Татьяна Летова

Подольск,
Московская обл.

Жизнь понарошку

(Продолжение. Начало в № 1/2019)

Глава 4

Сладкое слово «свобода»

С самых нежных лет я была девочкой скромной и послушной. Наверно, по первым трём главам легко догадаться, что я всегда находилась под неусыпным маминым надзором. Каждый мой шаг за пределы дома невероятным образом был отслежен и проанализирован мамой. Заметьте, это происходило во времена, когда не было сотовых телефонов и прочих гаджетов и даже стационарные аппараты имелись не во всех семьях.

У нас с мамой был только огромный надувной красный телефонище. Точно с таким же выступал артист комедийного жанра Полунин в своей знаменитой сценке «Асияй любовь». И больше никакими предметами роскоши мы с мамой не располагали. Возможности контроля надо мной у мамы были весьма и весьма узконаправлены, что нисколько не мешало ей быть в курсе всех моих событий. Моей маме не довелось ро-

диться мальчиком, иначе она точно служила бы в разведке.

Как только вечерами мы усаживались за стол трапезничать, мама начинала «допрос». Каким образом ей удавалось разузнать мельчайшие подробности событий моего дня, уму непостижимо! Пока мы ели, я, совершенно того не желая, рассказывала ей обо всех своих происшествиях. Мама умела поставить вопрос так, что не выкрутиться. Несмотря даже на то, что я была по-лисий хитра и разумна. Но только не с мамой!

Если же я пыталась что-то от неё утаить, смолчать или, ни боже ты мой, обмануть маму, то она объявляла мне строжайший бойкот. Бойкотировать меня она могла очень долго. Мамина обида выдерживалась в ней и настаивалась, как элитное вино в Массандровских бочках. Обида плескалась в ней и пыталась вырваться наружу, но мама держала паузу. Она знала, что я не выдержу такого игнорирования и сама лично попрошу её выслушать все мои секреты. Не просто попрошу, а буду уговаривать её присесть и послушать меня. Так всегда и было...

Когда я училась в школе, несколько одноклассников жили со мной в одном дворе. Новости сами стекались маме в уши из уст родителей этих ребят. О том, во сколько я пришла домой, с кем пришла и когда вышла из дома, маме докладывали соседки. Дворик у нас был маленький. Все соседи находились почти в родстве – настолько были дружны. О каждой семье во дворе все и всё знали. Этакая большая дружная коммуна. С одной стороны, хорошо, когда рядом с тобой столько друзей и знакомых. Но, с другой стороны, напрягал тотальный контроль и всезнание всех и обо всём. Когда мама принесла мне собрание книг, пользующееся в то время большим спросом, «Всё обо всех», я закатила глаза к небу:

– Написано по мотивам ваших посиделок с соседками?

– Что б ты понимала, Динка! Посиделки – это святое! На, бери и читай. Просвещайся!

Посиделки соседок в нашем дворе – особая тема, которая, если её описывать

подробно, может смело конкурировать по объёму с «Войной и миром». Столько новостных сплетен было сплетено соседками нашего двора! Сколько тонн вкуснейших жареных семечек было съедено за откровенными разговорами во дворе. Шелуха от семечек покрывала их грудь, подол, сыпалась за пазуху. У некоторых висела тонкой струйкой на подбородке. И при всём при этом разговоры не утихали. Весёлым полукругом соседки нашего двора – и моя мама в их числе – могли просидеть с полудня до позднего вечера. Сверчок обиженно замолкал, а они всё болтали и болтали субботними вечерами.

Всё это я веду к тому, чтобы вы прочувствовали, как сладостно для меня было ожидание свободы. Мне предстояло вырваться из этого замкнутого круга тотального контроля. Это будет уже не школа, всё гораздо серьезнее. Без соседских детей, рассказывающих потом всё своим мамам.

Училище находилось далековато от моего дома. В таких случаях мы обычно шутили, сколько собачьих упряжек и лошадиных троек нам приходилось поменять, чтоб добраться до места нашей учёбы. Но пока я только высчитывала в уме, когда же смогу пребывать на свободе и как долго. С утра и до вечера без контроля! Ура!

А вдруг я не такая хорошая девочка? Хотелось хоть раз в жизни сделать что-нибудь запретное. Прогуляться с мальчиком по парку или с подружками устроить развесёлую вечеринку с гаданиями.

Гадание на суженного – это отдельная история. Собирались мы дружной и заинтересованной кучкой. За две недели договаривались о встрече у кого-нибудь на квартире. Ожидали сие событие с трепетом. Но как только мы встречались стайкой веселушек, то вместо гадания начинались танцы.

Однако нас не так смешили забавные танцы или истории, которые рассказывали девочки, как гадания на блюде. Весь смех, который копился в тебе во время произношения «ритуального обращения» к какому-нибудь гному, выплёскивался в самый

неподходящий момент. Хохотать хотелось так, будто ты не смеялась лет сто.

Девочки, серьёзно настроенные на созерцание суженного на дне блюда или в глубине зеркала, кровно обижались на нас – тех, кто гоготал во всё горло и мешал ритуалу. Я же входила в число хохочущих раскрасневшихся гадалщиц. Мне было ни капельки не стыдно, потому что не верилось и не боялось совершенно...

Это всё было потом. Перелистывая странички моей учёбы в педагогическом училище, теперь я вспоминаю их с завистью и теплотой. Сама себе завидую. Тогда у меня всё ещё было впереди. Вся жизнь переливалась в моих глазах яркими гранями и призывно манила. Я только-только начинала превращаться из гадкого лисёнка в хитросделанную лисицу с гордо приподнятой бровью и виляющим пушистым хвостом. Перемена места учёбы повлияла на меня так сильно, что спрятанная глубоко во мне храбрая умница и красавица выпрыгнула с выбросом рук вперёд и криком «Эхе-хей! А вот и я!».

Так как в школе я училась хорошо, для успешного поступления в педагогическое училище мне достаточно было посетить подготовительные курсы. Никаких вступительных экзаменов я не сдавала. Надо было только прийти на собеседование, впечатлить серьёзную комиссию и впечатлиться самой.

В тот самый день меня с утра трясло мелкой дрожью. Мама отпаивала меня чаем и настраивала на позитив. Мысли в голове тоже тряслись и бешено меняли картинки. Первая картинка была такова: грузная преподаватель из приёмной комиссии обливает меня холодной водой из мутного графина. Мне казалось, что ей не понравится длина моей юбки. Нас ещё на подготовительных курсах настоятельно предупреждали: «Девочки, дорогие наши абитуриентки, во-первых, вы будущие студентки педагогического учреждения и педагоги, а во-вторых, на экзамен нельзя приходить в поясе под названием “юбка”. Нельзя красить глаза и губы. Вы должны быть целомудренны как внутри, так и снаружи».

Короткие юбки я сама не очень любила. Несмотря на стройные ноги, длинные юбки мне нравилось носить больше.

Вторая картинка рисовалась мне такой: я снова в авиационном техникуме, директор которого мне сообщает: «Вы настолько дубообразная, Дина Ожерельева, что вас не взяли в педагогическое заведение! Не ходить вам теперь в белом халатике и не засовывать ручки в карманчики. Лезьте-ка, милочка, в самолёт, причём со стороны хвоста!» – «Зачем?» – пишу я виновато. – «Изучать, из чего сделан летательный аппарат!»

Нет, нормально? Значит, для того, чтобы стать педагогом, я не подхожу, а вот инженером-исследователем мне в самый раз!

Картинки менялись, воображение у меня работало на износ.

В назначенное время я сидела у кабинета, в котором шло заседание приёмной комиссии. Глуповато улыбаясь, я теребила края длинной чёрной целомудренной юбки. Белая блузка с розой на плече завершала благочинный образ будущей Мери Поппинс. О чём меня будут спрашивать, я не имела ни малейшего понимания. Из аудитории изредка выходили девочки, которых вызывали раньше меня. Кто-то – грустно и медленно, а кто-то – бодренько и радуясь. И вот, словно голос из преисподней, сопровождаемый гулом в моих ушах, прозвучало:

– Дина Ожерельева, проходите. Следующая – Татьяна Золотухина.

Отклеив себя от стула, на ватных ногах походкой старого алкоголика я вошла в большой кабинет. Ещё бы чуть-чуть, и я, цепляясь за стены, упала бы в обморок. Видя это, преподаватели еле заметно улыбнулись. Некоторые опустили головы и прикрыли лицо, чтоб посмеяться тактично. Мутный графин – не плод моей фантазии! Он чинно стоял во главе стола. Роза на моем плече заплясала кадрили, щёки запылали алым заревом.

– Вам плохо, Дина? – спросила секретарь, пригласившая меня в аудиторию. – Может, воды дать?

– Нет-нет, – пропищала я, косясь на мутный графин, – всё отлично.

– Присаживайтесь, назовите свои фамилию, имя и отчество. Сколько вам лет, где учились?

Вопросы посыпались на меня, как из рога изобилия. Волнение перемешало их, выдавая такой вариант ответа:

– Иванова Дина Ожерельевна, училась шестнадцать лет в средней школе № 49.

И тут комиссия взорвалась таким смехом, что я и не ожидала. Они хохотали все одновременно, как одно лицо. Наконец, отсмеявшись, они посмотрели на меня таким ласковым взглядом, что я сама себя пожалела и успокоила.

– Диночка, может, вы не знаете, но это не цирковое училище, а педагогическое.

– Как не знать, знаю!

– Вам шестнадцать лет? Или вы всё-таки учились шестнадцать лет в школе?

– Да, я училась шестнадцать лет.

Комиссия поняла, что с этим вопросом пора завязывать. Тему тут же сменили.

– А почему вы поступаете именно к нам?

У меня перед глазами пронеслись опять картинки: воспитатель Аринки, у которой глаз дёргался, толпы детей на участке в детском саду, сама Аришка в шоколадных родинках и, наконец, почему-то пролетел в голове самолёт в разрезе, как на картинке в авиатехникуме. Я собралась с мыслями и всё же ответила, как меня учила мама:

– Детей вот люблю...

– А что вы ещё любите?

– Что ещё люблю? Балет люблю.

Комиссионные головы опять наклонились и мелко затряслись от смеха.

– А какие у вас увлечения? Чем вы увлекаетесь в свободное время?

– Стихи пишу.

Глаза у преподавателей уважительно расширились. Пожилые мужички и презентабельного вида женщины закивали и стали переглядываться с явной завистью к моим увлечениям.

– А можете нам прочитать что-нибудь из своего?

– Конечно, могу, – ответила я, встала в нужную позу и, поправив розу на плече, начала декламировать:

– Копчёная колбаска, сырочек и сальце,
 Всё это вызывает улыбку на лице.
 Облизывая губы, на кухню иду,
 Всё, что душе угодно, в тарелочку кладу.
 Пускай уж ночь на улице, спит и храпит сверчок.
 А мой голодный злой живот бурчит, как старичок.
 Ну разве я могу себе любимой отказать?
 И я решила для себя – мне вредно голодать.
 Всё так же улыбаясь, я отправляю в рот
 Трёхслойный и вкуснейший огромный бутерброд.
 Я ем и ем, себе ни в чём не смея отказать,
 И вдруг заметила: я в дверь не стала пролезать!
 Дверной проём стал для меня препятствием большим,
 Ах, неужели оттого, что ем я от души?!
 И я, чтоб взвеситься, с трудом разделась до трусов,
 Так жаль, но я сломала парочку весов.
 Весы пыхтят, а стрелка машет – СТО КИЛО!
 Где телефон? Спасите! Скорая! Алло!
 Я, стоя на весах, нашла теперь ответ,
 Я знаю, почему ломался подо мной паркет!
 Вареники, картошка, бутерброд,
 Я объявляю вам решительный бойкот!
 И чтоб над телом над своим не издеваться,
 Продуктами теперь я буду любоваться!

Сначала в аудитории повисла гробовая тишина. Может, оттого, что кабинет большой и до комиссии с опозданием доходили мои слова. Я прочитала свои вирши и замерла. Над мутным графином медленно пролетела жирная муха. Её жужжание было слышно отчётливо и издевательски.

– Вы свободны, Дина. Идите, – наконец раздалось в тишине.

Шепча себе под нос «Блин! Блин! Блин!», я опрометью выскочила из кабинета. Откуда прыть взялась и смелость! Ну, вот и пропала моя учёба в педагогическом. Прощай, Сухомлинский. Не грусти, Крупская. А мамина мечта не сбудется никогда.

Я даже не слышала, как умирали от хохота все преподаватели из приёмной комиссии. Танюша, которую вызвали следом за мной, через несколько дней рассказала об этом. Они буквально выжимали носовые платки. Слезы лились вёдрами.

– Жаль, что у нас не цирковое училище. Такие кадры пропадают. Но надо девочку взять. Хорошая. Итоговые школьные оцен-

ки у неё приличные. И на подготовительных курсах все контрольные на пять и четыре написала.

Так решилась моя судьба, и я попала в мир, который понарошку. Мир, где игра важнее всего на свете. Здесь готовили будущих Понарошкинцев, то есть тех, кто будет всю жизнь работать в детском саду и играть в детство. Мир, где воспитатель ежедневно увешан гроздьями малышей и постоянно обмазан детскими козюльками, кашами и сладкими соусами от запеканки. Нас, будущих дошкольных работников, подковали на всё это очень здорово.

Глава 5

Дружить нельзя поссориться

– Динка, ты только умей разбираться в людях, – расщёлкивая семечку и глядя куда-то вдаль, сказала мне мама.

– Это как? Расскажи, пожалуйста, – отсыпая себе горсть из маминой горы, спросила я.

Когда мама нажарит семечек полную сковороду, то у неё возникает непреодолимое желание поучать меня и философствовать о жизни. Под мерное потрескивание чёрной кожуры на меня начинают сыпаться советы и, в лучшем случае, пожелания. В худшем случае мамина семечная философия доходит до критической отметки, когда мы можем рассориться в пух и прах.

– Вот ты у меня молодец, дочка, – продолжала мама между расщёлкиванием вкуснейшего лакомства, – поступила в училище, да без экзаменов. Я тут сидела недавно и думала, какая ты у меня умная выросла.

– Да уж, мам, видела бы ты, как я опозорилась на собеседовании.

– А что такого случилось?

Пришлось рассказать о шестнадцати годах обучения и моём новом отчестве Ожерельевна.

Я думала, что она начнёт сейчас хохотать от души, а мама расширила глаза и застыла. Минуты две она сидела неподвижно. Потом изрекла:

– Господи... Это тебя сглазили. Точно.

– Ага, сглазили, как бы не так. Может, у меня в сумочке лягушачья лапка и пупочек дождевого червяка лежат, надо посмотреть. Мам, ну что ты, смеёшься, что ли? Волновалась я, и этим всё сказано. Не публичный я человек.

– Ой, доченька, бедная моя. Ну ладно, всё позади.

– Наоборот, мамуль, всё впереди. Столько лет учёбы, потом работа в садике. Всё впереди.

– Ты, главное, Динка, разбирайся в людях.

– Ты повторяешься, мам.

– Могу ещё раз сказать. Ты у меня такая добродушная, будешь всех жалеть, помогать бесплатно.

– А кто ж за плату помогает? Конечно, буду помогать, на другое не надейся.

– Сначала себе помоги, потом подружкам.

– Да, мамуль. Дружить нельзя поссориться.

Поставить запятую в этом предложении для меня всегда было очень сложно. Буду-

чи сердобольной девушкой, я подкармливала кошек во дворе, отгоняя от них собак. А потом несла угощение и собакам, отгоняя теперь уже кошек. Вместе столоваться они никак не хотели. Враждовали громко, лишая друг друга возможности поесть миролюбиво.

В школе я давала списывать уроки всем, кто только попросит. Правильно или неправильно я выполняла домашнее задание – это уже другой вопрос. Главное – поделиться с товарищами. А дальше уже не мои заботы, если я получала четвёрку, а списывающий друг тройку. Я никогда не умела говорить чёткое «Нет!», особенно тем, кого мне было очень и очень жалко. Я готова была объять весь мир, в ущерб себе и в угоду моим друзьям, сделать для них всё, чего бы они ни попросили. Этим моим недостатком пользовались многие знакомые.

Вот и первые дни учёбы. Полная аудитория девчонок. Даже непривычно было не наблюдать мальчишек-одноклассников и не слышать их грубоватый смех.

Я с интересом рассматривала свою группу. Вот тройка светловолосых невысоких девочек. Они сидели, тихо перешёптываясь и озираясь вокруг. Вот две подруги хотали в голос и с интересом обсуждали всех находящихся в классе. Кто-то вёл себя раскованно, кто-то сидел молча, глубоко задумавшись о чём-то своём. Мы ждали первую лекцию.

Я сидела и рисовала ручкой узоры на последней страничке тетради. Тут ко мне подошла фигура и спросила:

– Привет, можно с тобой сесть?

Я подняла голову. Передо мной стояла девчонка невысокого роста, со вздёрнутым носом и прыщиком под ним. Она улыбнулась мне, а я ей.

– Конечно, можно. Садись. Пирожок хочешь?

Не знаю, почему мне захотелось спросить именно это.

– Буду, давай.

Я полезла в сумку и вспомнила, что не взяла мамины пирожки. Утром, перед по-

ездкой на учёбу, она мне их три раза засовывала в сумку, а я три раза вытаскивала. Я победила утром, о чём сейчас пожалела.

– Ой, извини, пирожки дома остались.

– Ну, ничего страшного, поедим в столовке. Меня Аней зовут. А тебя как?

– Дина.

– Будем подругами, – Аня похлопала меня по плечу. – Я вижу – ты классная. Я тоже ничего. Видела тебя на практике летом. Жаль, надо было раньше познакомиться. У тебя парень есть? – неожиданно спросила моя новая знакомая.

– Ее-е-есть, конечно, – соврала я, чуть поднимая голову для правдоподобности ответа.

– А у меня нет, – захохотала Аня, щёлкнув меня по носу. А я тут же почувствовала себя распущенной девушкой.

– Ань, да я пошутила. Ты что, шуток не понимаешь? Нет у меня никого.

– Дин, я тоже пошутила, есть у меня парень. Игорьком зовут. Слушай, а это не ты на практике трубу одним мизинцем несла?

Мы расхохотались обе. Причём Аня смеялась в голос, немного подвизгивая, а я хихикала глупеньким смешком, готовая провалиться под землю.

Так я познакомилась с моей первой подругой в училище. Надо сказать, мама частенько меня называла магнитом для неудачников, обиженных и хулиганов. Магнит сработал. Чуть позже я узнала, что Аня живёт у тёти, так как её мама умерла. Мне было очень жаль подругу! Однако я солгу, если не скажу, что с ней у нас впоследствии нашлась масса общего...

До того, как осенним первосентябрьским днём училище распахнуло двери для желающих учиться, студентов собирали на трудовую практику. Это было обязательное условие в становлении нас как педагогов. Труда бояться – не быть воспитателем!

По утрам мы встречались всей группой и получали задания на день. За выполнением этих заданий мы и знакомились, и узнавали об училище новые подробности, которыми щедро делились девочки постарше.

Нам поведали обо всех преподавателях, с кем можно смело подружиться, а кого бояться и падать в обморок при встрече. Конечно, пока мы лично не познакомимся с коллективом учителей, особо не верили этим рассказам.

Быть примером для подражания в трудовой деятельности особенно не хотелось. Хорошо, если задание было лёгким, например, протереть столы и стулья в одном из классов. Кто-то из девочек яростно натирал тряпкой стулья, переворачивал их в поисках грязного пятна. Я же могла тереть одно и то же место на столе по полчаса, ведя интересную беседу с какой-нибудь девочкой. Потом я долго брела из одного конца длинного коридора училища в другой, до туалетной комнаты. Там, напевая себе под нос незамысловатую мелодию, я полоскала ветошь и снова отправлялась в долгий путь по коридору. Время шло: как говорится, «солдат спит, служба идёт».

Однажды нам дали задание перетащить тяжёлую трубу из одного места в другое. Такого безобразия я не могла себе позволить. Девочек, к счастью, было много. Мы договорились, что одновременно наклонимся, дружно возьмёмся за трубу и понесём. Вместе со всеми наклонилась и я. Девочки несли эту тяжеленную штукину, пыхтя и надрываясь. Громче всех пыхтела я, надувая щёки якобы от тяжести. И тут мне стало дико смешно, а сдержаться не было сил. Я увидела, что рядом со мной идёт девочка, которая, так же как и я, несёт трубу одним мизинцем правой руки. Она тоже заметила мой мухлёж и прыснула от смеха в ответ. Как оказалось, это была Аня, моя новая знакомая...

Учёба только началась, но уже порядком успела нам надоеть. Хотелось праздника. Не только мне, но практически всем девочкам из группы. В минуты лекционного апофеоза, в котором находился преподаватель, я начинала грустить и рассматривать всё вокруг.

С портрета, который висел над доской, мне в душу смотрела соратница Владимира Ильича Ленина Надежда Константиновна

Крупская. С тяжёлым укором она гипнотизировала меня и будто вопрошала: «Что, скучаешь? Ай-яй-яй! Почитала бы лучше меня!» Преподаватель по педагогике однажды на лекции спросила у нашей группы:

– Кто читал Крупскую?

Все как один опустили головы и заковыряли пальцами на столах. Стыдно было признаться, но мы не читали Крупскую. Ужас, охвативший преподавателя, передался и нам. Она схватилась за сердце, чуть пошатнулась и громко воскликнула на всю аудиторию:

– Как?! Вы не читали Крупскую?

Именно эта фраза стала потом знаменитой в нашей группе. Как только кто-то в чём-то провинился, помимо упрёков, в его адрес дополнительно летел вопрос: «Может, ты ещё и Крупскую не читала?..»

Слева тосковала Анька, изредка записывая то, что нам диктовали. Справа от меня наводила марафет одна из красавиц группы. Она так ловко орудовала щёткой для туши, что можно было только позавидовать. Поплёвывая в тушь-плевалочку, красавица яростно растирала чёрную массу. Плевки не остались незамеченными преподавателем. Математик насторожился:

– Колхозницы, может, хватит семки щёлкать? Кто плюётся?

В аудитории захихикали. Красавица с густо накрашенным одним глазом заморгала ресницами, которые норовили склеиться, и затихла.

Математик нас всё время называл колхозницами. По какому только праву, непонятно. Он мог стоять у доски и прогнозировать наше будущее: «Вот окончите учёбу, повыходите замуж за трактористов и станет на несколько колхозниц больше в нашей стране!» Мы смеялись, но в душе было обидно. Что за намёки? Мы ничего не имели против трактористов, но покидать миллионный город и ехать в деревню никто не собирался. Если только девочки, которые приехали оттуда и собирались вернуться с дипломом в родные пенаты. Может, поэтому многие из нас не любили математику. Я

лично ненавидела эти занятия ещё и потому, что алгебра и геометрия мне совершенно не поддавались.

Снова воцарилась тишина. Слышно было, как забурчал голодный живот у Аньки.

– Динка, как математик считать закончит, давай смотаемся куда-нибудь, а?

В первый раз, когда я услышала от подружки этот вопрос, я обомлела. Такая примерная девочка, как я, и вдруг прогуливать занятия? Да я в школе даже и подумать об этом не могла. Мне стыдно было даже болеть, лёжа дома с температурой. Как это так? Пропустить учёбу? Да несите меня семеро и прямо на занятия за парту!

Но моя подружка так спокойно предложила это почти подсудное дело, что я недолго думая согласилась.

Впервые в своей жизни я прогуливала занятия. Делала это с тяжёлым чувством, сдобренным большой порцией сожаления и страхом перед мамой. Я забыла, что тайное всегда становится явным, и играла с огнём. Вместо учёбы мы с Аней ели мороженое в кафе и секретничали.

Вечером я удостоверилась в том, что никто не узнал о том, что я прогуляла лекцию. Маме никто не доложил, не настучал, почти как в азбуке Морзе, что её расчудесная дочка не пошла на нелюбимое занятие, а смело наслаждалась вкусным мороженым в обществе не менее смелой подружки. Меня это воодушевило и успокоило мои внутренние терзания.

Второй прогул занятий прошёл гораздо веселее. Мне понравилось испытывать эти колюще-режущие ощущения, когда ты, опасаясь, что тебя поймут на выходе из училища, трясешься как осиновый листочек. Но вот ты подходишь к выходу из здания. Чинно беседуя с подружкой на педагогическую тему, ты киваешь головой в сторону вахтёрши и покидаешь училище раньше окончания занятий. Ужас, охвативший тебя до этого момента, отступает, и свобода принимает в свои объятия.

Однажды сентябрьским утром запыхавшаяся Анька сообщила мне, что в наш город приехал луна-парк из Чехословакии.

Невиданная редкость и диковинка для советских детей и взрослых. Перед одним из крупнейших стадионов города развернули настоящую развлекательную площадку. Тут были и аттракционы, и вагончики с лотереями, и комната страха. Продавали жевательную резинку и разные пахучие конфеты, запах которых просто сводил с ума. Ну, не пахли тогда наши конфеты бубль-гумом и кока-колой. В лучшем случае – клубникой, в остальных – лимоном. А тут целое царство заморских конфет и жевательных резинок.

Невероятные аттракционы, билеты на которые были доступны любому. Опустошившим карманы в этом парке людям порой не хватало даже трёх копеек на проезд домой на трамвае. Именно столько стоила поездка в то время.

– А теперь аттракцион «Прокати меня, трамвай!», прошу передать деньги за проезд, – надрывался в рупор водитель, тщетно пытаюсь получить оплату.

Трамвай набивался битком, а до водителя редко доходила и половина общей суммы за проезд. Раньше пассажиры сами честно передавали деньги. Как вспомню этот факт, аж не верится...

– Динка, сегодня идём в луна-парк! Там такие мальчишки-чехи работают. Я вчера туда ходила. Просто с ума сойти, как хороши!

Анька закатила глаза. Они нырнули куда-то далеко, но, видимо, ничего не обнаружив там, где должен быть мозг, быстро вернулись обратно. Я не собиралась никуда идти. Смелость смелостью, свобода свободой, но учёбу никто не отменял. Я всё-таки порядочная и организованная девочка.

– Аня, на следующей неделе контрольная по психологии. Седа Гришаевна обещала устроить нам жесть. Мне бы не хотелось получить «пару».

– Вот ты какая, да? Подружка, блин! Тебе какая-то психология дороже, чем переживания подруги? А вдруг я влюбилась?

– Влюбись в Седу Гришаевну и в психологию!

– Ах так! Иди ты знаешь куда!

– Иди сама! – я порой бываю непреклонна и сама себе аплодирую стоя.

Недолго думая Анька схватила свою выдавшую много сумку и отправилась на последнюю парту в знак бойкота. Ну и ладно. В тот момент такое положение дел меня устраивало.

До конца лекций по психологии я буквально чувствовала спиной, как меня прожигает взгляд моей подруги. Я же, задрав нос, сидела спокойно и старательно делала вид, что внимательно слушаю преподавателя. Парочку раз вызывалась отвечать у доски и один раз устно ответила с места. Это здорово злило Аньку, а меня раззадоривало. Но, сказать честно, мне всё же очень хотелось поехать в этот луна-парк и посмотреть, что ж там за красавцы такие работают.

Глава 6

Почти что преступление и реальное наказание

Тяжело дыша, я бежала в полной темноте. Вдруг впереди появился слабый намёк на то, что там находится выход. Обнаружилась совершенно не свойственная мне невероятная быстрота бега. Обычно на занятиях по физкультуре я бегаю весьма скромно, лишь делая вид, что стараюсь. Спорт – это, извините, не для меня. Из всех спортивных атрибутов я знала только «коня», и то не умела через него прыгать.

Кто-то звал меня в этой темноте, что ещё больше заставляло ускориться. Невольно я вспомнила картинку из учебника по математике, которую рассматривала ещё в начальной школе. На этой картинке были нарисованы животные и их скоростные возможности. Самым быстрым был гепард. Он развивал огромную скорость – сто десять километров в час. И вот бегу я со скоростью трёх гепардов в секунду, а в мыслях только одно – поскорее бы выбраться наружу из этой крошечной тьмы. Наконец я выбежала из помещения на улицу. Вслед за мной выкатился пустой вагончик из «Комнаты страха», потом выбежал парень и схватился за сердце. И в довершение безумной гонки медленно вышла, сотрясаясь от смеха, моя Анька. Она со-

гнулась почти пополам, всхлипывала и не могла даже разогнуться.

Тяжело дыша раздвинутыми в стороны ноздрями и яростно швыряя глазами молнии, я готовилась кровно поругаться с подругой. Отходя от пережитого ужаса, я ждала, когда же Анька отсмеётся вволю и подойдёт ко мне. Но первым ко мне подошёл парень и, мотая головой влево и вправо, на ломаном русском языке спросил:

– Девушка, вы почему выпрыгнули из вагончика?

– Из какого ещё вагончика?

– Вот из этого! – парень указал на пустой вагончик в форме страшного окровавленного чудища.

И тут до меня стало доходить, что всё-таки произошло...

– Доброта всегда побеждает зло, а дружба побеждает доброту, – изрекла моя подруга, подходя ко мне после лекций со своей потёртой сумкой.

– Что за глупость ляпнула? – спросила я, не совсем понимая, о чём говорит Аня.

– А зло побеждает дружбу. Круговорот зла в природе.

– Это ты долго придумывала, Ань?

– Пока ты звездил на психологии. Динка, давай не дадим злу победить нашу дружбу?

– Давай, Анька. Я согласна.

– Мир?

– Конечно, мир, Ань!

– Тогда пошли в луна-парк?

– Ну, что с тобой сделаешь, пойдём.

После занятий мы решили отправиться в парк. Я чувствовала каждой клеточкой своего тела, что добром это не кончится. Вернусь домой поздно, и мама «порвёт меня на лоскуты, потом сошьёт их заново и опять порвёт». Но душа требовала экстрима, который обещала моя подруга. Я хоть и хорошая девочка, но рисковая.

Когда мы приехали в луна-парк, дело уже шло к вечеру. Мы решили посмотреть всё, быстренько оббежав аттракционы. Народу в парке было много, и поэтому бояться было нечего и некого. Мои глаза разбегались в разные стороны, уши вибрировали в

такт модной иностранной музыке, которая тоже являлась тогда диковинкой, редкой, как зимнее солнышко. Повсюду царили радостный хаос и веселье, несмотря на будничность день. Что же здесь будет, когда наступят выходные? Так интересно! «Ничего, – успокаивала я себя, – ещё успеем приехать в субботу и подробнее всё рассмотреть».

– Динка, куда пойдём? – сказал мне только Анькин рот, потому что глаза и нос её уже были повернуты в сторону аттракциона. Как ей так удалось?

– Ой, не знаю, Анечка. Так всё красиво! Нет слов, как здорово! Какая ты молодец, что привезла меня сюда.

– Хорошо хоть, призналась сама. Ладно, посмотри, какие лебеди шикарные, пошли туда.

– Хватить «пошлить», Анька. Говори правильно: «Пойдём туда».

– Выскочка ты, Динка. Вечно поучаешь меня.

– А если у тебя доля такая: жить век и весь век учиться!

Анька закатила глаза, потом от нахлынувшей радости поцеловала меня в щёку, и мы буквально побежали седлать лебедей. В принципе, ничего особенного. В нашем парке имени Горького был такой же аттракцион. Ну, потрёпанный немного, не такой блестящий, но суть от этого не изменилась.

– Да, что-то я не прочувствовала духа импортного, – вздыхая, сказала Аня, спускаясь с подножки. – А ты, Динка? Слушай, смотри какой мальчик у «Комнаты страха» стоит! Мамочка родная...

И действительно, у входа стоял высокий парень невероятной красоты. Тёмные волосы красиво уложены. На нём был модный тогда жилет и потёртые джинсы. От него просто исходили волны притяжения. В то же время он был серьёзен и спокоен. Этот парень принимал билеты у посетителей «Комнаты страха», рассаживал их по безобразно-страшным «окровавленным» вагончикам и по рельсам отправлял прямо в тёмную дыру комнаты ужаса. Я как увидела это, реально испытала топот мурашек по телу.

– Всё! Идём в комнату страха, Динка.

– Нет, нет и нет. Я потом ночью спать не буду.

– Ты не будешь спать, если не познакомишься с таким красапетом! Я за билетами, стой и жди.

Пока Аня бегала покупать билеты, я смотрела на мальчика. Наверно, я прожгла в нём дыру своим взглядом – он заметил меня и вдруг улыбнулся. Я оглянулась, чтоб удостовериться: может, это не мне улыбнулся красавчик. Но никого рядом не было. Я гордо и довольно отвернулась от него.

Несмотря на огромную очередь за билетами, Анька прилетела быстрее шальной пули, и вот мы уже подходим к аттракциону.

– Тут у вас хоть страшно? – наигранно спросила подруга.

– Очень страшно, – продолжал улыбаться парень, глядя всё время на меня. Теперь уже мои нос и глаза смотрели в разные стороны. Я играла гордую и неприступную особу, но мне было очень интересно знать, смотрит ли на меня красавчик-чех.

– Ну-ну. Мы сейчас посмотрим. Если не испугаемся, вернёте билеты?

– Конечно, верну и ещё два подарю.

Анька захихикала. Мы уселись в вагончик. У меня всё сжалось внутри. Непонятный мне страх сковал всё тело. В нашем советском парке ещё не было таких аттракционов, и поэтому было опасно пробовать это приключение на вкус. Вагончик дёрнулся с места, медленно и вязко поехал внутрь комнаты страха.

Господи, я как сейчас помню эти ощущения. Умом я понимала, что это всё игра, что всё ненастоящее, по-детски наивное, но душой чувствовала просто животный страх. Темнота полная. Мы медленно едем. И тут началось!

Сначала появилась паутина с дрожащим на ней пауком размером с кошку. Мы завизжали так, что эхом можно было разнести в пух и прах полгорода. Потом засветился склеп и гроб в нём. Стали вылезать оттуда косточки. Анька периодически прекращала визжать, чтобы перевести дыхание. Я же как завелась, так остановиться не могла. Бензопила «Дружба» по высоте и силе звука и рядом не стояла.

Но это ещё, как оказалось, были цветочки, ягодки ждали нас впереди. По длительности пребывания в этой жуткой комнате, мне показалось, что прошло полжизни, а я уже седая.

Эхо нашего крика и визга можно было бы использовать для того, чтобы безболезненно глушить рыбу. Я чувствовала, что горло осипло, но остановиться не могла. Анька, которая никогда и ничего не боялась, разве что своей собственной фамилии, когда ту называла преподаватель на лекции, чтобы спросить домашнее задание, верещала с не меньшим энтузиазмом.

И вдруг вагончик остановился. Звуки ужасных скелетов и тварей прекратились, слабый свет от склепа погас, и мы погрузились в полнейшую темноту. Самое время умирать, решил бы любой другой, но не я. Я выскочила на рельсы перед вагончиком, крикнула «Анька, бежим!» и рванула туда, куда меня звал инстинкт самосохранения. «Три гепарда», и я выскочили наружу из этого ужасного помещения. Потом выбежал красавчик, держась за сердце, и вышла смеющаяся Анька...

Отсмеявшись, мы познакомились с парнем. Его звали Ян. Обычный парень-чех, который приехал в Россию с родителями, чтобы подзаработать денег себе на мотоцикл. Ян угостил нас конфетами и жевательными резинками, познакомил с папой Войтехом и мамой Михаэлой. Они все хорошо знали русский язык и были добрейшими людьми.

Я поняла, что понравилась Яну, и поэтому вечером, когда приехала домой, слушала мамину ругань с осоловевшим взглядом и придурковатой улыбкой. Мама в тот вечер говорила громко, но я её не слышала. Всё-таки сказала лёгкая контузия от «Комнаты страха»...

Уговорить меня сбежать в очередной раз в луна-парк Аньке больше ничего не стоило. Мы совсем обнаглели. Забросив учёбу, прямо с утра направлялись в парк. Мы долго беседовали с Яном, он давал нам бесплатные билеты, и мы катались до тошноты на блестящих лебедушках, на крутых виражах, носились на автодроме. Только в «Комнату страха» мы больше ни ногой!

Мама догадывалась, что происходит что-то непонятное. С каким трудом она уговорила меня выбрать профессию воспитателя, а тут на глазах начинает рушиться её мечта.

Однажды, отпросившись с работы, она устроила тотальную слежку за мной и моей подругой. Проследив весь наш путь от дома до луна-парка, испытав при этом бурю негативных эмоций и сдерживая себя, чтоб не прорвать дамбу жестоких наказаний, мама, словно прозрачная шапка-невидимка, шла по нашим следам. А мы, счастливые и влюблённые, наследили, как могли.

И вот стоим мы в парке, машем ручками Яну, который мирно работает, и по-светски беседуем:

– Динка, а вот если тебе Ян замуж предложит выйти, пойдёшь?

– Как тебе сказать, Ань, не знаю. А маму куда?

– С собой в Чехословакию повезёшь!

Народу в этот день было, как всегда, много, и мы потеряли бдительность полностью. В головах наших рисовались картинки из чехословацкой жизни, как вдруг перед нами выросла мамина фигура. Я прямо почувствовала, как кожа покрылась мурашками и сбежала от меня вместе с ними. Нервно и больно сглотив, я постаралась вернуть себе самообладание.

– Ой, мамулька, привет! А что ты тут делаешь? – как можно веселее спросила я маму.

Взгляд бульдога, которого сейчас стошнит, – ничто по сравнению со взглядом моей мамы в тот момент.

– Это ТЫ что здесь делаешь, Дина?! Сегодня четверг, и сейчас десять часов утра. У тебя четыре лекции в училище по расписанию...

– Пра-а-авда? – глупейшего вопроса ещё не придумали, его придумала я: – В каком училище?

Это совсем разозлило мою маму. Я оглянулась на Аню. Та попяtilась и еле слышно поздоровалась:

– Здравствуйте, тётя Валя. Здравствуй, Дина. Ну ладно, я пошла.

Аня маленькими перебежками, словно её стегали невидимым прутиком по пяткам, убежала от нас в никуда. Я осталась с мамой один на один. Естественно, рвать меня в клочья при всех она не стала. Как под конвоем, я шла впереди, мама чеканила шаг позади меня. Молча ехали в трамвае, молча шли домой, молча вошли в квартиру...

Такого долгого и убедительного разговора с мамой у меня ещё не было. Сначала плакала и сморкалась я, потом это делала мама. После этого я в позе вождя доказывала, что могла бы жить и лучше. Затем шустро убежала и спряталась под кроватью. Мама быстро поняла, где находится её провинившаяся дочь. А я долго ждала, когда же она встанет с кровати и уйдёт в кухню. Мама, пользуясь моментом, что я неподвижно застряла под её весом, монотонно доказывала мне свою правоту и объясняла, как хорошо быть скромной, послушной девочкой, любящей учёбу, а не гулянки.

Оздоровительная лекция подошла к концу. Мы выдохлись настолько, что сил не осталось даже на чаепитие. Мама, вместо своего огромного ведра чая, выпила всего лишь половину чашки. Я, всхлипывая от обиды и усталости, допивая свой горячий напиток, огласила:

– Прости меня, мамочка. Я понимала, что поступала неправильно. Я наверстаю всё, что пропустила. И больше не поеду в этот парк.

– И с Анькой чтоб я тебя не видела! Она плохо на тебя влияет.

– Но она хорошая, – попробовала я слабо возразить, а в ответ поймала глазами мамин острый, как сабля, взгляд и вздохнула.

В луна-парк я всё-таки поехала. Одна и не так скоро. Территория, на которой ранее располагался чудо-парк, оказалась пустой. Вокруг летали подгоняемые осенним ветром обрывки билетов на аттракционы и редкие фантики от иностранных конфет...

(Продолжение следует)

Работа делает свободным

(Продолжение.)

Начало в №№ 12/2018, 1–3/2019)

Глава 7

Так прошло несколько месяцев. Всю осень мы с Максеном рубили дрова на зиму. Их получилось так много, что вся изба была ими завалена. Несколько раз Максен бегал в деревню воровать яблоки. Один раз его чуть не поймали, поэтому он завязал и стал сушить добычу, раскладывая нарезанные яблоки на земле. Гамаюн теперь приезжал чаще и привозил с собой пледы и старые одеяла. Я, разумеется, был благодарен за помощь, но в душе его не переносил. Гамаюн не мог спокойно уйти, не съязвив в мой адрес.

– Хватит ли нам дров? – сокрушался Максен. – Это же печка-буржуйка, она много требует.

– А давайте сожжём Хошеа, он же бесполезный, – ухмылялся Гамаюн, наблюдая за моей реакцией.

– Да надоел ты уже! – обижался я, борясь с желанием схватить со стола тарелку и запустить её Гамаюну в лицо.

Я заметил, что этому человеку будто чужды чувства жалости и сострадания. Бедный Максен иногда хотел поплакаться Гамаюну, но тот бестактно обрывал его. Надо мной смеялся, с Максеном мог только пить пиво. Ещё он всегда требовал от нас сказать спасибо с должным уважением, когда привозил еду. Макс укорял меня в том, что я иногда говорю с Гамаюном на повышенных тонах.

– А как ещё-то? – оправдывался я, но Максен прерывал меня:

– Он нам еду возит, он нам жизнь спасает, а ты, неблагодарный эгоист, всё возмущаешься!

Максен так злился из-за этого, что порой замахивался на меня. Но не бил.

– Я знаю, что он нам помогает...

– А если знаешь, что мешает заткнуться, пусть даже он обижает?!

Я поджимал губы и уходил в угол. Я разрывался от несправедливости и обиды, но искренне не хотел трепать нервы Максену. Он, конечно, очень поменялся за время нашего пребывания в убежище, но после любых стычек со мной обязательно просил прощения. Я прекрасно всё понимал и старался не злиться.

Только со своей лошадью Гамаюн обходился ласково. Я видел из окна избы, как Гамаюн выносит привязанной к дереву лошади кусок хлеба. Он кормил её с руки, терпеливо ждал, пока она всё доест, и начинал целовать её, теребить холку и улыбаться как ребёнок.

Один раз Гамаюн заметил, что я за ним наблюдаю, и с бранью погнал в подвал. Его бледные щёки густо залились краской.

– Чего ты вылез? – рассерженно крикнул Гамаюн. – Макс ушёл за водой, так нечего без его разрешения выходить из подвала! Он о тебе заботится, а ты...

– Слушай, – перебил я, примирительно замахав руками. Мне остро захотелось хотя бы разочек пообщаться с Гамаюном дружелюбно, без насмешек и криков. К тому же я понял, что он не такой уж и чёрствый. – Можно на твоей лошади прокатиться?

– Ты дурак? – Гамаюн неожиданно растерялся. – Ты разве умеешь? К лошадям нужен подход особый! Тем более к моей красавице. Да, Агнешка? – и Гамаюн, опять обняв лошадь, расцеловал её морду. Потом спохватился. Я приободрился и, стараясь скрыть улыбку, предложил:

– Может, ты меня научишь? Мне кажется, ты очень хорошо ладишь с лошадьми.

– Да, – закивал Гамаюн. – Я обожаю лошадей! Они очень умные животные. Смотришь им в глаза и видишь, что они всё-всё

понимают, – он погладил Агнешку по гриве. – Ладно, чёрт с тобой, иди сюда.

Я почувствовал, как резко растворилась накалённая атмосфера.

– Так, залезай с левой стороны, – командовал Гамаюн. – Не надо её зажимать ногами, бестолочь, она ж тебя сбросить может! Ох, всему тебя учить надо. Смотри!

Он оттолкнул меня и лихо вскочил на лошадь. Агнешка под ним фыркнула. Он опять не сдержался и поцеловал её в шею со словами «Ты моя радость».

– Тебе сложно будет без седла, – проговорил Гамаюн. – Но попробуем так.

Я то и дело сваливался обратно на её хозяина, но с шестой попытки ему удалось буквально забросить меня на Агнешку. Я навалился на неё, обхватив за шею, и ощутил тепло. «Такая хорошая лошадь, и такой вредный хозяин», – промелькнуло в голове.

Но Агнешке я почему-то не понравился. Она упорно стояла на месте и не желала двигаться, несмотря на уговоры Гамаюна.

– Это потому, что она только меня любит, – объяснил Гамаюн. – Ну же, Агнешка, милая, покатай Хошку! Она точно голодная. Бедняжка моя ненаглядная! Это всё ты виноват, после тебя ничего не остаётся.

«Ни в коем случае не поддаваться на провокации!» – решил я и молча почесал лошадь за ухом. Гамаюн приказал держаться крепче за гриву и залез на Агнешку сзади.

– Одного она тебя катать не станет. Руки сведи, что ты их растопырил? Поехали вокруг избы!

Лошадь послушно потопала по указу хозяина.

– А ты умеешь без седла и без уздечки?

– Глупый вопрос.

С непривычки я прямо-таки подпрыгивал на Агнешке, хотя шли мы размеренным шагом. Я чувствовал сзади себя тело Гамаюна. Было немножко неудобно, но я с удовольствием отдавался новому ощущению.

Мы сделали пару кругов, и Гамаюн погнал Агнешку галопом. Я чуть не вылетел в сторону и намертво вцепился ей в гриву.

– Держись, Хошеа!

Мне переданся настрой Гамаюна, и я улыбался во весь рот и периодически ударялся затылком ему в грудь.

– Перестань меня бодать! С ума сошёл от восторга?

Когда мы остановились, Гамаюн сначала слез сам, а потом осторожно стащил с Агнешки меня. Я опьянел от нахлынувших эмоций, давно не чувствовал себя так свободно и легко.

– Гамаюн, милый, спасибо тебе, ты умница! – похвалил я. Тот зарделся.

– Это Агнешкина заслуга, не моя...

– Давай с тобой подружимся, а?

– Ой, уйди, уйди со своими нежностями!

К сожалению, это был единственный случай, когда я увидел Гамаюна с иной стороны. Больше спокойно я никогда с ним не заговорил. И лошадь не спасла положения.

Глава 8

Гамаюну уже исполнилось двадцать лет. День рождения Максена был нескоро, только в мае, а до моего – двадцать шестого ноября – оставалось всего пару дней. Я слышал, как Максен намекнул на это Гамаюну. Тот развёл руками и пообещал, что доставит что-нибудь милое. Я не знал, что в его понятии значит слово «милое». Он запросто мог привезти куклу или что-то в этом духе. Что вообще может быть милого в проживании в убежище? Тем более в подвале. С приходом осени здесь стало ещё холоднее. У меня постоянно мёрзли руки и ноги, поэтому Максен всячески обо мне заботился и кутал в тёплую одежду.

Ночью перед днём рождения я лежал под одеялом и с горечью вспоминал свой прошлогодний праздник. Тогда мы отмечали его дома. Папа испёк праздничный торт и раздобыл где-то тринадцать свечек.

Помню, как гремела музыка из граммофона. Помню Цилю и Сару в нарядных платьях, помню кучу подарков. Там ещё было много моих знакомых. Не пришёл только Максен, потому что не любил шумные места.

А теперь я сидел за столом. Передо мной стоял не самый свежий пирог с криво воткнутой в него единственной свечкой. Рядом лежала книга без обложки и плитка немецкого шоколада – подарки Гамаюна. Тускло горела керосиновая лампа. Максен и Гамаюн сидели с каменными лицами. Никто не трогал пирог, все молчали.

– Ну... это... – протянул, наконец, Максен.

Он встал и поднял кружку с компотом из своих недосушенных яблок.

– С днём твоего рождения, Хошка! Вот тебе и стукнуло четырнадцать лет. Жаль, что приходится праздновать в такой обстановке. Но что делать, ведь война! Помни своих родителей, чти их память. И сестру, ты её обязательно увидишь. И ещё... Хошка?

Я уронил голову на руки и разрыдался. Гамаюн переглянулся с Максеном. Они оба подошли ко мне, присели с разных сторон на колени и затянули песню на идише. А я плакал и никак не мог остановиться.

После невесёлого дня рождения я заболел. Максен торчал у моей кровати часами, поил лекарствами, в которых уже разобрался, и нервничал больше обычного. А я кашлял и вытирал слезящиеся глаза. Максен боялся, что у меня воспаление лёгких, но приехал Гамаюн и успокоил, что это всего лишь простуда.

– Беда мне с вами, – вздыхал Гамаюн. – Макс, давай убьём Хошку, от него толку нет, одни расходы.

– Кто кого убьёт ещё! – огрызнулся я, кашляя.

– Ой, смотрите, кто мне угрожает! – подтрунивал надо мной Гамаюн, но Максен его останавливал и не давал нам препираться дальше.

Так я провалялся полторы недели. Потом болезнь спала, но до конца я не выздоровел. Гамаюн привёз нам с Максеном учебники и энциклопедии. Несмотря на бродяжную жизнь, Максен довольно хорошо учился ещё в Еврейском лицее, поэтому теперь взялся за меня. Он заставлял рассказывать стихи, чтобы мои мозги «не засохли окончательно в этой каморке».

С едой дела стали ухудшаться. Картофель всё чаще попадался гнилой и противно-сладкий. А в окна заваленной дровами избы уже стучала зима. Когда однажды я вышел наружу, то увидел, что всё вокруг запорошено снегом. Родник, из которого мы брали воду, не замёрз. Пока мы ходили с вёдрами взад и вперёд, успевали навалиться в снегу и наиграться в снежки, как дети малые. Я тосковал по свободе и по дому, и настроения резвиться у меня не было. Но я видел, как Максен дёргается от каждого шороха и нервничает, поэтому охотно принимал участие в его играх, понимая, что ему необходима хоть какая-то эмоциональная разгрузка. И тогда мы так же, по обыкновению, занесли вёдра в подвал и вышли на поляну перед избой. В старых, потрёпанных рукавицах, в дырявых пальто и сапогах не по размеру, мы смеялись во всё горло и кидались друг в друга снегом. Небо было ясное, голубое, мороз приятно колот щёки. Деревья вокруг стояли белые-белые, снег под ногами хрустел и сверкал на солнечных лучах.

...Пришло время праздновать начало 1941-го года. Никакой ёлки у нас не было. Вернее, сначала не было. Днём 31-го декабря приехал Гамаюн и подарил нам небольшую свежесрубленную ёлочку, которую мы решили украсить обёртками от печенья и бумагой.

Когда я протянул руку к ёлке, чтобы прикрепить кусочек бумаги, Гамаюн резко перехватил мою руку и с театральным испугом воскликнул:

– Стой! Ты же уколешься и поранишь свои пальчики! – и тут же противно расхохотался.

– Как смешно! – укоризненно произнёс я, сверля его взглядом. Максен вышел к роднику, поэтому спастись от насмешек Гамаюна приходилось самому.

– Нет, я серьёзно! Поранишься ведь! Ты же принц, дай лучше ничтожный Гамаюн это сделает!

– Зачем ты постоянно смеёшься надо мной? Мне, между прочим, это не нравится!

– Куда уж мне до принца! Или, – он дёрнул меня за длинные распущенные волосы. – Или, может быть, до принцессы?

Этого я уже наслушался в своё время от Вацека, и больше терпеть сил не было. Я кинулся на Гамаюна, но он это предвидел и схватил меня своими крепкими руками.

– Ты на кого бросаешься? Я жратву ношу, жизнь ради вас, еврейских морд, рискую и что же получаю взамен?

– Значит, мы с Максом для тебя еврейские морды? – расвирепел я, с ненавистью глядя снизу вверх. – Так-то ты о нас думаешь! Зачем же тогда помогаешь?

– Потому что Максена знаю давно! Ты мне даром не нужен, – прошипел Гамаюн, брезгливо отряхнув рукава. – Ну вот, руки об тебя запачкал. Где вода?

– Чего опять ругаетесь? – в подвал спустился Максен в очень хорошем настроении. – Сегодня же Новый год, давайте забудем о войне и отметим!

Гамаюн вмиг остыл и достал из сумки бутылку коньяка.

– Почему бы и не отметить?

До позднего вечера Максен и Гамаюн сидели за столом. Они почти ничего не ели, а только пили коньяк и пели песни опьяневшими голосами. Мне коньяка не дали. Поэтому я грыз кусок хлеба и думал об Анхиль. Как она там сейчас?

В полночь мы вышли из избы наружу и уставились в чёрное небо.

– С Новым годом! – проговорил Максен, положив руку мне на плечо. – В этом году война обязательно кончится! Ура!

– Ура! – подхватил пьяный до чёртиков Гамаюн, который еле стоял на ногах.

– А теперь идём спать.

И Максен потащил Гамаюна в подвал. Я последовал за ними. Никакой радости от Нового года не было.

Во мне что-то умерло. Жизнь до убежища казалась мне сном. Будто никогда не было ни папы, ни Анхиль, ни злобной мамыши, ни Сары с Цилей. Я бродил по подвалу, опустив голову, и чувствовал, как сердце жалобно просит свободы. Если мне была уготована такая судьба, то зачем же

я родился? Я пытался вспоминать самые хорошие моменты довоенной жизни, но в памяти, наоборот, всплывали самые плохие и неприятные ситуации. Вроде тех, когда мать отчитывала меня в своё удовольствие или когда в школе я получал плохую оценку. Потом война, оккупация Польши, гестаповский террор... Переход в немецкие руки обувной фабрики, унижения в Еврейском лицее... Это сложно вынести и остаться в здравом уме.

Максен целыми днями пил пиво и шарахался от любых шорохов. Я ощутил себя брошенным и одиноким. Пытался вразумить Максена, чтобы он кончал пить и помогал хоть в чём-то, но он не реагировал. Приходилось в одиночку подметать пол, сжигать мусор, таскать ведра с водой, выветривать избу от дыма и чистить картошку. Максен порой даже не садился за стол, а просил, чтобы я поднёс ему обед в постель. Он целыми днями лежал на кровати не шевелясь и бесцветными глазами изучал потолок. Он изменился и внешне, и внутренне. Глаза, некогда тёмные и очень красивые, посерели и впали. Под глазами расплывались синие круги. Щёки у Максена осунулись. Было видно, как на бледной шее бьётся выступающая жилка.

К февралю Максен не мог подняться на ноги. Он больше не пил пиво, так как оно кончилось, и превратился в подобие мертвеца. Максен потерял волю к жизни. По ночам он внезапно начинал кричать таким жутким голосом, что кровь стыла в жилах. Меня он перестал узнавать и не подпускал к себе близко. Ему мерещился немец.

– Я знаю, что ты пришёл забрать меня! Пошёл прочь, я не сдамся!

Максен бредил. Потом ему почему-то являлись девочки.

– Сара! – звал он протяжным тоном и тянул руки к потолку. – Циля! Куда же вы? Не бросайте меня одного!

– Макс, ты не один! – плакал я, целуя костлявые руки. – Я Хошка, твой друг! Я здесь, я не брошу тебя!

– Поди прочь, я тебя не знаю! – бешено орал Максен и впадал в забытьё.

Один раз он резко открыл глаза и вцепился мне в рубашку, пытаюсь разорвать.

– Я голоден... – твердил он заплетающимся языком. Несмотря на слабость, он свалил меня на кровать. Я в ужасе видел перед собой его безумное, искажившееся лицо дикого зверя. И откуда в нём сила взялась! Я ударил его ногами в живот. Максен тяжело рухнул с кровати. Я в немом страхе увидел, что он уже без сознания. Стало так неприятно, что я убежал прочь из подвала и остаток дня просидел в избе, обхватив голову руками и плача от омерзения.

Давно отправились в прожорливую печку-буржуйку все книги и энциклопедии, только бы в подвале было теплее. Только бы Максен не дрожал от холода. Я наливал в резиновую грелку подогретую воду и держал на его ногах. Он сопротивлялся, но я умолял потерпеть. Иногда Максен позволял вывести его из избы по нужде, но это бывало редко. Он почти не ел и не пил. Порой я не успевал дотащить Макса до кустов либо же его внезапно тошнило на меня. Отмыться сил не было, поэтому я постоянно был в засохших нечистотах.

Я грел воду в побитом тазике и мыл Максену голову, подрезал волосы и ногти и поливал своими слезами. Максен потерянным взглядом тараторил с приоткрытым ртом. Он потерял рассудок из-за проклятой войны! Я вспоминал того смелого и справедливого Макса, каким он был до войны, особенно до убежища, и уже не мог плакать. Слезы оставались в глазах.

В начале марта стала кончаться еда. Гамаюн не появлялся. Никакой связи с ним не было, а Максен буквально умирал у меня на руках. И лекарства ему не помогали, ведь нет такой таблетки, которая вылечит израненную войной душу.

Оставалась только пара картофелин. Я больше не мог ждать Гамаюна, поэтому решил рискнуть и сходить в деревню, что-

бы раздобыть там пропитание. Утром взял сумку и, напоив Максена суррогатным кофе с ложечки, отправился прочь от избы.

Снег ещё укрывал дремлющий лес. Я продирался сквозь чащобу, стараясь не заблудиться. Меня разьедал ужас того, что творится. Хоть я отпорол с пальто жёлтую звезду, всё равно боялся и совершенно не знал, где возьму еду. Пару раз за дорогу посещало желание оставить эту затею и вернуться в убежище, но перед глазами вставал бредящий Максен с бешеными глазами. «Макс, потерпи, найду тебе покушать», – шептал я сухими губами.

Оказавшись в деревне, я вжал голову в плечи и надвинул шапку на лоб. Людей видно не было, но у одного дома стояли два немецких мотоцикла. «Местный штаб», – сообразил я и решил остерегаться этого дома.

Обойдя всю деревню, не нашёл ни одной лавки. Зато в центре деревни моему взору открылась виселица с двумя петлями. Я поспешил отойти от неё подальше.

Я твёрдо дал себе слово добыть еду любым способом, поэтому постучался в низенькую избёнку. Дверь открыл мужчина лет пятидесяти, небритый и одноглазый. Я так давно не видел людей, кроме Максена и Гамаюна, что сначала испугался.

– Дяденька! – протянул я писклявым голосом. – Подай хлебушка! Кушать хочу!

– Пошёл отсюда! – рявкнул мужчина озверевшим голосом, но, увидев моё несчастное лицо, сжалился и вынес небольшой ломоть. – Извини, сынок. Жена с детьми погибли, некуда мне деваться. Ступай с миром!

Я сердечно поблагодарил его и бросился прочь из деревни, понимая – больше ничего не перепадёт и лучше унести скорее ноги. Хорошо, что тот мужчина не понял, что к нему заглянул еврей.

(Продолжение следует)

Александр Онищенко **Сертолово, Ленинградская обл.**

Голубиная стая

Рассказ-быль

События, о которых далее пойдёт речь, происходили в небольшом уральском посёлке в послевоенные годы прошлого столетия. Шурка уже начал учиться в школе, которая находилась в полутора километрах от его дома. По утрам его провожала бабушка, так как родители рано уходили на работу.

Всё дело в том, что по дороге в школу надо было переходить железнодорожные пути, по которым регулярно ходили поезда дальнего следования – пассажирские и товарные. Мост над железнодорожными путями тогда ещё не был построен, поэтому бабушка доводила Шурку до путей и, убедившись, что нет приближающихся поездов, разрешала ему перейти опасный участок, а дальше уже он шёл до школы один.

Чуть-чуть отойдя от железнодорожных путей и поднявшись на пригорок, Шурка махал бабушке рукой, что означало «всё нормально», и скрывался в небольшой лесопосадке. Бабушка, провожая внука взгля-

дом, тоже махала рукой, а затем возвращалась к домашним делам.

После уроков она встречала своего любимца на том же месте около железной дороги. И когда Шурка выходил из лесопосадки, она, помахав рукой, разрешала переходить пути. По дороге домой внук рассказывал бабушке о всех своих школьных делах. Бабушка всегда с интересом слушала его рассказы, а затем могла похвалить или успокоить, в зависимости от того, какую новость он сообщал, но никогда не ругала его и не журила. Если у Шурки что-то не получалось, она, положив руку ему на плечо, говорила: «Не переживай, всё у тебя будет хорошо, вот увидишь, ты только старайся». Для внука это было лучшим лекарством от всех неудач!

По дороге в школу и из школы Шурка ежедневно видел, как на крышах некоторых домов сидят красивые и яркие, всегда воркующие голуби. В этом было что-то манящее и завлекающее. И чем чаще он их видел, тем больше ему хотелось, чтобы и у него когда-нибудь были вот такие же голуби.

Однажды ясным апрельским днём Шурка в сопровождении своей бабушки возвращался из школы домой. Они шли по переулку мимо дома одного из голубятников. Сквозь редкий штакетник невысокого забора было хорошо видно, как около голубятни во дворе, на земле, прогретой жаркими лучами весеннего солнца, нежились голуби. Одни чистили клювом свои перья, распушив хвосты и распластав по земле крылья, другие громко ворковали. Бабушка и внук остановились возле забора, любуясь этой картиной.

Неожиданно откуда-то из-за дома раздался резкий и громкий свист. Голуби стали испуганно и беспорядочно взлетать, громко хлопая крыльями. Несколько птиц сели на конёк крыши хозяйского дома, остальные кружили вокруг него.

Вновь раздался громкий и пронзительный свист, а затем повторился ещё пару раз. Шурка повернул голову на звук и увидел хозяина голубей. Тот стоял посреди двора в распахнутой куртке и в кепке, сдвинутой набекрень, с длинным шестом в руках, на конце которого была привязана какая-то яркого

цвета тряпка. Он размахивал этим шестом над головой и при этом периодически пошвытывал, вставляя в рот два согнутых пальца то одной, то другой руки. А стая голубей поднималась всё выше и выше. Вскоре голуби становились маленькими точками, так что вся стая казалась не больше его кепки.

Шурка почему-то боялся – вдруг голуби перепутают дома и уже не вернутся к своему хозяину? Но, к его удивлению, через некоторое время вся стая так же дружно и красиво снижалась, и все воркуны садились на конёк своего дома, расслабленно опустив крылья, а затем, гордо подняв головы, смотрели на хозяина.

На других улицах, совсем недалеко от Шуркиного дома, жили ещё такие же голубятники, и голуби у всех были разные – иногда очень и очень дорогих и красивых пород.

Уже через два-три года Шурка просто заболел голубями, они начали ему сниться по ночам! Закончив четвёртый класс, он попросил у своего папы разрешения завести одну-две пары сизарей. Папа разрешил, но при одном условии: он, Шурка, будет хорошо учиться и продолжать выполнять все домашние дела вместе с бабушкой. Мальчик дал слово, что всё так и будет, и всегда выполнял данное обещание.

Теперь у него была своя маленькая голубиная стая, которой он очень дорожил! Когда же у него появлялись счастливые минуты, свободные от учёбы и домашних дел, он старался проводить их вместе со своими любимцами. С каждым днём он всё больше и больше ощущал их доверие и любовь к себе. Птицы садились ему на руки, уютившись на плече, заглядывали в лицо, тянулись клювами к его губам! Сколько в этом было любви, доверия и нежности! Особые чувства у него вызывал их полёт в небе. В такие минуты ему казалось, что это он, а точнее его душа, там, в голубой небесной выси, парит вместе с птицами. В такие моменты он не видел и не замечал вокруг ничего, кроме своей стаи, парящей в необъятном голубом небе.

Возможно, такое бывает со всеми голубятниками – их душа покидает тело и, поднимаясь вместе с голубями в небесную высь, парит, наполняясь счастьем. Ведь голубят-

ник – это, наверное, состояние души человека, находящего самовыражение именно в этой бурлящей энергией и жизнелюбием стая, сплочённой верностью и любовью к своему хозяину, тоже безумно любящему их.

Многие голубятники не жалели сил и средств, чтобы обзавестись породистыми питомцами, а также приобрести или построить для них голубятни – красивые, тёплые и уютные, с лётками. У Шурки же голуби жили вместе с курами, в стареньком сарайчике под соломенной крышей, который примыкал к бабушкиному дому. Голубиные гнёзда располагались на маленьком чердаке, под самой крышей. Шурка очень хотел, чтобы в его стая как можно скорее появились птенчики. Во время летних каникул он частенько забирался по лестнице на чердак и поочерёдно осматривал гнёзда, освещая их обычными спичками, потому что там было очень темно.

Однажды такой осмотр едва не закончился большой трагедией. Случилось это жарким летним днём. А в летний полдень в ясную погоду температура на улице поднималась до сорока – сорока пяти градусов. Земля раскалялась, как сковорода на печи, – до такой степени, что ходить босиком было невозможно и подошвы ног чернели и растрескивались, как подгоревшие лепёшки. Поэтому в пик полуденной жары все животные и птицы по возможности прятались в тени. Вот и Шуркины голуби после небесной прогулки обычно отдыхали в прохладном полутёмном сарае. В тот день мальчишеское любопытство уже в который раз заставило Шурку подняться на чердак и запустить руку в голубиные гнёзда – с таким нетерпением он ждал приплода. Но, к сожалению, в полумраке чердака он ничего не мог разглядеть. Тогда он спустился вниз по лестнице, забежал в сенцы бабушкиного дома, забрал спички, лежавшие на ларе возле керогаза, и вернулся на чердак. Там на четвереньках под низким сводом соломенной крыши, чиркая спичками о коробок, он внимательно осматривал голубиные гнёзда. Пока в одной руке горела спичка, другой он поднимал голубей над гнездом. Увы, птенцов в них всё ещё не было.

Разочарованный, он спустился и выбрался во двор. Выходившая в это самое время из дома бабушка заметила внука и спросила:

– Шура, что-то тебя не слышно и не видно. Наверно, опять по голубиным гнёздам лазил?

В следующее мгновение и бабушка, и Шурка одновременно, повернув голову в сторону сарая, увидели чёрный дым, клубами валяющий наружу через открытую дверь сарая, а также с громкими кудахтаваниями выбегающих во двор кур. Вслед за курами из клубов дыма стали вылетать голуби, покинувшие свои гнёзда в очаге пожара. Вырвавшись на волю, все они разлетелись в разные стороны.

– Так ты, наверное, спички в сарае жёг?! Опять по голубям лазил! – воскликнула бабушка. Схватив пустое ведро, она подбежала к бочке с водой, стоявшей недалеко, под яблоней, и зачерпнула воды.

В следующее мгновение Шурка выхватил ведро с водой из её рук и вбежал в сарай. Ничего не различая в дыму, кроме огненного круга под соломенной крышей, медленно расползающегося во все стороны, он поднялся по лестнице на чердак и с размаху выплеснул воду в этот огненный круг.

Спрыгнув вниз, он вновь схватил из рук бабушки на входе в сарай другое ведро, полное воды. Ни дым, ни страх, ни огонь – ничто его не останавливало, несмотря на громкие причитания бабушки. Через несколько мгновений огненный круг превратился в шипящую черноту. Дым вновь заволакивал чердак сарая. Дышать было нечем. Но Шурка продолжал вновь и вновь плескать ведрами воду на крышу и стены сарая.

Затем он приставил лестницу снаружи к стене сарая и стал поливать водой соломенную крышу и лил до тех пор, пока на соломе нигде не осталось тлеющей искры. К счастью, пламя не успело пробиться сквозь крышу наружу, иначе никаких шансов спасти бабушкин дом от огня практически не осталось бы!

Видимо, именно от горячей спички вспыхнула одна из свисающих с крыши соломинок. К сожалению, Шурка этого не

заметил, и это едва не привело к большущему пожару. От трагедии спасло то, что они с бабушкой увидели дым в первые секунды, а также то, что во дворе рядом с сараем стояли большие деревянные бочки, заполненные доверху водой, предназначавшейся для домашнего скота и полива грядок.

Когда опасность большого пожара окончательно миновала, бабушка с внуком присели на скамейку в тени яблони, всё ещё не веря, что всё закончилось так благополучно. Немного успокоившись бабушка, спросила:

– Ну что, ты все гнёзда-то проверил?

Не поднимая головы и слегка качнув ею, Шурка промычал:

– Угу.

– Птенцов-то нет? – снова уточнила она.

– Не-а, – ответил внук.

– Ну и слава Богу, – немного помолчав и перекрестившись, произнесла бабушка. Затем, внимательно пробежав взглядом по своему домику и сарайчику, она добавила: – Вон и голуби твои на крыше сидят. Все живы! – и ещё раз перекрестилась.

Некоторое время они молчали. Бабушка вообще всегда была удивительно спокойная и сдержанная, никогда не повышала голоса.

– Что же теперь будем говорить твоим родителям? – задумчиво произнесла она. Затем вздохнула и добавила: – Ладно, что-нибудь придумаем. А сейчас бери ведро и натаскай воды из колодца в пустые бочки. А то вон духотища-то какая! Я пока маленько тут всё вокруг приберу.

Шурка подхватил коромысло на плечо, повесив на него два пустых ведра, взял ещё одно в левую руку и, придерживая коромысло правой, пошёл к колодцу. Наполнив бочки водой, он занялся делами во дворе, а в голове свербила и не давала покоя одна мысль: «Скоро с работы придут родители, чем же закончится этот кошмарный день?»

Вскоре, негромко скрипнув, открылась калитка, и во двор вошёл папа, ведя велосипед. Из будки под яблоней радостно выскочила собака по кличке Дик и, твякая и виляя хвостом, побежала ему навстречу. Погладив её по спине, папа подошёл к Шурке и, поставив велосипед рядом, поинтересовался:

– Ну, как тут у вас дела? Что-то ты сегодня немного хмурый. Устал, наверно?

– Ага, есть немного! – ответил Шурка и, взяв ведро воды и лейку, пошёл поливать грядку, предвкушая скорое развитие событий...

Вскоре пришла с работы мама и спросила его издали, долго ли ещё он собирается заниматься поливом, ведь уже пора ужинать. Шурка ответил, что уже заканчивает, а сам подумал: «Ну вот, все собрались. Сейчас начнётся... ужин!..»

Вымыв руки и ополоснув лицо водой из бочки, он зашёл в дом. Все уже сидели за накрытым столом и ждали его. От напряжения он остановился на пороге. Папа произнёс:

– Ты чего это, не хочешь есть, что ли?

– Хочу, – ответил Шурка.

– Ну так садись за стол, – добавила с улыбкой бабушка.

Он ничего не мог понять, исподтишка осторожно поглядывая то на родителей, то на бабушку. Но те спокойно ужинали, шутя и разговаривая как ни в чём не бывало. Так прошёл вечер, и все, пожелав друг другу спокойной ночи, улеглись спать.

По-прежнему ничего толком не понимая, Шурка тоже лёг на свою кровать и вскоре уснул. Наутро его почему-то никто не разбудил, и он проспал чуть дольше, чем обычно. Когда он вышел во двор, на улице уже палило солнце. По двору бегали куры, заканчивая свой завтрак. Внутренний голос подсказывал, что что-то не так, как всегда... Обойдя весь двор, Шурка заглянул в сарай, где обитали его любимцы-голуби. Но в сарае никого, кроме кудахтающей курицы в гнезде, не было. Он осторожно поднялся по лестнице на чердак, но и там оказалось тихо и пусто. Ни одного голубя! Он выскочил во двор и увидел бабушку. Та закончила кормить птиц и с улыбкой шла ему навстречу. Подойдя ближе и по-прежнему улыбаясь, спросила:

– Ну как ты, выспался? – а затем, обняв его за плечи, тихонько произнесла: – Отец всех твоих голубей отвёз на элеватор и там выпустил... Пусть там живут, в новой дружной голубиной семье.

Большой колючий комок застрял в горле у Шурки, он не мог произнести ни слова, только горькая солёная слеза предательски катилась по щеке...

Вечером, приехав с работы, отец спросил Шурку о домашних делах, а затем добавил:

– Если хочешь, покатайся на велосипеде.

Шурка запрыгнул на велосипед и помчался к элеватору, то и дело ныряя в облака пыли от проходящих встречных машин. Доехав до места, он спрыгнул с велосипеда на землю и взобрался на пригорок недалеко от окружающего элеватор ограждения. Перед ним открылась вся огромная территория элеватора. Между большущими складскими помещениями, предназначенными для хранения зерна, возвышались горы пшеницы, и всё вокруг было усеяно голубями. Здесь ему найти своих птиц представлялось просто невозможным. «Да и вряд ли они отсюда захотят вернуться домой», – подумалось Шурке. Он снова прыгнул на седло велосипеда и начал крутить педали в сторону дома.

Во дворе его поджидал отец. Он подошёл к Шурке и тихо произнёс:

– Я сегодня отвёз твоих голубей на элеватор, там будет им неплохо, еды хватит.

Шурка кивнул головой и тихо ответил:

– Я знаю, я всё видел.

А через три дня, выйдя утром во двор, он вдруг услышал такое знакомое и родное ему воркование. Задрав голову, он увидел на коньке крыши бабушкиного дома пару своих любимых сизарей.

– Всё-таки вернулись! Вернулись!!! – подпрыгивая и бегая по двору, что есть силы кричал он.

Бабушка в это время занималась хозяйскими делами. Услышав крик внука, она вышла на крыльцо и увидела его, с криком прыгающего среди двора. А взглянув на крышу дома, она умилённо прижала ладони обеих рук к груди и тихонько произнесла:

– Вернулись, голубки! Ну и слава Богу! – и перекрестилась, а затем с радостной улыбкой снова посмотрела на своего счастливого внука.

23 октября 2018 г.

Валерия Паркер

Москва

О жизни

Все мы периодически задумываемся об истинном смысле бытия. Каковы они, правила жизни?

В мыслях на эту тему я провела немало количество часов. Информацию для анализа брала из книг. А ещё из вопросов, которые рождались у меня во время чтения, наблюдения за миром и из собственных жизненных ситуаций.

Со временем я пришла к выводу, что наша жизнь похожа на запланированную поездку.

Вы, радостный и довольный, собираетесь в путешествие. То есть в Жизнь. Вы в красках представляете себе, как пройдёт эта поездка. Думаете о том, какой новый опыт приобретёте, какие места увидите. С какими людьми познакомитесь. И кто из них станет вашими друзьями.

Во всех этих прекрасных чувствах вы едете в аэропорт. Регистрируетесь на рейс под названием «Жизнь». Получаете посадочный талон. Проходите паспортный контроль и оказываетесь в дьюти-фри. В зоне беспошлинной торговли, где можно приобрести множество товаров, перекусить перед вылетом и получить в подарок несколько кредитных карт.

И в момент, когда вы проходите мимо очередного магазина, к вам подходит молодой человек.

– Здравствуйте! Меня зовут Руслан. Я представляю компанию «Стереотипы и плохие новости». Куда вы летите?

– Здравсьте. Эм-м... в «Жизнь», – немного смущённо отвечаете вы.

– О! Это прекрасное место! Там очень хорошо. Много интересного: красивые города, разнообразная кухня, языки, страны... Даже природа в каждой части планеты совершенно разная. А люди! Каждый из них уникален! У каждого своя история. Потрясающее место! Вы хорошо подготовились к поездке?

– Мне сказали, что с собой ничего особенного брать не нужно. Там я найду всё необходимое для интересной жизни.

– Как?! Да вы что! Там ведь всё не так просто! Прежде чем вступить на борт самолёта, вам следует сначала выбрать профессию, которой вы будете обучаться и благодаря которой станете зарабатывать себе на жизнь.

– «Зарабатывать на жизнь»? Что это значит? Я думал, что всё уже оплачено и я смогу просто наслаждаться жизнью: заниматься любимым делом и быть счастливым... – начинаете удивляться вы.

– О нет! Вы, видимо, не до конца прочитали контракт с туроператором. Там написано мелким шрифтом, что путёвка предоставляется только при наличии образования и трудовой книжки с десятками годами стажа.

– Да уж... Неожиданно... Ну ладно, я, наверное, смогу зарабатывать, рисуя картины. У меня это неплохо получается.

– А вам нравится рисовать?

– Да. Конечно!

– Тогда, боюсь, вас не пустят в самолёт. Видите ли, нужно выбирать не ту профессию, которая вам нравится, а ту, которая приносит больше денег.

– Ох, правда? – расстраиваетесь вы.

– И это ещё не всё. Вам понадобятся обязательные атрибуты успеха: дорогая машина, квартира, телефон. Только так вы сможете считаться успешным человеком!

– А если всё это мне не нужно? Я всего лишь хочу посмотреть мир. Мне хватит небольшого рюкзака. Думаю, люди помогут, если мне потребуется помощь.

– Нет. Люди вам не помогут. Там мало хороших людей.

– Да что вы!

– Да. Добрых людей мало. Просто так ничего не даётся. Деньги зарабатываются тяжело. Жизнь, знаете ли, вообще не сахар! Вы видели сегодняшние новости?

– Н-н-новости?

– Да. Вот, посмотрите.

И вы подходите к телевизору смотреть всё печальное, что произошло сегодня в мире.

И вот вы уже не так уверены в себе. И как-то стало грустно. И уже совсем не хочется ни в какое путешествие. Вы опускаете чемодан на пол. Убираете подальше посадочный талон. И идёте за агентом, который ведёт вас к началу долгого пути к счастливой жизни.

Многие так и остаются в дьюти-фри, не заработав выдуманное право на посадку в самолёт...

Алла и Полина: История взросления

Алла очень несчастна. У неё довольно скучная, однообразная работа. Коллеги не добавляют её жизни радости, так как с Аллой у них почти нет ничего общего. Зарплата у Аллы ожидаемо невысока.

Да, и последний штрих: Алла одинока. После безрадостного рабочего дня (работа ведь, как известно, для того, чтобы работать. Радоваться на работе – это прерогатива исключительного меньшинства счастливых, в число коих, естественно, наша Алла не входит), вечером она возвращается в свою скромную квартирку, к коту Борису. Который, в свою очередь, встречает Аллу привычным высокомерным взглядом. Мол, ну вот, опять одна!

И вправду сказать, жизнь у Аллы невелика. И она вполне оправданно жалуется об

этом своей подруге Полине, которая еженедельно несколько часов обсуждает с Аллой её горести.

«Вот ведь какая жизнь несправедливая!»

Полина – подруга её детства. Вдвоём девочки сначала в песочнице куличики лепили, а потом в «казаки-разбойники» играли во дворе. Полина давно замужем. И работает она в престижной компании. Алла частенько видит по утрам, как Полина в хорошо сшитом костюме садится в свою недешёвую машину.

Ах да, ещё одна деталь: у Аллы ведь даже машины нет. Ещё один повод расстроиться.

Алла часто думает о своей подруге: «Повезло же Поле! Её жизнь – просто мечта! Хорошая работа, заботливый муж. И за что ей это всё? Она ведь даже математику не знала в школе. Еле вытянула тройку в году. А у меня – одни четвёрки и пятёрки. Видимо, невезучая я... Хорошая, но невезучая!»

На самом деле Алла просто не знает, что пока она вечерами с подружками на кухне пироги с чаем пила и обсуждала малозначительные дела, Полина, будучи ещё в школе, начала подрабатывать, где могла. Девушка хотела самостоятельно себя обеспечивать необходимыми вещами, так как её родители (собственно, как и родители Аллы) вели довольно скромную жизнь, не позволяя себе больших трат. Заработанные деньги Полина откладывала и покупала себе сначала одежду, а потом необходимую электронику – телефон и ноутбук.

К окончанию школы Алла имела лишь смутное представление о том, что такое самостоятельная жизнь. Полина же выходила из школы с багажом практических знаний и собственным опытом зарабатывания денег.

Поступив в институт, Алла окунулась в увеселительную студенческую жизнь, со всеми её вечеринками, новыми друзьями и поклонниками. А также бессонными ночами накануне экзаменов.

Жизнь, казалось, открыла перед ней свои двери. Если Алла и до этого любила жизнь, то теперь та приобрела для неё совершенно новые прекрасные краски! Алла не сомневалась, что дальше всё будет только лучше.

Стоя перед зеркалом, собираясь на очередную вечеринку, устроенную её однокурсниками, Алла думала о том, как же правильно было с её стороны пойти учиться на такую модную профессию – экономист. Лекции, конечно, скучны, зато отдыхать так весело!

Что касается Полины, то после окончания школы она с трудом понимала, куда ей идти учиться. Жизнь предлагала столько увлекательных профессий, что казалось невозможным сделать один единственный выбор.

В итоге Полина решила отталкиваться от своих интересов. Она никогда не испытывала симпатию к веяниям моды, поэтому поступила в институт, не известный широкой публике, на гуманитарное направление.

Полина интересовалась историей, литературой, религиями и иностранными языками. В гуманитарном всё это было. Правда, никаких вечеринок и веселья. Оказалось, этот институт выбрали такие же «охотники до знаний». И общение стояло уже на втором плане.

Четыре года Полина жадно впитывала в себя новое. Полученные знания значительно расширили её кругозор. Её мировоззрение буквально перевернулось с ног на голову. Полина вдруг осознала, что, хотя выбор института и оказался правильным решением и она искренне благодарна своим педагогам, работать по выбранной специальности она не станет.

Полина ушла с последнего курса, не получив диплом. Но унося с собой обширные знания о мире.

Ожидаемо, окружение Полины посчитало её поступок неадекватным. Вот и Алла, услышав об этом, решила, что Полина поставила крест на своей дальнейшей жизни.

Нужно не забыть упомянуть о том, что во время учёбы в институте Полина продолжала подработки. Правда теперь, осознав, что приятнее получать удовольствие от работы, Полина выбирала лишь те занятия, что были ей по душе.

А душа у Полины очень утончённая. Она любит хорошее настроение, красиво оде-

тых людей, улыбки, любит помогать. И если раньше Полина подрабатывала в ресторанах и магазинах, то теперь она зарабатывала деньги, помогая на праздниках, вечеринках и крупных светских мероприятиях.

Полина хорошо проводила время среди веселящихся людей. Она наблюдала за их поведением и вечерними нарядами. Особенно, конечно, её внимание привлекали светские дамы – от большинства из них просто невозможно отвести глаз! Им под стать были и безупречно одетые галантные мужчины. «Оказывается, они существуют!» – сделала для себя открытие Полина.

Работая от мероприятия к мероприятию, Полина всё больше привыкала находиться среди этих людей. Постепенно она перенимала их стиль жизни.

«Если существуют такие красивые изысканные платья, то должны быть и женщины, которые будут их носить. Почему бы и мне не стать такой женщиной?» – рассудила Полина.

Это же подметила и Алла. Очутившись в большом институте, она, конечно же, сразу поняла, что её финансовое состояние далеко не столь удачно, как у многих других студентов. Только на её курсе было сразу четыре очень удачливые девочки, получившие, помимо хорошей внешности, ещё и возможность носить красивую качественную одежду.

Алла, кстати, как и любая женщина, красива. Но сама Алла этого не видит, сравнивая себя с красавицами мира сего. Сравнение всегда не в её пользу, что заставляет Аллу чувствовать себя ещё более несчастной и ещё больше пенять на несправедливость природы. Одним – всё, другим – ничего.

Вопреки этому, Алла очень любит смотреть конкурсы красоты. Особое впечатление на неё производят длинные платья в пол, в которых выступают конкурсантки. Это вызывает одновременно и восторг и разочарование Аллы, ведь она никогда не носила подобных нарядов.

«Вот бы и мне посчастливилось выглядеть столь роскошно», – подумала Алла.

(Продолжение следует)

Россошь, Воронежская обл.

Красный зонт

Прошёл дождь, и все мостовые весело блестяли лужами. В кафе в эти утренние часы обычно было тихо и спокойно. Сонные официанты медленно двигались, как зимние мухи.

Вера сидела за столиком у окна, её зонтик яркого красного цвета висел на соседнем стуле, и крупные капли падали с него прямо на пол. Проходящий мимо официант недовольно нахмурился, увидев эту картину, но обворожительная улыбка девушки сгладила его впечатление. Он просто взял зонт, раскрыл и поставил в конце зала. Вера проводила его взглядом.

Её тонкие пальцы обводили ободок чашки. Рядом на блюде красовался большой кусок шоколадного торта. Вера бросила на него полный сомнений взгляд и тут же перевела взор к окну.

Улица, можно сказать, была пустынна, за исключением редких прохожих. Когда те попадали в её поле зрения, они казались ей смешными. Они прыгали, как цапли, пытаясь не попасть в лужи на тротуаре. Со стороны это выглядело весело. Вера задорно улыбнулась.

Колокольчик на входной двери дёрнулся и издал перелив. На пороге стоял хмурый молодой человек лет тридцати пяти. Он сбросил свой плащ мышинового цвета, аккуратно повесил его на вешалку, которую предложил ему официант, рядом поставил зонт и направился к столику Веры. Она наблюдала за всеми этими манипуляциями с улыбкой.

Опустившись напротив неё, он удивлённо произнёс:

– О мой Бог, такой ранний час, а вы уже заказали столь калорийную еду. – Его брови недовольно соединились на переносице.

Сомнения Веры тут же улетучились, она взяла десертную ложку в руки и произнесла:

– Жан, я никогда не поддерживала вашей страсти к здоровому питанию. Мне это не нужно, – и, прыснув смехом, отделила ложкой большой кусок и отправила в рот.

У Жана в глазах читался ужас, но разговор прервался приходом официанта. Не глядя в меню Жан сделал заказ и сел на своего любимого конька:

– Вы, Вера, уже давно в Париже, но никак не хотите следовать нашим традициям.

– То есть *вашим* традициям, Жан, – поправила его Вера. Голос её звенел от смеха.

Опять подошёл официант и поставил заказ на стол. Жан взял в руку большой бокал апельсинового сока, посмотрел поверх него на свою собеседницу и сделал глоток.

– Мне кажется, вы не совсем понимаете, в какой город приехали, тут есть свои традиции.

Вера, чтобы не зевнуть, сделала глоток кофе и обратила взгляд на улицу. Выглянувшее солнышко лучом плясало по лужам.

Вот уже два года она жила в Париже. Раньше она и не мечтала, что вообще куда-то поедет за пределы своего города. Но жизнь сделала крутой поворот, когда Вере, проработавшей после журфака три года в набиравшем обороты журнале мод, предложили стать ведущим специалистом их филиала в Париже.

Сомнений, ехать или нет, не возникло даже на миг, она согласилась в первые пять минут после того, как получила предложение. Но не всё оказалось так радужно, как ей рисовалось. По приезде в Париж на неё сразу свалился большой объём работы, а её директор Жан, коренной парижанин, решил спихнуть на неё ещё и вопросы недвижимости.

Тогда произошла их первая стычка. Вера улыбнулась воспоминаниям, пропуская мимо ушей указания Жана. Он, как оказалось, был помешан на здоровом питании, и весь журналистский состав очень страдал от этого. Поначалу Вера пыталась спорить, но потом махнула рукой и перестала обра-

Савелий Камский. Девушка под красным зонтом на фоне Эйфелевой башни, 2017

щать внимание на его бурчание. Чем сильно его раздражала.

– Вы подготовили статью о последней коллекции от-кутюр? – Жан неожиданно задал профессиональный вопрос. Она с улыбкой посмотрела на него.

– Конечно, Жан, – голос её был переполнен весельем. Она потянулась и достала из папки на соседнем стуле распечатку. Жан недоуменно посмотрел на девушку и погрузился в чтение.

Вера опять засмотрелась в окно. На улице, как раз напротив них, остановилась молодая мама с карапузом лет пяти. Мама разговаривала по телефону, а карапуз строил Вере рожицы. Она ему улыбнулась и подмигнула. Такая удача обрадовала карапуза, и он с ещё бóльшим усердием принялся

за свою деятельность, а в завершение показал ей язык.

Вера рассеялась и в ответ тоже показала язык, чем ввергла карапуза в полное удивление. Но мама закончила телефонный разговор и потянула за руку своё чадо дальше, а карапуз ещё долго оборачивался на смешную тётю в окне.

– Как всегда, высокопрофессионально, – дал свою оценку Жан, оторвавшись от текста.

Вера ему подмигнула.

– Что с вами такое? – возмутился Жан. – Почему вы сегодня такая возбуждённая, с непонятным поведением?

Вера чуть перегнулась через стол и, хотя в кафе они были одни, за исключением официантов, произнесла шёпотом:

– Я влюблена.

Жан от неожиданности поперхнулся соком. И дрожащим голосом спросил:

– В кого?

Увидев его реакцию, Вера искренне рассмеялась.

– В жизнь, в весну и в свой красный зонт. Который я хотела целый год.

Она встала, накинула плащ, повесила свою сумку на плечо и под раскрытым зонтом прокрутилась в танце до входной двери. Официанты отреагировали спокойно, они и не такое видели. У Жана же в глазах было смешанное чувство ужаса и возмущения поведением его сотрудницы.

Только Вере было весело и легко. Она была влюблена и упивалась этим чувством. Выйдя на улицу, она глубоко вздохнула, подмигнула прохожим, ответившим ей улыбками, и летящей походкой направилась по набережной к своему дому.

Новошахтинск, Ростовская обл.

Слепушонки

Глубоко под огородом,
Под тяжёлым землесводом
Жили-были слепушонки.
Слепушонки – не мышонки,
Не кроты, хотя похожи,
И едят одно и то же.
Не сурки, не хомячки,
Хоть и тоже толстячки.
 Может, эти слепушонки
 Вскачь могли как лягушонки?
 Или плавали как рыбки?
 Как зайчата были прытки?
 Нет, они спокойны очень
 Целый день и даже ночью.
 Но, как прочим грызунам,
 Всё им было по зубам.
Жили-были слепушонки:
Три мальчишки, две девчонки.
Очень ловко рыли норы,
Норы, словно коридоры,
А по ним к ежам ходили,
Угощения носили.
И дружили всей семьёй
С хитрой мышкой полевой.
 Были маленьких размеров,
 Но жевали всё без меры,
 То есть грызли, грызли, грызли,
 Словно стать хотели грызли,
 Стать огромными, как мишки,
 Две девчонки, три мальчишки.
 Но росли, как тот пузырь,
 Увеличиваясь вширь.
И носили слепушонки
Не штаны, не распашонки,
Не рубашки и не юбки,
А изысканные шубки.
Очень мягкие, густые,
Не найдёшь себе такие.
И почти что без хвоста –
Вот какая красота!

Сурикаты

На мирное сафари
В пустыню Калахари,
Ну, то есть без ружья,
Хотел бы съездить я.

Живут там сурикаты –
Отважные ребята,
Как столбики, стоят:
Семья или отряд?

Понять давно хочу я,
С кем столбики воюют,
И кто у них друзья,
Узнать хотел бы я.

В пустыне ведь не пусто,
Там водятся мангусты
И очень много змей
Одна другой страшней.

Повсюду, как шпионы,
Таятся скорпионы,
В хвостах таскают яд
И жалят всех подряд.

Там бегают гепарды,
Термитов миллиарды,
Шакалы тоже есть
И львов не перечеть.

Среди таких соседей
Укушен или съеден
Быть может сурикат,
Но он не трусоват.

Как будто в маскхалаты
Одеты сурикаты.
Для них совсем не блажь
Такой вот камуфляж.

Скорей бы на сафари
В пустыню Калахари,
В горячие края!
Заждались там меня.

Лилия Ёж Ростов-на-Дону

Чистоплюх

Каждое утро в семье Зубаревых начинается одинаково. Папа разыскивает носки. Мама гремит посудой и возмущается, что только вчера оставила невытой кружку, а сегодня в ней уже плесень.

Пятилетний Пашка ищет колесо от машинки и непонятно куда пропавший глаз белого медведя, с которым он давно не играет. «Интересно, кто ломает мои игрушки?» – думает Паша.

По вечерам, укладываясь в постель, он притворяется спящим в надежде увидеть виновника беспорядка, но глаза предательски слипаются, и Пашка засыпает.

Но однажды он проснулся от громкого сопения и увидел, как кто-то круглый и лохматый, с торчащей во все стороны грязной шерстью, откручивает колесо от машинки.

– Вы что делаете? – возмущённо спросил он у незнакомца.

– Ломаю твою машину, – невозмутимым тоном ответил лохмач.

– Зачем? – не понял Паша.

– Затем, чтобы ты не разбрасывал игрушки по всей комнате, а складывал в ящик, как положено.

– А вы, собственно, кто? – разозлился Пашка, потому что не любил, когда его учат незнакомцы.

– Я домовый Чистоплюх. Слежу за порядком в доме.

– Так это вы папины носки прячете? – вдруг догадался Паша.

– Я, – честно признался Чистоплюх. – А как его ещё к порядку приучить?

– А шнурки на кроссовках? Вы запутываете?

– Моя работа, – довольно протянул домовёнок. – Пусть на полочку ставит.

– А плесень в чашках?

– О! Это моя гордость! Такой плесени ни у кого нет. Я её специально для твоей мамы выращиваю. Терпеть не могу, когда грязную посуду и крошки на столе оставляют. От этого тараканы заводятся, а я их боюсь. Они могут своими усиками зацекотать до смерти.

– И не лень вам каждую ночь безобразничать?

– Я не безобразничаю, а приучаю вас к порядку. Работа у меня такая. Понятно?

Пашка знал, что работа – дело серьёзное, поэтому ответил:

– Понятно. Можно вас попросить: не ломайте, пожалуйста, мою машину. Я её обещал одному мальчику показать, а без колеса не могу. Обещаю: завтра игрушки сложу в ящик.

Утром Паша навёл порядок в комнате. Оставил только пожарную машину, чтобы взять с собой в детский сад.

Заглянув к родителям в спальню, увидел отца. Тот стоял на четвереньках и шарил рукой под кроватью.

– Привет, пап! Носок ищешь?

– Да, ищу. Пашка, признайся: это ты всё время прячешь мои носки?

– Нет. Не я. Пап, а может, лучше складывать их вечером в шифоньер? Тогда утром искать не придётся.

– Ты это... сначала игрушки свои сложи, а потом отца жизни учить будешь. Ишь, умник нашёлся.

– А я уже сложил. Можешь проверить.

Отец зашёл в детскую комнату, подозрительно посмотрел по сторонам и заглянул под кровать. Потом увидел пожарную машину и, довольный, указал на неё пальцем:

– А это что?

– Эту я с собой в сад возьму.

Мама на кухне гремела кружками и, как всегда, возмущалась, вымывая из них плесень.

– Мам, а давай будем посуду мыть сразу после ужина? Хочешь, я буду тебе помогать?

Мама удивлённо посмотрела на сына.

– А кто тебе будет помогать игрушки складывать?

– Я уже сам сложил!

– Все игрушки? – не поверила мама.

– Ну, почти. Одну машинку я в садик возьму.

– Молодец, сынок! – похвалила она.

Позавтракали яичницей с колбасой. Запили чаем. Оделись и ждали папу. Он долго не мог обуть кроссовки.

– Пап, знаешь, мне один знакомый сказал, что если обувь ставить на полочку, то шнурки не будут запутываться.

– Да какая разница, где они стоят, на полу или обувной полке?

– Конечно, есть разница. Если ставить на полку, то в коридоре порядок будет.

– Надо же. И когда наш Пашка успел повзрослеть? – удивилась мама.

Вечером, вернувшись из детского сада, Пашка положил пожарную машину в ящик с игрушками. Папа поставил кроссовки на полочку, а носки сложил в шифоньер. После ужина мама мыла посуду, а Пашка вытирал полотенцем и складывал в стол. Оставшийся хлеб убрали в хлебницу и собрали все крошки с клеёнки.

Перед сном Паша зашёл на кухню попить воды и увидел Чистоплюха. Домовёнок поливал мамины цветы, стоящие на подоконнике, какой-то подозрительной розовой жидкостью.

– Опять безобразничаете? – спросил у него Паша.

– Нет. Удобряю. Хочу твоей маме сделать приятно. Люблю, когда в доме порядок.

Утром из кухни выбежала радостная мама:

– Вы только посмотрите, какая красота!

Мамина герань расцвела. Цветочки были самых разных цветов и оттенков: красные, белые, розовые, сиреневые и кремовые.

А на карнизе сидел, свесив ноги, домовёнок Чистоплюх. Он улыбался во весь рот, а шёрстка у него была чистая, блестящая и расчёсанная.

Страница автора
vk.com/id288771059

Книжные бестселлеры

ОЛЕГ КАЧАЛОВ
Фэнтези
www.knigi-market.ru

**КОЛДУН
ИЗ
Черной Перчатки**
Фэнтези

16+

АЛУ
Союз писателей
Издательство

Детектив – это не профессия,
а образ жизни...

Юлия Фаро

Детектив,
мистика,
остросюжетный
любовный роман

16+

**ВЕРТЕП
санаторного типа**

16+

АЛУ
Союз писателей
Издательство

www.knigi-market.ru

МАРИНА СЛИВКО
Нереальность

реальность

18+

АЛУ
Союз писателей
Издательство

18+ ФАНТАСТИКА, ФЭНТЕЗИ и ПРОСТО НЕРЕАЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

ИЛЬЯ БАХМУТСКИЙ
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

**ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ
ЖИЗНЕННЫХ
ДОРОГ**

18+

АЛУ
Союз писателей
Издательство

18+

Заявка на участие в журнале «Союз писателей»

Наши услуги

Проект ведётся по принципу самофинансирования, участие подразумевает оплату за занимаемый объём из расчёта 300 руб. / страница прозы; 500 руб. / страница поэзии.

Максимальный возможный объём публикации в одном выпуске — 10 страниц. Возможна публикация больших произведений с продолжением в следующих номерах.

Биографии авторов в журнале не публикуются.

Оплата заказанных экземпляров только предварительная. Стоимость 1 экз. — 300 рублей + почтовые расходы. Приём работ — по графику.

Заполните анкету, вырежьте страницу и отправьте по почте: 654079, г. Новокузнецк, Кемеровская область, а/я 170. Издательство «Союз писателей».

Ф. И. О. (и псевдоним автора):

Полный почтовый адрес:

Номер телефона:

Кол-во экземпляров журнала:

Кол-во предполагаемых страниц для участия:

Удобный способ оплаты (подчеркнуть нужное):

На расчётный счёт / VISA / Электронные деньги
(Яндекс.Касса) / Почтовый перевод

Ваш координатор:

подавая заявку в журнал, я соглашаюсь с условиями публикации.

Дата _____

Подпись _____

Полный цикл издательских работ:

- профессиональная вёрстка;
- корректорская и редакторская правка текстов;
- индивидуальное художественное оформление;
- присвоение ISBN и библиотечных кодов;
- изготовление книг на собственном оборудовании;
- издание электронных книг в различных форматах.

Продвижение и помощь в реализации:

- написание рецензий, отзывов, статей;
- информационная поддержка в периодических изданиях;
- возможность размещения на интернет-ресурсах издательства и партнёров;
- реализация в розничных книжных магазинах.

Программы Литературного агентства «Новые имена»:

- «Новые имена современной литературы»
- «Персональный литагент для поэтов»

Кроме того:

- сезонные и индивидуальные скидки;
- VIP-клуб литераторов;
- создание мультфильмов по вашим произведениям;
- конкурсы.

И ещё...

Издательство «Союз писателей» с радостью примет и опубликует на своих площадках ваши:

- отзывы о журнале и книгах;
- рецензии на книги или материалы журнала;
- фото с книжной продукцией издательства;
- новости о мероприятиях и достижениях.

Если у вас есть чем с нами поделиться — присылайте письма на электронный или почтовый адрес редакции.

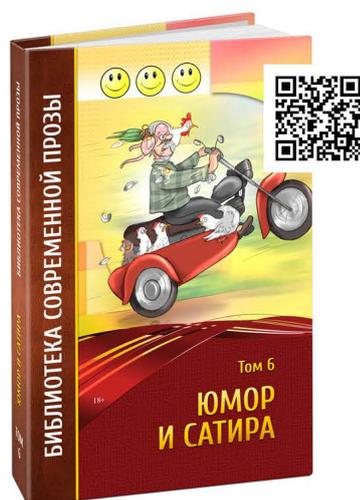

На полках наших магазинов
«Планета книг» и «#Книга»
более 1000 изданий.

planeta-knig.ru | knigi-market.ru

#КНИГА

Интернет-магазин
современной литературы

knigi-market.ru

Журнал в социальных сетях

